

**ЧУКОТСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ,
МИФЫ И ПРЕДАНИЯ**

Ладеньке Булетовой

на добрую память
о Льве Васильевиче, о том
времени, когда он был с нами...

С искренним уважением

А. Беликов

14 апреля 1983г.

Ленинград

Записал
и перевел с чукотского
Л. В. Беликов

**ЧУКОТСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ,
МИФЫ И ПРЕДАНИЯ**

Магаданское книжное издательство 1982

Вступительный очерк кандидата филологических наук
Л. В. БЕЛИКОВА

Оформление заслуженного художника РСФСР
Д. А. БРЮХАНОВА

Б $\frac{47.2.66-045}{M-149(03)-82}$ 14-82

© Магаданское книжное издательство, 1982

О чем
рассказывают
чукотские
народные
предания,
мифы
и сказки

...Холодное бурное море... Волны вздымают вверх и бросают вниз маленькую кожаную лодочку, плотно обтянутую моржовой кожей, наглухо закрытую, чтобы не проникала вода. Только в середине — круглое отверстие, где сидит человек... Туго затянуто ремненным шнуром отверстие это вокруг туловища человека, как поясом крепким затянуто, а иначе гибель, если проникнет вода — бушующие волны поглотят человека...

Упорно борется с волнами полярный охотник, направляя крохотную лодочку свою по гребню огромной волны. Он не должен погибнуть — он должен бороться с волнами из последних сил, чтобы жить и добывать зверя, добывать себе пищу, чтобы уцелеть и выжить.

«...Ох и долго же плыл он до края моря, но все плыл и плыл дальше. Наконец, достиг он очень бурного моря... Лодочку сильно волной бросало, и все же не утонул Рорат...»

Так выразительно повествует «Сказание о Рорате» о морском путешествии смелого охотника в поисках похищенной жены. Герой чукотского сказания преодолевает на своем пути и бурное море, и тихое и даже плывет в полной тьме... Потом он взмывает на лодочке в воздух и смело проскакивает через «Птичьи ворота» — раздвигающиеся и смыкающиеся, как «огромная пасть», скалы на краю моря. Но проскочить сквозь эти «ворота» надо очень быстро и ловко, а иначе гибель — раздавят.

Опасной и трудной была жизнь человека в далеком прошлом в этих полярных широтах, у самого холодного моря.

В давние времена чукотские охотники отважно пускались далеко в море на своих кожаных лодочках и потому в народных сказаниях создавались художественные образы сильных и смелых людей, древних мореплавателей, которые «обгоняют» и чаек, и уток морских...

Так, в «Сказании о двух братьях с сестрой» герои, в поисках похищенной сестры, отправляются на своей лодочке за море, на чужую землю. В пути они обгоняют летящих морских птиц так

же смело, как и Рорат, проскакивают смыкающиеся скалы и плывут дальше, пока не достигают чужого берега, где живет сильный и коварный похититель, обладающий не только физической, но и колдовской силой...

Такую впечатляющую, выразительную картину морских путешествий рисует мифологическая фантастика приморских охотников, возникшая в глубокой древности, тысячи лет назад.

Неравная борьба со страшной и беспощадной морской стихией была повседневной и обычной жизнью древних охотников на моржа и тюленя, на белого медведя. Это были приморские чукчи и их ближайшие соседи эскимосы, вернее, их далекие предки, обитавшие в северо-восточном углу азиатского материка, у самого холодного моря, еще за порогом нашей эры — две—три тысячи лет назад...

Повседневная жизнь этих людей была постоянно наполнена смертельной опасностью, голодом и холодом, морскими штормами летом и снежными бурями зимой. И эта многовековая охотничья жизнь приморских северных племен на краю земли закономерно отразилась в их мифологии, в их древних сказаниях и преданиях.

Зимой, когда подолгу дула пурга и охотники не могли выйти на промысел тюленя в торосы, жизнь в шатрах¹ без пищи и жира останавливалась... Нечем было поддерживать спасительный огонь в жировых площадках, а они ведь давали и свет, и тепло в жилищах, в спальнях, в полах — своеобразных меховых кабинках, которые ставились внутри шатров, чтобы укрыться от полярного холода. Нечего было есть, когда иссякали запасы пищи, когда в мясных ямах исчезали последние куски «копальгина» — мерзлого моржового мяса. И люди умирали — сначала дети, потом взрослые... Нередко на морском побережье вымирали от голода и холода целые стойбища.

На протяжении тысячелетий зимний голод был постоянным и страшным бедствием здесь, в полярных широтах, на побережье океана. Об этом рассказывают нам — и часто с печальными подробностями и натуралистическими деталями — многие чукотские мифы и предания. А некоторые прямо начинаются с описания голода в приморских жилищах, с рассказа о вымерших стойбищах. И звучат эти рассказы очень сурово и убедительно, создавая зримую и отчетливую картину голодной смерти людей в холодных и темных жилищах.

«Совсем не было никакого зверя. Долго, очень долго дула пурга. Потом люди с голоду умирать начали. Кто живой был еще — мышей ели».

¹ Так первые исследователи называли легкое переносное жилище из оленьих шкур, существовавшее и существующее у некоторых северных народностей. В настоящее время этот тип жилища у чукчей принято называть словом «яранга», вошедшем во многие издания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова и «Словаря современного русского литературного языка» (Прим. ред.).

Так начинается «Миф о большой гагаре», в котором лаконично и образно рассказывается о зимнем голоде в приморском стойбище и о том, как оставшиеся в живых люди, истощенные голодом, ставят в море, на льду, тюленью сеть в лунках в надежде на добычу. В сеть попадает мифическая гагара огромных размеров, которую трое людей с трудом доставляют на берег. Сваренная и съеденная всем стойбищем гагара не только подкрепляет голодающих людей, но и как бы знаменует возобновление промысла и прекращение голода: в сеть уже попадает настоящая добыча — тюлени, и тогда «...поправились люди, не голодали больше».

Сказка «Сирота и волки» тоже начинается с очень выразительного описания голода у приморских охотников: «Когда-то, еще очень давно, ох и сильная пурга была! Долго дула пурга, и в море не было зверя. Почти все люди от голода и холода вымерли. Оленные только и выжили».

В сказке очень увлекательно и подробно, со многими бытовыми деталями, рассказывается история сироты, который в четырехлетнем возрасте остался один в вымершем шатре. Добрые и заботливые волки помогают ему выжить и вырасти, наставляют его. С их помощью он отправляется в дальний путь, в тундру, по оленним стойбищам, встречается с жестоким хозяином-насильником, который притеснял соседей. Сирота с помощью волков побеждает насильника в состязании на копьях и в борьбе, приканчивает его бревном, которым тот забивал соседей, и берет в жены его дочь...

Так тема страшного голода и вымирания людей переходит здесь в полуфантастический рассказ о продолжении человеческой жизни, о герсической победе спасенного волками сироты над жестоким насильником. В сказке утверждается и прославляется жизнестойкость человека, сумевшего выжить даже в самое страшное время зимнего голода.

Отважные и выносливые чукотские охотники еще в очень давние времена стремились выразить в своем устном художественном творчестве незыблемую веру в удачу, в победу, в жизнь, которая никогда не должна угасать...

...И тем не менее жизнь древних охотников нередко обрывалась самым неожиданным образом — в бушующем северном море, снежной тундре или лапах разъяренного белого медведя, с которым охотник был особенно осторожен, зная его страшную силу и свирепый нрав в голодное зимнее время...

С белым медведем, «умкой», нельзя было враждовать открыто. Его можно было убивать только на пищу, что было оправдано законом жизни. Его надо было «задобрить», а потому необходимо было после успешной охоты совершать обряд благодарения, с закливаниями и трапезой, и «содействовать» таким магическим способом охотничьей удаче. Надо было «объяснить» медведям, что человек вынужден иногда убивать их, чтобы медвежьим мя-

сом и жиром спасти себя от голодной смерти, чтобы поддержать свое трудное существование во время зимнего голода и холода, когда снежные бури сотрясают шатры, выдувая из них тепло и жизнь...

Люди как бы «просили прощения» у медведя за убийство и «благодарили» его за мясо, жир и шкуру. А иначе медведи могли «отомстить» по законам кровной мести... О такой медвежьей «мести» рассказывают древние чукотские мифы, дошедшие до наших дней.

Так в далеком прошлом древние люди стремились воздействовать на окружающую их природу, на животный мир, с которым непосредственно было связано их существование, воздействовать силой своего слова, с помощью обрядов и заклинаний. О взаимоотношениях человека со зверем создавались мифы, в которых зверь противостоял человеку как полноправный партнер в равном поединке.

Тема эта органично входила в мифологию древних полярных охотников: борьба со зверем, охота на диких животных была основой их существования. Отсюда многочисленные и разнообразные «звериные» сюжеты в чукотской мифологии. Все так или иначе шло от жизни, даже самая причудливая фантазия, в которую верили и те, кто рассказывал эти древние мифы, и те, кто слушал их в шатрах, под вой пурги, когда прекращалась охота.

Белый полярный медведь занимал важное место в жизни приморских охотников, в их постоянной и жестокой борьбе за жизнь так же, как тюлень и морж, промысел которых был главным источником существования полярных охотников, обитавших с незапамятных времен там, где узкий пролив разделяет два материка, где сходятся восточное и западное полушария нашей планеты. И потому мифологическая фантастика чукотских охотников олицетворяла этих животных — белого медведя, тюленя, моржа, кита — уподобляла их человеку, наделяла их человеческими качествами. Однако внешне эти звери в мифах обычно изображались, как животные, с их повадками и силой, хотя и живут они в мифах как люди, говорят человеческими голосами и охотятся тоже как люди.

Древние чукотские охотники верили в то, что звери живут как люди: так же могут думать и говорить, так же любить и враждовать, а иногда и мстить... Могут вступать и в брачные отношения с людьми... Они имеют свою страну, свои жилища. Так изображались в чукотской мифологии многие животные, но чаще те, которые являлись предметом постоянного промысла.

Звери в мифах вступают с человеком в определенные равноправные взаимоотношения — добрые или враждебные. В одних случаях это взаимопомощь и даже любовные и брачные связи, в других это игра, «увичвэт» — состязание не на жизнь, а на смерть, борьба жестокая и упорная, из которой человек, как повествуют мифы, всегда выходит победителем.

Так создавались чукотские мифы о белых медведях, живущих, как люди, в снежных или меховых жилищах, в своей стране, на островах в океане. Они похищают у человека жену, и человек вступает с ними в борьбу, в смертельное состязание, «играя» моржовой головой с острыми клыками, как мячом, и побеждает... А затем он пронзает копьем и самого похитителя — Кочатко — «сильнейшего», главного среди медведей.

В результате этой победы человек получает сразу двух жен — свою, человеческую, которая была похищена медведем, и молодую медведицу, которую отдают ему в жены, чтобы вознаградить за силу и ловкость. Сила человека, его ловкость и быстрота в «игре» — смертельном поединке — поражают даже таких могучих и ловких зверей, как белые медведи. «Ну и силен же ты, человек!» — с восхищением говорит старик-медведь герою, пришедшему в поисках жены.

Начинается этот миф очень спокойно и деловито, как обычно начинаются многие чукотские сказания, — ничто, кажется, не предвещает драматического развития сюжета и энергичной динамики действия: «Жил человек с женой. Человек этот охотой в море промыслял, всегда тюленей добывал. Бил он и моржей, и китов, и белых медведей тоже».

Но вот у него исчезает жена, и вся спокойная, эпическая картина обычной жизни приморского охотника резко меняется. Человек отправляется в дальний путь и наконец приходит в стойбище белых медведей. «И совсем как люди жили они и говорили тоже как люди — только медведями были белыми», — поясняет сказание.

Потом начинается серия смертельных состязаний, которые продолжаются три дня — прыжки в длину, борьба, игра моржовой головой с клыками, как мячом, когда «мяч» с силой посылается в противника. В этих состязаниях, в этом своеобразном древнем многоборье соблюдается строгий порядок и очередность — так изображаются во многих чукотских мифах и сказаниях традиционные состязания в силе и ловкости, бытовавшие у полярных охотников с давних времен так же, как и определенная система физической подготовки, необходимой для охотника.

Тренировочные упражнения с камнями и многодневные тренировки в беге по круговым дорожкам на утопанной тренировочной площадке подробно изображаются в «Сказании о брате с сестрой». Здесь старик методично, по определенной, веками сложившейся системе тренирует мальчика-сироту, чтобы он стал сильным и ловким, «легким в беге», таким, что за утками летящими поспевать будет и ветер в пургу догонять... В результате весьма длительной и упорной тренировки молодой герой «скачками бегать стал, едва земли касаясь» и «травы не шевеля», а затем успешно выдерживает неравную борьбу с огромной мифической орлицей...

Но главными и постоянными объектами морского зверобой-

ного промысла полярных охотников были тюлень и морж. Именно поэтому другая, более многочисленная группа чукотских мифов и преданий, представленных в этой книге, связана с очеловечиванием моржа, с фантастическими сюжетами о брачных связях человека с тюленем.

В этих мифах повествуется о девушке, которую отец и братья, чтобы избавиться от нее, подвешивают, связанную ремнями, на крутом утесе над морем. Когда ремень, на котором висела девушка, подгнивает и обрывается, она падает в море, попадает к моржам, сама превращается в моржиху, и начинается ее вторая жизнь — жизнь хозяйки моржовой страны. Но жестокость должна быть наказана. И девушка-моржиха мстит отцу и братьям — топит их в море, опрокидывая лодку...

В другом варианте этого мифа девушка-моржиха сбрасывает в воду отца, а братьям, сидящим в лодке, велит вернуться домой и сказать о ней матери: «Ее там видели мы».

В дошедших до нас и известных нам чукотских мифах о тюлене встречаются разные сюжеты, но основная тема их — это брачные связи человека с тюленем. В одних сюжетах тюлень утаскивает в воду женщину, жену охотника, и там она превращается в тюленью самку, становится женой тюленя. В другом мифологическом предании охотник вступает в брачную связь с нерпой, пока нерпу не убивают люди в его отсутствие. Обнаружив кровавую лужу на льду, у знакомой лунки, и поняв, что подруга его убита, человек предается отчаянию и горю.

Постоянная и упорная борьба с морской стихией порождала эту своеобразную фантастику, связанную как с приключениями самих охотников, отважно переплывающих море и проскакивающих на лодке смыкающиеся скалы, так и с олицетворением морского зверя — моржа и тюленя, а также и кита.

В чукотских мифах киту тоже отводится определенное место: в более древних — кит становится мужем отвергнутой, нелюбимой дочери, и она рождает от него сына, который, в свою очередь, становится героем других мифов, и называется он уже «китовым человеком». Эти «китовые люди» живут где-то в морской глубине, в своей «стране», но живут, как люди, и разговаривают, как люди. С ними тоже встречается человек, попадающий в их страну, — об этом также рассказывается в мифах и сказках и рассказывается так, будто речь идет о чем-то обычном, естественном, просто, как о встрече человека с людьми из другого племени.

В более поздних мифах и сказках киты, или «китовые люди», образуют уже «китовый народ», который живет глубоко в море, — там их «страна», и туда к ним попадает человек, нырнувший в море. Человек берет там в жены «китовую женщину», которую ему предлагают сами киты, а потом претерпевает на дне моря опасные приключения...

Так в художественных образах мифологической фантастики чукотские охотники олицетворяли морских зверей, с которыми

была тесно связана их повседневная, трудная и опасная жизнь. Тяжелой и упорной была эта многовековая, тысячелетняя борьба маленького мужественного народа, борьба за жизнь в этом краю вечных, никогда не тающих морских льдов и снега, лежащего даже летом на склонах гор и в оврагах.

В маленькой кожаной лодочке или просто на льдине с песней, обращенной к ветру, с копьём в руках плыли отважные герои чукотских сказаний в неведомые морские дали, то преследуя коварную нерпу, то в поисках похищенной жены или сестры, то на выручку младших братьев, попавших в плен к людоедам за морем, на чужом берегу...

В пути они обгоняют морских птиц, плывут быстрее чайки и быстрее утки, переплывают «темные моря» и «моря лунного света», где «никогда не наступает рассвет», попадают в бурю, когда «лодочку сильно волной бросает», преодолевают смыкающиеся, как «огромная пасть», скалы на краю моря — и всегда достигают цели, всегда побеждают тех, кто вступает с ними в смертельный поединок.

И о людоедах, что живут на чужом берегу, за морем, повествуют чукотские сказания, как, например, «Сказание об Эйпыги и его братьях». ...Двух братьев-охотников ветром уносит на льдине за море, на чужой берег, где они попадают в плен к людоедам. Там, в большом шатре, собираются на свое пиршество людоеды чужеземного племени. Пленников усаживают в огромный котел, который женщины уже подготовили, чтобы варить, а над котлом подвешивают большую китовую лопатку, острую, как нож... Такой своеобразной древней костяной гильотиной, как повествует сказание, племена людоедов, жившие за морем, на другой земле, справлялись со своими пленниками, а затем варили их в котлах...

Но братьев-охотников, попавших в плен, вовремя спасает от страшной казни их старший брат Эйпыги, переплывший море на льдине с песней, обращенной к ветру... Человек необычайной силы, Эйпыги побеждает собравшихся на пиршество каннибалов, убивает их всех, выручает своих братьев, и все трое также на льдине, с помощью ветра, возвращаются на свою землю.

Зловещая китовая лопатка, острая, как нож гильотины, изображается также и в «Сказании о двух братьях с сестрой». Похититель женщины, сестры двух смелых охотников, тоже живущий за морем, подвергает коварным испытаниям братьев, приплывших к чужому берегу в поисках сестры. В первом же испытании он хочет прикончить пришельцев, с силой бросая каждого на острие китовой лопатки. Но убить их не удастся, так как старший из пришельцев оказывается сильнее похитителя...

Тогда похититель — «хозяин-насильник» — пытается сжечь пришельца в пустом жилище, предназначенном для праздничных обрядов, но это ему тоже не удастся, и он сам сгорает, став жертвой собственного коварства. Его раб, захваченный когда-то

пленник, дает пришельцам чаячи шкурки и предупреждает о том, что нельзя клевать мертвечину в пути — выброшенные морем туши моржа, кита, а также мертвую рыбу-навагу, — иначе, сказал раб: «...чайками останетесь!»

Надев чаячи шкурки и превратившись в чаек, герои возвращаются на свою землю и снова становятся людьми. Чайкой остается лишь младший брат, который клюнул все же мертвую рыбку-наважку в бухте, где они пролетали...

Все эти фантастические и, можно сказать, даже «детективные» по-своему сюжеты древних чукотских мифов и преданий в образной, художественной форме рассказывают нам о далеком прошлом, о длительной и трудной истории маленького, но очень мужественного северного народа, создавшего свою материальную и художественную культуру. Они повествуют о давней жизни чукотских полярных охотников, которая веками складывалась на этом морском побережье. Извилистой ломаной линией тянется оно, это побережье, вдоль скалистых гор и длинных обрывистых мысов, вдоль галечных кос и лагун. На этих берегах начиналась когда-то история чукотских морских зверобоев. Древнейшие корни этой истории уходили на запад и на юго-запад, в тундру, в глубь азиатского материка, в загадочную глубину тысячелетий...

...А еще раньше, если заглянуть в более древние времена, чуть приоткрытые для нас археологами и историками, — в глубину четырех—пяти тысяч лет, — мы можем представить в своем воображении совсем иную картину... Это уже не бушующее северное море, не ледяные торосы океана, а бескрайняя тундра, покрытая ягелем и кустарником, холмы и скалистые горы, а над ними — большое багровое солнце, встающее над тундрой, ветреной, пустынной и холодной...

Это уже конец короткого северного лета и начало еще более короткой полярной осени, которая в этих широтах быстро и незаметно переходит в долгую снежную зиму, с бесконечными пургами, морозными ветрами, с постоянными сумерками днем и причудливым северным сиянием ночью...

А в тундре, по широкой долине между холмами, освещенными красноватым светом утреннего солнца, несется стадо быстрых оленей... Это дикие северные олени, еще не прирученные человеком, — высокие стройные животные с ветвистыми рогами. Стук их копыт, как глухой рокот множества обрядовых бубнов, далеко слышен в утренней тишине тундры...

Бежит за оленями охотник — с копьём в руке и с луком за плечами. Он двигается легко и ритмично, сильными, широкими скачками по неровной тундре, по скользким кочкам. Черные волосы развеваются по ветру, чуть продолговатое лицо отликает медью в красноватом свете солнца, все его сильное мускулистое

тело напряжено, как тетива лука, сплетенная из самых крепких ремней... Ему надо настичь мчащихся оленей, приблизиться к ним на бросок копья, он должен догнать быстроногих животных — это его пища, это — продолжение его жизни...

... Вот он приближается к оленям, сильным взмахом руки бросает вперед копьё с острым каменным наконечником и попадает в самого последнего. Потом быстро выхватывает из-за плеча лук, из-за пояса стрелу, и — метко пущенная стрела настигает еще одного...

Далеко позади, за холмами и озерами, в долине небольшой реки, остались легкие меховые шатры, сложенные из жердей и покрытые шитыми оленьими шкурами. Там живут его соплеменники. Это стоянка древних северных охотников на дикого оленя — временная, летняя стоянка. Женщины и дети ждут там охотников с добычей.

... Женщины северного охотничьего племени — сильные и выносливые создания, верные подруги древних охотников, постоянно кочующих с места на место в поисках добычи. Женщины эти терпеливо ждут своих мужчин с тушами убитых оленей... Они ждут их, чтобы жить, растить детей — будущих охотников, шить из оленьего меха одежду, необходимую в этих полярных широтах, ждут, чтобы помогать другим своим соплеменникам, искалеченным на охоте или осиротевшим и потерявшим добытчика пища.

Таковы были законы жизни древних охотников — сегодня помог ты, поделился своей добычей, а завтра помогут тебе, если ты сорвешься со скалы и сломаешь ногу или если тебя искалечит зверь в жестокой схватке.

Но когда погибали мужчины-охотники и некому было добывать пищу, а оставались еще дети или младшие братья и сестры, то женщины, особенно молодые девушки, сами шли добывать оленя, учились этому трудному промыслу, упражнялись в ходьбе и беге с тяжелыми камнями за спиной, как это делали всегда юноши и мужчины-охотники. Именно поэтому древние чукотские сказания, изображая охоту на дикого оленя как постоянное занятие мужчин, нередко повествуют и о сильных, ловких и смелых девушках-охотницах, успешно добывающих дикого оленя копьём и луком.

А вот старые люди, когда уже становились немощными и бесполезными в этой трудной охотничьей жизни, по своей воле, по древнейшему обычаю добровольной смерти, обрывали свою жизнь... Этот древний обряд выполняли по воле родителя старший сын или старшая дочь, пронзая старика копьём сквозь меховую стенку спального полога... Таков был древний закон первобытной охотничьей общины, обычай, возникший в условиях постоянной и тяжелой борьбы человека за свое существование.

Уходя из жизни, эти старые люди, как повествуют сказания, переселялись в другой, «верхний мир», населенный, по мифоло-

гическим представлениям чукчей, покойными предками, то есть теми людьми, которые умерли здесь, внизу, на земле, и продолжают жить наверху, на «небесной тверди», обычной земной жизнью. Но только «жить» там уже приходилось в непосредственном и довольно опасном соседстве с «келе» — злыми существами, враждебными людям.

Злые келе — эти отрицательные персонажи чукотской мифологии — «жили», конечно, не только в «верхнем мире», но и в «нижнем», то есть на земле, и даже под землей, где они занимались оленеводством, как это весьма выразительно изображается в «Сказке о вороне». На земле келе жили в уединенных местах или на другой земле за морем, жили как люди: в таких же жилищах, и охотились так же. Но только охотились они на людей.

Эти келе в чукотской мифологии были разных «категорий». Внешне они могли походить и на человека, но это были не великаны, а существа, по размерам своим близкие к человеку. И человек вступал с ними в равный поединок. Келе нередко обладали сверхъестественной силой, преодолеть которую могли только шаманы своими колдовскими магическими приемами, выполнявшие роль «посредников» между людьми и келе.

Келе всячески досаждали людям: напускали на человека смертельную болезнь, и тогда требовалось вмешательство шамана; келе похищали у человека жену, и тогда человек сам вступал с келе-похитителем в борьбу и побеждал его в смертельной «игре» так же, как в состязании с белыми медведями.

Такая борьба человека с келе за свою жену изображается в уже упоминавшемся «Сказании о Рорате». Герой сказания отыскивает похитителя далеко за разными морями и смело вступает с ним в состязание. Но на этот раз мячом служит уже не моржовая голова, а большой и тяжелый камень, обшитый кожей. Они также состязаются в «нырянии» в землю, в море и наконец — в беге. Во всех этих видах фантастического многоборья человек неизменно побеждает сильного и коварного келе, получает обратно свою жену и возвращается домой.

Были и другие келе — жившие в «верхнем мире», и их «поведение» весьма художественно и даже с юмором изображается в «Сказании о Тиркинпынэу — Солнечной Старухе». Это большое, исторически многослойное сказание, насыщенное необычайными приключениями молодой героини, унесенной в пургу сильным порывом ветра. Она попадает в «верхний мир», в большой и светлый шатер Тиркинпынэу — Солнечной Старухи, которая лежит там «лицом вниз» и сверху, через круглое отверстие, смотрит вниз, светит людям. Так изображается в чукотских мифах солнце — как добрая и могущественная сила, помогающая людям.

Во многих известных нам чукотских мифах, сказаниях и преданиях так или иначе упоминается охота на дикого оленя как главный источник существования героев, и очень убедительно

изображается весь связанный с этой охотой быт. Чукотские сказания нередко так и начинаются, что вот живет человек с женой и человек этот «постоянно на диких оленей охотится».

Охота на дикого оленя является обычным и постоянным занятием многих чукотских мифологических и сказочных персонажей. Это наглядно и убедительно свидетельствует о том, что охота на дикого оленя была самым главным промыслом в ранней истории чукчей на протяжении очень длительного времени, когда их далекие предки не знали еще морского зверобойного промысла, когда битали они в глубине тундры и лесотундры, кочуя со своими легкими переносными шатрами вслед за стадами мигрирующих оленей.

Так, в одном из мифов, помещенном в этой книге («Миф о четырех братьях»), охота на дикого оленя изображается как постоянное занятие героев, как единственный источник их существования. Здесь говорится даже о «множестве диких оленей», проходящих невдалеке, так что слышен стук копыт и треск рогов... Миф, таким образом, переносит нас в весьма отдаленное прошлое, в древнейший период чукотской истории...

Охота на оленя давала людям и пищу, и одежду, и материал для жилища, то есть все самое необходимое для жизни в северных широтах. Чукотский меховой шатер, по-чукотски — «яран'ы», имел конусообразную форму и был универсальным жилищем для тех климатических условий в течение тысячелетий — сначала для охотников на оленя, а потом и для оленеводов-кочевников.

Шатер складывался из легких, но прочных деревянных жердей и покрывался сверху шптытыми оленьими шкурами. Внутри шатра, у задней его стенки, ставился так называемый полог (по-чукотски — «эрон'ы») — спальное помещение из оленьих шкур в форме меховой кабины, плотно закрытой с трех сторон и с поднимающейся передней меховой занавеской для входа. Пол внутри такого полога устилался сухими ветками кустарника и шкурами старых оленей. На шкурах сидели, ели и спали, укрываясь меховыми одеялами. Этот полог периодически снимался и вытаскивался наружу, на снег, для проветривания и чистки.

Меховая одежда охотников, а затем и оленеводов-кочевников, состоявшая из верхней одежды (мехом наружу) и нижней (мехом внутрь), не только регулярно сменялась в течение суток, но и тщательно просушивалась и вычищалась специальными приспособлениями из оленьего рога. Даже в тех климатических условиях, исключавших какие бы то ни было «водные процедуры», люди, в труднейших условиях охотничьего и оленеводческого быта, вырабатывали свои элементарные гигиенические нормы, используя для этого свойства оленьего меха. Легкий мех этот не только хорошо вычищается, но и сам чистит человеческую кожу, сохраняя и тепло, и необходимую гигиену тела при большой физической нагрузке и постоянном движении охотника или оленевода в тундре.

В спальном пологе, у задней стенки, ставилась каменная, а позднее деревянная чаша типа плошки, наполненная растопленным оленьим салом или тюленьим жиром, с фителем из сухого толченого мха, который насыпался на передний край плошки и горел длинным, ровным пламенем. Такого рода жировой светильник — «жирник» (по-чукотски — э'эк) — тоже был остроумным изобретением северных охотников на оленя, так как одновременно давал и тепло и свет.

В холодной части шатра, как раз посередине, под верхним дымовым отверстием, находился очаг, сложенный из камней. Над ним вешали или ставили каменный, а позднее чугунный котел, в котором раз в сутки, вечером, варили оленье мясо. Основной горячей едой было мясо, которое съедалось в значительном количестве: это было нужно для того, чтобы охотник мог сохранять свою физическую силу, энергию и выносливость, столь необходимые для существования в суровых условиях северных широт. Однообразное мясное питание дополнялось рыбой, которую ловили в тундровых реках и озерах, а также диким луком и съедобными кореньями, которые употреблялись в качестве растительной приправы к мясу.

Таким был повседневный быт охотников на оленя, оленеводов-кочевников — их жилища, одежда, пища — таков был образ жизни этих людей в прошлом. Обо всем этом так или иначе упоминается, а иногда и довольно подробно рассказывается в разных чукотских мифах, сказаниях и преданиях, собранных в этой книге.

...Тысячелетиями жили так эти люди — древние охотники на дикого оленя, кочевавшие на огромных пространствах тундры и лесотундры, на северо-востоке азиатского материка — далекие предки чукчей. История их была долгой и трудной.

В упорной борьбе за жизнь в этих северных широтах создали они свое древнее охотничье общество, основанное на родственных семейных связях и постоянной взаимопомощи. Это были маленькие семейные общины, которые селились и жили своими стойбищами. На протяжении многих веков они создавали свою материальную охотничью культуру — орудия и способы охоты, нарты, лодки, жилище, одежду.

На протяжении тысячелетий складывались бессознательно-художественные представления этих людей об окружающем их мире, зарождалась мифология, в которой олицетворялась природа и прославлялся сильный и смелый человек. Вера в силу и ловкость человека, в его непобедимость, вера в удачу, прославляемая в мифах и сказаниях, всегда помогала этим полярным охотникам в их трудной и опасной жизни, возбуждала энергию, которая никогда не должна была иссякать.

И вместе с тем олицетворение природы, очеловечивание жи-

вотных в чукотском мифотворчестве не превращалось в систему религиозных представлений, не становилось обожествлением зверя. Именно поэтому животное, как источник существования, приравнивается в мифах к человеку-охотнику в смертельном поединке, который всегда и неизменно заканчивается победой человека. Зверь не был объектом слепого поклонения и источником страха — он был равным партнером в борьбе.

Человек-охотник не поклонялся зверю, мифическим существам, а смело вступал с ними в борьбу и побеждал — этим пронизана, наполнена вся чукотская мифология. Не пассивная зависимость от загадочных сил, добрых или злых, не страх перед их могущественной силой, а неиссякаемая энергия человека-охотника в борьбе за жизнь, его активно-наступательное и в то же время бессознательно-фантастическое отношение к природе порождали олицетворение им животного мира.

Мифы в художественно-образной форме как бы предупреждали охотников об опасностях, учили жить и добывать зверя, учили взаимопомощи и человеческой доброте, осуждая жестокость и коварство. Многие загадочные явления в природе, окружавшей их, древние охотники пытались «разгадать» только с помощью собственных представлений и фантазии. Другого пути у них не было — до научного мировоззрения было еще далеко: многие века истории и даже не одно тысячелетие были еще впереди...

Так создавались чукотские мифы — древнейшие образные представления людей об окружающем их мире, о жизни в природе и обществе, — рассказы, в которых удивительная фантастика причудливо переплетается с реальностью, с окружающей действительностью. Да и сама фантастика отнюдь не осознавалась тогда людьми как вымысел, как выдумка, то есть «неправда». В наивном еще сознании людей той эпохи такая причудливая и насыщенная конкретными, «определенными» образами фантастика была как бы естественным продолжением самой реальной жизни, хотя внешне будто бы и отличалась от нее.

И долго еще, очень долго люди верили в фантастику, созданную их воображением, верили в свои мифы. Именно поэтому у многих народов в прошлом, начиная с древних греков, мифы назывались, да и считались «истинными рассказами». И само слово «миф» по-гречески означало «истинный рассказ». Так и чукчи свои мифы, свои устные художественные повествования называли «лым'ылтэ», что означало «истинные рассказы», то есть повествования, в которые верили.

Через это, через фантастические представления о природе и обществе, прошли в свое время все люди на земле, все человечество. Именно через такую историческую ступень в развитии древнего человеческого сознания прошли, конечно, и чукчи, и эскимосы, и другие северные народности, которым значительно труднее и дольше, чем многим другим народам нашей планеты, пришлось бороться за свое существование в жестоких климатических условиях северных широт. Да и сама незыблемая вера

в истинность своих мифов, своих представлений задержалась у них надолго — на века и тысячелетия и даже, можно сказать, до нашего времени.

Ведь только Советская власть под руководством Коммунистической партии приобщила эти народности к культуре и образованию, к научному мировоззрению, научила их отличать фантастику мифа от реальной действительности. И только уже в наше советское время, под растущим влиянием школьного образования, миф постепенно, но неуклонно и довольно быстро стал восприниматься как «сказка», то есть как уже осознанный фантастический вымысел.

В этой книге помещено немало повествований — мифов, преданий и сказок — о мужественных чукотских охотниках, морских зверобоях. Исторически их обитание на морском побережье объясняется тем, что отдельные группы охотников на дикого оленя еще в давние времена выходили вслед за стадами мигрирующих оленей на побережье океана и охотились здесь на моржа и тюленя. Поначалу этот промысел носил временный, сезонный характер, так как основным источником жизни долго еще оставалась охота на дикого оленя.

Начинался этот постепенный переход к промыслу морского зверя, как считают наши историки и археологи, примерно около двух тысяч лет назад. Но с течением времени чукотские охотники на оленя все больше и больше оседали на побережье океана и вступали в длительные контакты с эскимосами, морскими зверобоями, которые обитали здесь, на этом побережье, еще раньше.

Чукчи осваивали здесь морской зверобойный промысел, перенимая у эскимосов способы этого промысла. Так постепенно складывалась на побережье океана приморская группа чукчей, главным источником существования которых стала охота на морского зверя.

Но большая часть чукчей оставалась в тундре, занимаясь охотой на дикого оленя и рыболовством. Из охоты на оленя постепенно развивалось приручение его, а уже в дальнейшем складывалась оленеводческая группа чукчей.

В течение очень длительного времени приручали чукчи оленей, чтобы запрягать их в нарты и ездить на них, перевозить свои разобранные шатры при перекочевках вслед за стадами диких оленей, мигрирующих весной с юга на север, к побережью океана, а осенью — с севера на юг, в лесотундру, где они проводили зиму. Но стадное пастушеское оленеводство у чукчей так же, как и у родственных им по языку коряков, обитавших на севере Камчатки, сложилось сравнительно поздно, уже к XVII веку и главным образом в XVIII веке.

Именно в это время и начались межплеменные чукотско-корякские войны за оленьи стада, продолжавшиеся почти до конца XVIII века. Эти длительные межплеменные войны нашли худо-

жественное отражение в чукотских исторических преданиях и героических сказаниях о богатырях, о «сильнейших» («э́рмэчбыт»), то есть о героях, олицетворяющих в художественных, гиперболизированных образах силу и непобедимость племени.

В этой книге есть такие сказания — о сильном Вытрытве, о Нанкитэмтэне и его сыновьях, о Куллёлю — Одноусом, а также предания о Пы́глине, хромом, да сильном. В одних сказаниях борьба с врагами исторически конкретизируется, в других враги выступают уже просто как сила, противостоящая герою, чтобы ярче выделить его подвиги, чтобы прославить его непобедимость.

И Вытрытва, и Нанкитэмтэн побеждают целые полчища врагов, а Куллёлю со своим маленьким, но лихим отрядом борется с врагами, которые упорно преследуют его, борется и побеждает не только силой, но и умом, и хитростью.

Чукотско-корякские войны ускорили распад семейно-общинных отношений у чукчей, привели к образованию больших оленьих стад и к частной собственности на стада. Так появились у чукчей богатые оленеводы и бедные пастухи, так возникло имущественное неравенство, что тоже нашло отражение в чукотских сказаниях.

Чукотское оленеводство в тундре, таким образом, окончательно отделяется от морского зверобойного промысла на побережье океана, где у приморских чукчей тоже распадались древние семейно-общинные отношения и появлялась частная собственность на основные орудия промысла — на кожаные лодки-байдары, то есть возникала зависимость приморских охотников от владельцев лодок.

Все эти явления в истории чукчей так или иначе отражались в их устном народном творчестве, а потому чукотские предания и сказания — это живая художественная история, которую народ бережно хранит в своей памяти.

...Для чукотского народа весьма характерно чувство юмора, и это нашло свое отражение в устном художественном творчестве и в особенности в сказках о животных. Есть такие сказки и в этой книге. Наиболее выразительны из них в художественном отношении «Лиса и медведь», «Сказка о вороне и волке» и «Сказка о вороне».

Чукотские сказки о животных прославляют чаще всего победу слабого над сильным. И тот, кто слабее, одерживает победу над сильным обычно при помощи хитрости и ума. А отсюда в этих сказках и насыщенность юмором, и особый стиль повествования, выражающий энергию и находчивость одного партнера и глупость другого. Сказки о животных у чукчей отличаются выразительными и остроумными диалогами, это, пожалуй, их основная художественная особенность.

В советскую эпоху, которую чукчи называют «торвагыргын», что значит «новая жизнь», устное художественное творчество чукчей, так же как и других северных народностей, продолжает существовать и развиваться уже на новой, социалистической ос-

нове. В современных чукотских сказках и особенно в песнях повествуется и поется о том, что дала чукчам Советская власть, какие перемены произошли в материальной и духовной жизни чукотского народа.

Под влиянием советской действительности и с ростом социалистического сознания чукотского народа переосмысляются отдельные сюжеты и образы в устном художественном творчестве. В некоторых преданиях и сказаниях усиливаются социальные мотивы, подчеркиваются контрасты между богатыми и бедными, как, например, в «Предании о волчьем племени», «Сказании о Тиркинпынэу — Солнечной Старухе», в сказке «Сирота и волки». Создаются и новые рассказы, осуждающие шаманов, например, есть такие рассказы типа преданий и в этой книге — «Лживый шаман» и «Шаман-обманщик».

...Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила материальную и духовную жизнь чукчей, коряков, эскимосов и других северных народностей. Коммунистическая партия и Советское государство, последовательно осуществляя ленинскую национальную политику, провели огромную созидательную работу по возрождению северных народностей к новой полноправной жизни.

В 1930 году был создан Чукотский национальный округ. За прошедшие полвека, за этот небольшой исторический срок, построена новая жизнь народностей Чукотки — мощная социалистическая экономика в промыслово-оленоводческих колхозах и совхозах, местная промышленность, современная культура и массовое просвещение.

Чукчи, как и другие народы Крайнего Севера, не имели своей письменности. Ведь только при Советской власти впервые была создана письменность для северных народностей.

Первый букварь на чукотском языке был издан в 1932 году. Составил его В. Г. Богораз (1865—1936), известный ученый и писатель, исследователь языка, истории и устного народного творчества чукчей. Книги В. Г. Богораз о чукчах — научные исследования и художественные произведения — до сих пор представляют большой интерес как для ученых, так и для широкого круга читателей.

В работе по составлению первого чукотского букваря активное участие принимал И. С. Вдовин, тогда еще студент, а ныне — ученый-историк, написавший немало книг и статей по истории и этнографии чукчей и коряков.

Учебники на чукотском языке для начальной школы в течение почти полувека создавали в основном И. С. Вдовин и П. Я. Скорик — ученый-лингвист, исследователь чукотского языка, автор известных книг по чукотской грамматике. В дальнейшем, уже в 70-е годы, в работу по созданию учебников для чукотской школы включились и другие авторы — В. В. Леонтьев, К. А. Алексеева, П. И. Инэнликэй.

Теперь у чукчей есть своя национальная интеллигенция —

учителя, врачи, летчики, инженеры, писатели. В нашей стране широко известен первый чукотский писатель Юрий Рытхэу, талантливые произведения которого переведены на многие иностранные языки. На родном языке создавались стихи первого чукотского поэта Виктора Кеулькута. Талантливая чукотская поэтесса Антонина Кымытваль опубликовала уже несколько сборников своих стихов на родном языке. Стихи ее переводятся на русский язык. На Чукотке появились уже и другие национальные поэты.

...Первым собирателем и исследователем устного народного творчества чукчей был Владимир Германович Богораз. Сосланный еще в конце прошлого века царским правительством на колымский Север за активное участие в революционно-народническом движении, Богораз провел там около десяти лет. За это время он близко познакомился с чукчами, часто бывал в их стойбищах, жил с ними, изучал их язык, образ жизни, их нравы. Его очень заинтересовало устное народное творчество чукчей, и он стал записывать их сказки, предания и мифы. Им было записано и впоследствии опубликовано на чукотском языке и в переводах на русский язык большое количество различных образцов устного художественного творчества чукчей. После Октябрьской революции, уже в 20—30-е годы, В. Г. Богораз принял деятельное участие в строительстве новой социалистической культуры северных народностей, в создании письменности и первых книг для чукчей, в подготовке научных кадров для советского северо-ведения.

В наше время продолжается собирание произведений устного народного творчества чукчей. Еще в 1940 году в Ленинграде была опубликована первая книга чукотских сказок для массового читателя — «Сказки оленеводов» — на чукотском языке с переводом на русский язык. Эту книгу подготовили чукчи — бывший пастух Ф. Тынэтэгин, записавший эти сказки, и художник, мастер-косторез Вуквол, иллюстрировавший книгу. Переводы на русский язык были сделаны Г. И. Мельниковым.

На чукотском языке сказки, предания, мифы собирали и записывали на Чукотке в разное время, начиная с конца 20-х годов, — П. Я. Скорик, И. С. Вдовин, Л. В. Беликов, В. В. Леонтьев, П. И. Инэнликэй, В. В. Ятгыргин, А. А. Кымытваль, И. В. Поломошнов, М. К. Такакава и другие. Чукотские народные песни записывали В. Г. Лыткин и А. С. Тарасенко.

Чукотские сказки, предания и мифы я слушал и записывал в годы моей учительской работы на Чукотке: сначала, когда работал в канчаланской тундре у оленеводов-кочевников учителем кочевой школы, а затем в Ванкареме у приморских чукчей (1931—1934 гг.). И позднее, уже после окончания Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, когда работал на мысе Дежнева, в Уэлене директором школы и преподавателем русского языка и литературы (1939—1944 гг.).

В то время многие чукчи — не только взрослые, но и подрост-

ки — хорошо знали и охотно рассказывали свои «лымн'ылтэ».

Мифы, сказания, предания и сказки, включенные в эту книгу, записаны мною на чукотском языке (1939—1944 гг.) во время работы в Уэлене. Все это мне рассказывали Рентыиргин (55 лет), Тэгринкеу (56 лет), Гемавье (60 лет), Тэютин (28 лет) и Элеуги (35 лет) — жители Уэлена; Эттувьи (46 лет) и Кергинто (70 лет) из Меткулина; Амос (65 лет), Чимкы (42 года) и Ральниго (52 года) — из Четпокаиргина, близ мыса Сердце-Камень; Вуквулин (17 лет) из Алькатваама; Ельгин (18 лет) из Ванкарема.

Наиболее талантливыми и знающими сказителями были Амос, Эттувьи, Рентыиргин и Вуквулин, которые рассказывали особенно подробно, с художественными деталями, даже подчас изображая поведение героев. Мастерством исполнения отличался уэленский сказитель Рентыиргин, вокруг которого собиралось немало слушателей. Амос из Четпокаиргина был неграмотный и совсем не говорил по-русски. Это был умный, энергичный человек, общительный и приветливый. Рассказывал он неторопливо и очень выразительно, а потом просил прочесть записанное, чтобы убедиться, правильно ли записано то, что он рассказал. Эттувьи из Меткулина (в 30 километрах от Уэлена) хорошо знал сказки и предания приморского происхождения и любил давать пояснения по поводу отдельных деталей. Молодой и талантливый Вуквулин из Алькатваама хорошо знал и помнил предания и сказки, которые ему в детстве рассказывал дед на рыбалке.

Все эти произведения устного народного творчества чукчей, переводы которых помещены в этой книге, были опубликованы на чукотском языке Магаданским книжным издательством частично в 1961 году — первое издание и в 1979 году — второе, дополненное издание.

Уникальные во многом образцы устного народного творчества чукчей — мифы, сказания, предания, сказки — удивительно хорошо сохранились в памяти народа и дошли до наших дней. Этому способствовала органическая связь устного художественного творчества с повседневной народной речью.

Народ, тысячелетиями не знавший письменности, отражал и сохранял в этих устных повествованиях и свой жизненный практический опыт, и морально-этические нормы древней охотничьей общины. Это помогало маленькому мужественному народу выжить в труднейших условиях северных широт, создать и сохранить свою материальную и художественную культуру.

За годы Советской власти в жизни чукотского народа произошли грандиозные перемены. Современная социалистическая Чукотка, трудящиеся Чукотского автономного округа в дружной, единой семье народов нашей многонациональной страны с большими достижениями в экономике и культуре встречают в 1982 году шестидесятилетие образования Союза Советских Социалистических Республик.

Л. БЕЛИКОВ.

Миф о большой гагаре

Совсем не было никакого зверя. Долго, очень долго дула пурга. Потом люди с голоду умирать начали. Кто живой был еще — мышей ели.

И тогда два старичка и молодой с ними в море пошли, в торо-сы, — сеть на тюленей ставить. Поставили сеть тюленью в лунках.

Ночью наведальсь — только гагара и попала в сеть, но очень большая гагара... Вот обрадовались люди!

Вытащили они гагару — чуть было не улетела... Снова поставили сеть в лунках. А гагару эту большую втроем потащили — юноша впереди, старики позади — с трудом волокут по льду одну гагару большую.

Добрались наконец до берега, к жилищам своим, — вот уж дети радовались! Сварили люди гагару эту большую, всю съели.

Назавтра опять в море отправились к лункам, где сеть стояла. Пять человек пошло теперь сеть смотреть — две женщины, трое мужчин. А в сеть уже пять нерп попало и три лахтака.

Весь день тащили они сеть с добычей — вытащить не могли... Тогда сказал один сыну своему:

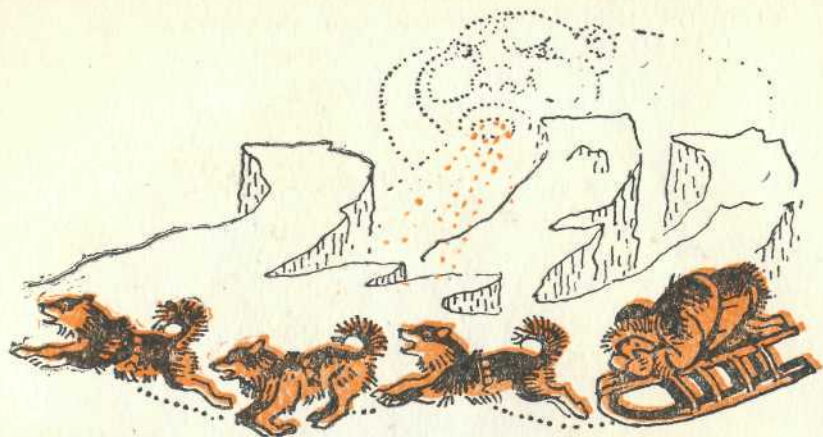
— Сходи за людьми в шатры!

Пошел за людьми сын. Позвал на помощь. Пришли из шатров люди. Вытащили они и нерп, и лахтаков. Всю добычу к шатрам приволокли.

Потом поправились люди, не голодали больше.

В Нэтэне это было

(Предание)

Говорят, давно это было, в Нэтэне¹.
Далеко в море ставил зимой сети на тюленей сын Энкивтылина. И сказал однажды Энкивтылину сыну:

— Когда сети ездить смотреть, поглядывать надо кругом и поторапливаться.

— Ладно, — ответил сын.

На другой день, до рассвета, разбудил сына отец, сказал:

— Езжай сети проверить!

Собрался сын. Еще рассвет не наступил, а он уже ехал на собаках вдоль берега. Далеко проехал, потом в море свернул.

Подъехал он к тому месту, где сети были поставлены. Спешил сети осмотреть и потому собак в сторону берега повернул.

Одну лунку пробил — светать стало. Вдруг вода в лунке заволновалась, и тут собаки завyli. Очень торопился охотник. Сильно заволновалась вода в лунке, и оттуда что-то красное показалось... А тут вдруг собаки вскочили с воем, словно ударил их кто. Испугался человек и быстро на нарту вскочил. Ох и помчался дружок!

Плохая была дорога — не для быстрой езды! Пришлось собак подгонять, и нарта в торосах едва уцелела... Уже ровнее стала дорога, но далеко, очень далеко еще до шатров. Вот беда! А сзади все дышит что-то и светит огнем по всей дороге...

¹ «Нэтэ́н» — название древнего приморского селения в районе мыса Сердце-Камень, на северо-восточном побережье Чукотского полуострова. (Здесь и далее примечания автора).

Домчался до берега охотник, стал кнут вытаскивать, а собаки завyli от страха и еще быстрее понесли. Оглянулся назад человек, а там пасть огнем дышит, полыхает огнем из пасти, ярко на дорогу светит. Стегнул он собак, рванули они, и от быстрой езды почти по воздуху нарта летела. Другой раз оглянулся — совсем уже близко, вот-вот схватит его...

Как стал к шатру приближаться, на полном ходу еще издали крикнул:

— Откройте шатер, полог поднимите!

Прямо на собаках въехал в шатер. Даже снег с себя не стряхнул — сразу в полог меховой влез...

Спрашивает отец:

— Что случилось?

Говорит сын:

— Беда, гнался кто-то за мной, от самых сетей гнался!..

— Ну и где он — этот?

— Да там, снаружи, наверно!

Подняла мать полог, а там, у входа в шатер, кто-то на моржа похожий, только голова другая...

Сказал отец матери:

— А ну, торбаса подай мне и кухлянку нижнюю. Как стану в бубен бить — поднимай полог!

Отец, оказывается, еще и шаманскую силу имел.

Стал он в бубен бить и говорит:

— Пора, поднимай!

Подняла мать полог, выскочил отец из шатра, бубен держит, а от шатра что-то уже к морю катится... На краю берега поймал отец это плоское что-то, моржу подобное, и бегом к шатру поволок. Пока держал — меньше стало, потом в комок превратилось. В шатер занес, сыну показал. Посмотрели, а это — камень...

Оказывается, это было колдовство старушки из соседнего шатра.

Когда тюленей добывал и мясо делил охотник — не давал ей ни куска. Вот и разгневалась старушка, порчу — уйвэль¹ — напустила, чтобы охотника напугать.

¹ По-чукотски «уйвэл» (злые чары, порча, колдовство) — магическое заклинание, цель которого — навредить своей жертве или напугать ее. По древним представлениям чукчей, такой колдовской силой обладали не только шаманы, но и другие люди, желающие отомстить недругу или обидчику, а чаще всего это были старушки, нуждающиеся в помощи родственников или соседей.

Миф
о человеке
и белых
медведях

Жил человек с женой. Человек этот охотой в море промышлял, всегда тюленей добывал. Бил он и моржей, и китов, и белых медведей тоже.

Однажды пошел человек на охоту в море и в торосах белого медведя увидел. Убил его. К себе вернулся, в жилище свое.

Назавтра снова пошел на охоту. И вот слышит скрип снега в торосах... Прислушался — будто приближается скрип. А потом трех медведей белых увидел. И вдруг спрашивают медведи человека:

— Нашего, на поиски пищи ушедшего, не видел?

Отвечает им человек:

— Нет, не видел.

А на самом деле того медведя он убил.

Потом к себе пошел человек. В жилище свое пришел — нет жены... Сказал он тогда племяннице:

— Кухлянку мне сделай, штаны, торбаса, шапку!

— Ладно, сделаю все! — племянница ответила.

Сделала она одежду. Отправился в путь человек, пошел жену искать.

Долго, очень долго шел человек. Наконец, увидел он стойбище. Стал подходить к стойбищу, а там, на самом краю, жилище маленькое стоит.

Пошел туда. В жилище вошел.

— Откуда? — из полога спрашивают.

— Из дальних я! — человек отвечает.

— Вон одежду снять помогите пришельцу! — сказал в пологе старик сыновьям.

Вышли из полога сыновья, а это медведи, оказывается... Медвежьего народа стойбище это, белых медведей жилища.

Сняли медведи одежду с пришельца. Говорит сыновьям старый медведь:

— Приберите одежду, сложите получше!

Прибрали сыновья одежду.

Влез человек в полог. Сказал старик дочерям:

— Еду приготовьте!

Они жир тюлений подали было гостю. Говорит человек:

— Не едим мы пищи такой!

Тогда сказал дочерям старик:

— Другим покормите!

Подали ему мяса мерзлого. Съел его. Спрашивает потом старик-медведь человека:

— Ну, зачем пришел?

— Да жена вот пропала, — человек отвечает.

Говорит ему старик:

— А жену твою наш сильнейший похитил.

— Вот как! — сказал человек.

— А тебя наши прикончить хотят!

— Пусть, раз уж на смерть пошел!

Спать улеглись. Когда утром проснулись, слышат вдруг — какой-то мужчина-медведь вошел, говорит:

— Где пришелец? Поиграть хотим с ним, повеселиться!

Вышел из жилища пришелец и к медвежьему народу пошел. В стороне от стойбища медведи дожидались пришельца. Много белых медведей там было! И совсем как люди жили они и говорили тоже как люди — только медведями белыми были¹.

Подошел к ним пришелец. Говорит ему один медведь:

— Эй, давай в прыжках померяемся!

— Что ж, ладно! — человек отвечает.

Как прыгнет медведь! А потом человек прыгнул — медведя позади оставил.

¹ По древним мифологическим представлениям чукчей, белые медведи с человеческими лицами — полумедведи-полулюди — жили своими стойбищами в снежных жилищах, на островах в океане или на противоположной стороне пролива, то есть на арктическом побережье американского материка, и вели человеческий образ жизни, как чукотские и эскимосские охотники на моржа и тюленя.

Вернулся человек к хозяевам своим. Спросил его старик:

— Ну что?

— Да сегодня позади их оставил! — ответил человек.

Назавтра утром опять посланец пришел. Говорит гостю старик:

— Ну, сегодня убьют тебя!

— Пусть, раз уж на смерть пошел!

И опять к медведям идет человек. Подошел к ним поближе. Говорит ему медведь один большущий:

— А ну, поборемся!

— Что ж, ладно! — человек отвечает.

И бросился медведище этот на человека! А человек как схватил медведя за голову, так с головы шкуру и содрал, прикончил его...

Обратно к хозяевам пошел. Опять спрашивает старик:

— Ну как? Что сделали с тобой?

— Да ничего, — сказал человек.

Назавтра утром снова пришли за ним. Говорит ему старик:

— Сегодня, наверно, убьют тебя. Есть у них голова моржовая — большая. Головой этой в мяч они играют.

— Что ж, посмотрим, — сказал человек и снова к медвежьему народу отправился.

Когда подошел он к мужчинам-медведям этим — сразу же голову моржовую и увидел. Большая была голова и с клыками. Говорят ему медведи:

— А ну, вон там, подальше встань!

— Что ж, ладно, встану! — ответил человек и встал подальше.

Потом крикнули ему:

— Сначала мы тебе мяч подадим!

— Давайте вы сначала! — человек ответил.

И кинули мяч прямо в него! Летит голова эта с клыками, вот-вот ударит его. А человек в сторону отскочил — она и пролетела мимо... Потом взял человек мяч этот клыкастый и крикнул медведям:

— Держите, вам теперь подаю!

— Ладно уж, подавай! — закричали медведи.

И выставили они вперед самого ловкого своего медведишку. Как кинул в него человек голову эту моржовую, так и пропорол грудь медведю клыками острыми! Прикончил его.

Снова к хозяевам вернулся. Снова спрашивает старик:

— Ну, как они тебя?

— Да опять прикончил вашего, — сказал человек. — А теперь вот с вашим сильнейшим сразиться надо!

Говорит человеку старик:

— Вот теперь-то убьют тебя! Сильнейший наш — Кочатко! — беда как силен, да и свиреп к тому же!

— Пусть! И на него пойду — зачем жену похитил!

И пошел человек на самого сильного медведя — на Кочатко пошел. У большого его жилища жену свою вдруг увидел... Стала говорить жена:

— Зачем пришел? Прикончат тут тебя! Беда как силен этот огромный!

Сказал человек:

— Ну и пусть, раз уж на смерть пошел! Не боюсь я!

Вдруг видит человек — выходит на него Кочатко — огромный, самый сильный из медвежьего народа этого... Из большого жилища своего выходит Кочатко. Вышел и говорит человеку:

— Ого, за женой пришел! Ну нет, не отдам так! Вот сразу и прикончу тебя!

Замахнулся было лапой Кочатко, но отскочил в сторону человек, а потом как бросится на медведя, будто нападая!.. Встал сразу на задние лапы Кочатко огромный — прикончить хотел человека. Но в тот же миг подскочил к нему человек да как ударит медведя в сердце копьём, так задрожал сразу Кочатко сильнейший, задрожал весь и кончился тут же...

Забрал человек жену свою и к хозяевам пошел. Опять спрашивает его старик:

— Ну как?

— Да прикончил я вашего сильнейшего, — человек говорит. Подумал старик-медведь и сказал:

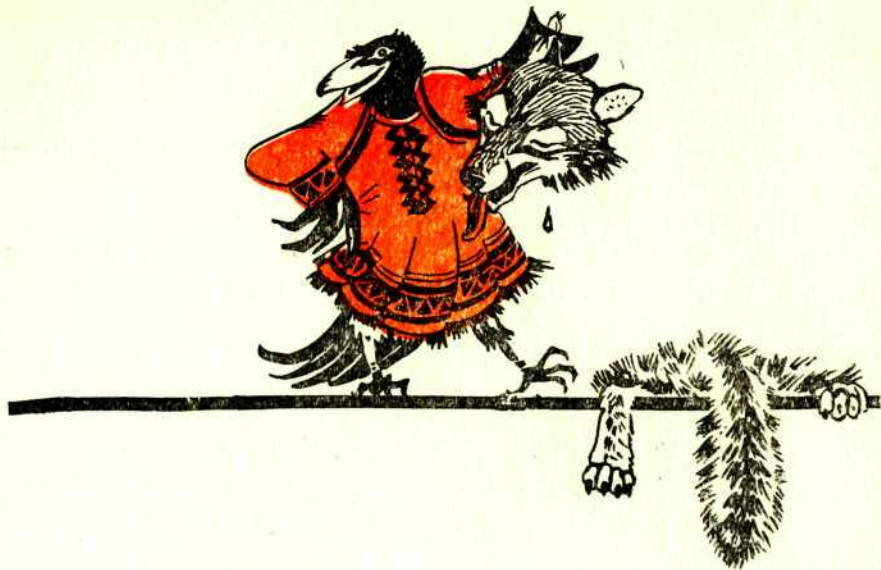
— Ну и силен же ты, человек! Бери тогда одну дочь мою в жены и к себе возвращайся!

Отправились в путь они, втроем теперь. Долго были в пути. Наконец, домой пришли, к шатру своему.

Хорошо стали жить с той поры, всегда добыча у них была.

¹ Кочатко (чукот.) — одинокий белый медведь, часто воющий в пургу, отсюда и название его «Кочатко» — «Воющий». В чукотской мифологии Кочатко — это огромный медведь, сильный и свирепый, в данном мифе — «сильнейший», главный в медвежьем стойбище.

Ворон с горки катался. Внизу, под самой горкой, озеро было. Ворон как до воды докатывался, так сразу взлетал вверх, потом снова с горки катился.

А тут вдруг волк показался. Подошел и говорит:

— Братец, а братец! Дай-ка я прокачусь!

Отвечает ворон:

— Ой, нельзя тебе! Сразу в воду угодишь, утонешь!

— Да не попаду я в воду, не утону! Дай-ка, братец, хоть разок прокачусь! А?

— Ладно, катись! Только ведь утонешь!

И покатился волк... Как до воды докатился, хотел было вскочить, да не удержался и в воду угодил!

Тут ворон покатился. А волк кричит ему из воды:

— Братец, ой братец! Вытащи меня!

А ворон отвечает ему:

— Говорил, что в воду угодишь, говорил ведь.

— Да я половину стада оленьего отдам тебе!

— Нет! Ни за что не вытащу!

— А если стадо мышей дам?

— Ни за что! — отвечает ворон.

Снова просит ворона волк:

— Да вытащи меня!

— Да нет, нет, нет!

— А если женщину красивую дам тебе, с расписанным лицом?¹

— Да ну?! Раньше бы сказал!

Вытащил ворон волка из воды. Потом за лапы взял, на себя взвалил и понес в тундру. Несет волка ворон и спрашивает:

— Ну так где ж она?

Волк отвечает:

— Да тут недалеко, за тем вон холмиком!

Наконец, опустил ворон волка на землю, сам за холмик полетел, а там никакой женщины с расписанным лицом не оказалось.

Тогда ворон надумал тоже волка обмануть: сел на землю и мертвым прикинулся...

Подошел к ворону волк, да и проглотил его целиком, не раскусывая. А ворон из желудка волчьего стал проклевывать волка насквозь. Да так вот и прикончил его. А сам наружу выбрался и улетел.

¹ Имеется в виду татуировка на лицах чукотских и эскимосских женщин, считавшаяся в древности признаком красоты.

Лиса
и медведь

(Сказка)

Была как-то в густом кустарнике лисичка. И вдруг медведь из-за кустов показался. Встретились они там. Говорит лиса медведю:

— О, пришел, братец?

— Пришел!

А лиса охрипла что-то. Каждого встречного называла она братцем, хотя совсем не были они ей братьями.

Спрашивает медведь лису:

— Вот ты кого из всех живущих самым страшным считаешь — зверя какого или кочечную голову?¹

Ответила лиса:

— Я вот страшным считаю только кочечную голову. Ведь еще издали он что-то солнечному лучу подобное² начинает наставлять прямо в мою сторону — и сразу вдруг хлопает чем-то! Поэтому вот его, кочечную голову, самым страшным считаю. Ну хоть бы сказал, вот, мол, хлопать собираюсь!..

— Вот так диво! Значит, самым страшным его считаешь?

— Ну да! Ведь ничего больше нет страшнее на земле — только кочечная голова такой.

¹ «Кочечная голова», то есть круглая голова, похожая на кочку, — так в чукотских сказках о животных звери называют человека.

² Имеется в виду ствол ружья, сверкающий на солнце.

— Ы-и-и-и! Вот как? Кочечная голова страшен, оказывается!... — смеялся медведь.

Тогда лиса медведя спрашивает:

— А ты кого боишься?

— Да я вот только одного... Когда в кустарник вхожу один совсем, да еще к тому же когда темно в зарослях густых, — и тут вдруг из зарослей куропаточка взлетает... Вот это только и страшно мне очень, так страшно, что даже сердце внутри подпрыгивает!

— Только это? Ы-и-и-и! — смеялась лиса, — Аа-а-а-а! Вот так диво! Значит, этого только и боишься? Ыы-аа-аа-аа! Ыы-ии-ии! — хохотала лиса, над медведем потешалась. — Ну и диво! Куропаточки боишься, значит! Ы-и-и! Ии-ии-ии-ээ! Куропаточки, оказывается!

— Да ты что, в своем уме? Не рехнулась ли ты?

— Так значит, куропаточки! Ы-и-и-и-ээ! — смеялась лиса.

Вот так, встретившись, слушали они один другого — когда один говорил, другой слушал.

— Да нет, не рехнулась, в своем уме я. Ну тогда вот так сделаем: ты притащи кочечную голову, а я куропаточку — посмотрим, кто быстрее принесет! — лиса сказала.

И тогда отправились они в разные стороны: медведь — за кочечной головой, лиса — за куропаточкой.

Подкралась лиса к куропаточке, в чаще сидевшей, и схватила ее за лапки. Потом на прежнее место вернулась. Ждет там медведя, куропаточку зубами придерживает.

И вот медведь показался — весь в крови, кругом исколотый, израненный весь, чуть не падает. Подошел, наконец. Спрашивает медведя лиса, а куропаточку ему не показывает:

— Ну что? Где же кочечная голова, тот, что тебе не страшен? Где же? Уж, верно, силен?

— И-ии-кыкка-а!² Ой, ой, больно мне!..

Тут вдруг показала ему лиса куропаточку живую... А куропаточка как захлопает крыльями! Тут медведь, весь исколотый, со страху в чащу кинулся, на задних лапах поскакал, в зарослях скрылся.

А сзади слышит: «Р-рээ! Рр-ээ! Оок-рээр!» — куропаточка крыльями хлопает.

¹ «Ы-и-и-и! Ыы-а-а-а! Аа-а-а-а! Ка-ка-ка!» и другими звукоподражаниями передаются хохот и насмешки персонажей в чукотских сказках.

² Чукотское междометие, выражающее боль.

А лиса хохочет, да все по-разному:

— А-а-а-а! Ы-и-и-и! Ка-ка-ка-к! Ох, насмешил меня! Вот убью сейчас то, что ты страшным считаешь!

Прикончила она куропаточку, крылья вывернула ей. Опять медведя спрашивает:

— А ты в своем уме? На вот, смотри, что страшным считаешь!

Показывает медведю куропаточку, а он опять бежать...

— Да ты что? Да ты в своем уме?

— Я-то в своем уме, только боюсь вот.

Кинула тогда лиса куропаточку в сторону. Сильно стонет медведь. Спрашивает лису:

— Может, есть у тебя что, чем помочь мне? Уж очень болит все!

— Да есть вот, могу, если хочешь...

— Вот бы помогла ты мне!

— Ну, попробую. Но только вот горячими камнями могу...

— Да хоть так!

— Вот если камней поищешь да потом накалишь их посильнее — тогда только. Но непременно плоских камней набери.

— Ладно!

И вот стал камни искать медведь. Ох и мучился он от боли, камни собирая! Кончил медведь камни собирать и накаливать стал их. Потом говорит лисе:

— Лиса, пора, уже накалились камни!

— Ладно!

А пока камни накаливались, засыпать стал медведь. Говорит лиса:

— Пора уже, на спину ложись! Раны твои где?

— Да вот же, вот, — показывал раны медведь.

И стала лиса камни раскаленные в раны медведю засовывать и оставлять их там... Ну и сильно стал метаться от боли медведь!

— Ии-и-кы-ккаа! Ой, больно делаешь!

— Да вот, вот, уже, правда, поправляться начинаешь! — лиса говорит.

— Ии-и-кы-ккаа! Да больно ведь мне!

— Правда, правда, вот, уже поправляешься!

А на самом деле только хуже делала ему — уже совсем кончается медведь, только стонет еще:

— Ии-и-кы-ккаа!

— Правда, правда, совсем поправляешься!

— А?

— Да говорю, поправляешься!

— Ага!..

А сам кончается уже...

— Вот, вот, поправляешься! Приканчиваю, кажется...

— А? Что говоришь?

— Да говорю, поправляешься!

— Аа-а...

И тут кончился медведь.

Ну и обрадовалась лиса! Даже запрыгала! Потом разделала медведя и на плоских камнях раскаленных мяса нажарила.

Вот уж наелась она медвежатины! Даже живот у нее раздулся. Прямо на спину завалилась, наевшись до отвала. Уснула потом. Немного погодя в чашу густую пошла еле-еле, а потом опять на прежнее место вернулась... Снова тогда на спину легла и заснула.

А летом солнце сильно припекает! Медвежья шкура тут разостлана, и мясо на шкуре разложено. На самом солнцепеке спала лисичка.

И вдруг волк приходит:

— Ого-го! Да кто же это зверя такого большущего прикончил?

— Так ведь я тоже с зубами! Заодно и тебя могу прикончить.

— Вот как! И правда, боюсь я тебя, да только вот голодный я очень.

— Ну тогда можешь поесть, только мякоть не трогай.

— Ладно, не буду!

Очень перепугался волк, подумал: «Это, верно, она медведя прикончила».

Стал он медвежатины варить — только одних ребер с хребтом и наварил. Набросился волчище голодный на ребра и кости хребтовые! Начисто обгладывал кости медвежьи. А потом захрапел волчище и не заметил, как уснул, наевшись.

Посмотрела лиса на спящего — сильно уж храпел волк. Тогда подошла к нему потихоньку. Подобрала все кости хребтовые и на волчий хвост позвонки с ребрами нанизала. А потом подальше отошла, к холмику евражьему, на холмик встала и закричала:

— Эй! Эй! Вон, вон, смотри — кочечная голова-а!

Вскочил волк и бросился бежать изо всех сил! Прямо в тунд-

ру помчался. А за ним волочились кости хребтовые, на хвост нанизанные...

А лиса тогда быстро жилище себе устроила. И вот уже больной прикинулась. Котел нашла старый, потом из ольховой коры краску сделала — кровь как будто. И улеглась в жилище своем.

...Совсем уже из сил выбился волк. Наконец, оглянулся он на свой хвост, а там, оказывается, кости навешаны... Вот уж расви-репел волчище! Закричал даже:

— Ну, прикончу теперь лисичку эту, обманщицу!

По следу своему на прежнее место вернулся. Пришел туда, где спал недавно, ищет лису по следу. И тут жилище увидел. Ну и быстро вскочил в жилище! Стал говорить лисе:

— Эй, зачем обманула меня?

— Да вот беда, заболела я очень, — еле-еле говорит лисичка.

— А кто же обманул меня?

— Не знаю... Давно?

— Да нет, совсем недавно! Так это не ты, значит?

— Да очень давно уже я болею. Даже вот смотри — кровь в котле...

— Вот как! Так ведь и правда болеешь ты.

— Вот бы ты туда, подальше в море, отвез котел. Вон лодочку мою возьми. А там, в море, вылил бы кровь эту.

— Ладно, отвезу в море, только вот как на лодке поплыву — не умею ведь на лодке.

— Да прямо садись в лодочку и веслами гребь.

— Ну что ж, ладно!

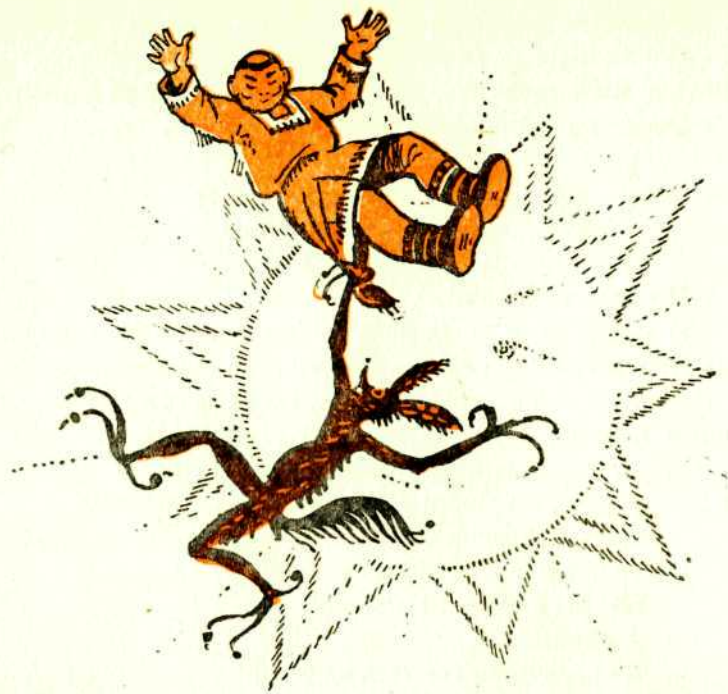
Сел тогда в лодочку волк и в море отправился. Ох и гребет — изо всех сил! Далеко уже уплыл волк, и тут вдруг сильно заволновалось море... Ну и перепугался волк, завыл даже.

А лиса притаилась и смотрит. И вдруг там, на середине моря, опрокинулась лодочка. Утонул волк — не стало его.

Обрадовалась лиса:

— Вот какая я — никто меня не одолел! А я обманом двух зверей больших прикончила!

И дальше стала жить обманщица-лиса.

Старичок и каляйнин

(Сказка)

Стойбище одно маленькое было когда-то. Жил там старичок с женой да их дочка.

И как-то раз девочка в тундру за ягодами пошла, в густой кустарник зашла.

Ягоды там собирает и играет себе. Вдруг слышит голосище скрипучий: «Эй ты! Иди сюда, печеночки поем!»

Ох и перепугалась девочка и сразу к стойбищу своему побежала изо всех сил...

Гнал за ней голосище скрипучий, а это каляйнин¹ был, оказывается... И догнал же девочку каляйнин! Схватил ее и говорит:

— А ну, идем к нам!

Сильно упиралась девочка... Но схватил он за рукав ее и повел к себе. Привел в свое жилище.

¹ «Кéле» или «каляйнин» — постоянный персонаж чукотской мифологии. Фантастические существа эти, олицетворяющие враждебные человеку силы, охотились за людьми, особенно за детьми, и любили лакомиться человеческой печенкой.

Растил ее у себя каляйнин. Так и подросла девочка. Однажды пошел каляйнин по берегу морскому камень искать — нож поточить. Большой нож, широкий держит...¹

Точит каляйнин нож широкий и поет:

Когда, когда
поем печеночки?!
Когда же хрящиков
я погрызу?!.

И опять нож точит...

А как только ушел нож точить каляйнин, так сразу и сбежала девочка. До стойбища одного дошла и людям сказала:

— Только не говорите келе! Он же меня растил, чтобы съесть, когда подрасту!

Потом дальше пошла. Дошла до шатра одного в тундре. Там, у шатра того, старичок тесал что-то под навесом.

А шатер большой, оказывается, огромный шатер!

Говорит девочка старичку:

— Вот бы спрятал ты меня!

— А зачем?

— Да каляйнин гонится за мной!

— А вон там женщина в шатре, в пологе сидит, она и спрячет тебя.

Вошла в шатер девочка. А там женщина огромная сидит и косы заплетает — очень длинные волосы у нее!² Говорит ей девочка:

— Спрячь меня!

— Ладно! А зачем?

— Да келе вот гонится за мной!

— Ну иди ко мне и в волосы забирайся.

— Вот спасибо тебе!

Забралась девочка в волосы, совсем там не видно ее. А женщина все косы заплетает — уж очень длинные волосы у нее.

И вдруг слышат — примчался каляйнин к шатру... Ох и гололице:

— Где моя девочка?! Не видели?!

— Ну видели... — старичок отвечает.

— Где же она?

— Да во-о-он туда, к солнцу, улетела!..

— Вот бы меня перенесли туда! А может, в пологе она?

— Да нет ее в пологе. Не веришь — сам поищи.

Свалился каляйнин в полог. А там женщина большая все косы заплетает...

— Где девочка моя?!

— Не знаю! Вот уж не видела. Может, старичок, снаружи который, знает. А я не знаю.

Везде искать стал каляйнин — все в пологе раскидал и даже за пологом в шатре искал. Все изорвал когтями своими и вот вылез наконец из шатра. Говорит старичку:

— Ну, полетим к солнцу!

— Ладно! Но только, смотри, крепко держись за меня! Вот здесь, за край кухлянки моей держись!

Ухватился за кухлянку каляйнин, крепко держится!

Бегом пустился старичок, разбежался сначала... Крепко держится за него каляйнин! И вот вверх подниматься стали. Высоко уже летят они — прямо к солнцу летят...

И пока летели они, все спрашивал старичок каляйнина:

— Как там земля внизу — большая еще?

— Да земля еще как море большое!

— Долго еще лететь нам! Далеко еще нам до солнца!.. Ну что ж, к солнцу летим ведь! Ну и как там земля? Большая еще?

— Да с небольшое море теперь!

— Вот как! Ну а теперь?

— Да уже с большое озеро!..

Дальше летят. Снова спрашивает старичок:

— Ну и как там земля, велика ли?

— Да уже с маленькое озеро, наверно!

— Вот как! Ну, значит, приближаться начинаем!.. А теперь как? Какой уже стала?

— Да теперь с небольшую лужу!

— А теперь какая?

— Да не больше заплатки!

— Ну как теперь?

— Да уж только с маленькую звездочку!

— Ага, уже приближаться начинаем!.. Ну как там, землю видно?

— Только, только темнеется!

— Ну теперь приближаемся уже!.. Как там земля?

— Да уж совсем не видно стало!

¹ Имеется в виду широкий нож, по форме напоминающий топор с поперечной деревянной рукояткой сверху. Употреблялся обычно женщинами у приморских охотников для разделки туш. По-чукотски — «пэкуль».

² Имеется в виду жилище великанши, а великаны в чукотской мифологии были добрыми существами и всегда помогали людям, попавшим в беду.

— Да ну? Вот как! — будто обрадовался старичок... Потом говорит:

— Вот только пояс поправлю, а то ведь совсем уже приближаемся к солнцу. Вон даже чащи лесные виднеются!

А на самом деле не было этого — обманывал каляйнина старичок. Дальше говорит старичок:

— Вон и людей видно уже!

Ну и радовался каляйнин! А старичок опять говорит:

— А ну, на радостях пояс я поправлю — крепче держись!

Стал он будто свой пояс поправлять. А сам то в одну, то в другую сторону кидался, то вниз бросался, то вверх поднимался. Ну и орал каляйнин, изо всех сил орал:

— Ой-ой! Уронишь меня-а-а!

— Говорил же тебе, крепче держись!

Ох и быстро таскал он каляйнина! И наконец сбросил его.

— Лови меня! Ой-ой лови-и-и!.. — завопил тот.

— Да вот стараюсь поймать, стараюсь!

Прямо вниз понеслись... Очень быстро летели, даже ветер в ушах свистел: «Вью-вью-вью-вью-вью». А у каляйнина так даже волосы обрывались...

Хоть и настигал будто его старичок, но не ловил все же. А каляйнин глаза от страха вытаращил и все вопил не переставая:

— Лови меня, лови-и-и-и!

— Да не могу ника-а-ак!

И вот совсем уже близко земля... Только раз и успел еще крикнуть каляйнин: «Э-э-эй!..» Хотел было крикнуть: «Эй, лови!», но оборвался крик — головой в землю воткнулся каляйнин... И только ноги торчат. Чуть пониже колен торчат ноги — весь в землю ушел каляйнин.

А со старичком ничего не случилось. К шатру своему пошел. Пришел — говорит девочке:

— Нет больше каляйнина. Можешь к своим вернуться, если хочешь, а я уж помогу тебе. Хочешь вернуться?

— Да, очень хочу к своим! Родители думают, наверно: «Пропала наша дочь». А оказывается, нет. Вот уж спасибо тебе! Ведь келе, чтобы съесть, меня растил.

— А где же родители твои? — спросил тогда старичок.

— Да я хорошо помню. Пойдем скорей, дорогу я покажу.

И вот отправились. Очень долго шли! Пришли наконец.

Ох и обрадовались родители! И стала тут рассказывать девочка. Про все рассказала и про каляйнина тоже.

Миф
о дочери,
к утесу
подвешенной

Уж очень жесток был отец. Однажды велел он дочери:

— К лодке за ремнями сходи!

Пошла на берег дочь. Подошла к навесу, где лодка лежала, а ремни сильно смерзлись — развязать не может¹.

Наконец отец сам пришел. Рукояткой каменного скребка так ударил он дочь — встать не смогла... Мать пришла за ней и с трудом домой дотащила.

Потом поправились дочь. И тогда заставил ее отец за веслами идти на утес. Поднялась она на утес, а весла примерзли к скале — не снять их. Опять не может...

Снова отец идет, закричал на нее:

— Да почему же так слаба ты?!

Вдруг ремень вытащил он и ноги ей связал. А потом к утесу вниз головой подвесил над морем и оставил так...

¹ Имеются в виду ремни, которыми привязывается на зиму кожаная лодка к навесу из китовых ребер. Весной, перед началом охоты на моржа, лодку снимают с навеса и готовят к выходу в море.

Лето уже начиналось, таять стало, а ремень над морем все гнил и ветшал. Поднялся однажды отец на утес, а дочери нет уже — исчезла.

Лето наступило. Отправился в море на охоту отец с сыновьями. Сыновей на весла посадил.

Вдруг вдали морж показался. Прямо на него пошли. Когда ближе подошли, видят — моржиха это. Настигать стали. Говорит отец сыновьям:

— На нос идите!¹

Сначала один сын хотел было подняться, но даже шевельнуться не смог. Сказал:

— Вот беда!

Потом другой сын встать попробовал и тоже говорит:

— Беда, не встать мне!

Тогда отец на нос пошел. Только хотел гарпун метнуть, а моржиха вдруг кожу с головы, как капюшон, сдвинула — оказывается, это дочь его...

Отца клыком поддела и в воду сбросила. Братьям же говорит сестра:

— Вернетесь — матери скажите: «Ее там видели мы».

Братья ответили:

— Скажем!

Отправились к своему берегу братья. Прибыли. Матери все сказали. Заплакала мать.

Сирота
и волки

(Сказка)

Когда-то, еще очень давно, ох и сильная пурга была! Долго дула пурга, и в море не было зверя. Почти все люди от голода и холода вымерли. Оленные только и выжили.

А в одном приморском стойбище только в двух шатрах люди еще оставались. В заднем шатре двое — жена и муж. В переднем шатре трое было — отец, мать и ребенок, четырехлетний еще. Потом умерли и отец и мать, ребенок один остался.

Когда умерли родители, соседи из заднего шатра стали к ребенку навещать — ждали, когда умрет он. Говорили они:

— Скорей бы умер, только забота с ним!

Но он каждый день грудь матери сосал, хотя давно уже умерла мать. А грудь ее с наступлением темноты каждый раз молоком наполнялась, и жирники в пологе сами зажигались, сами жиром наполнялись. Тепло ему было! Соседи же из заднего шатра приходили и удивлялись:

— Все не умирает еще!

А мальчик с каждым днем все больше становился. Потом даже стучать стал в пологе.

Подрок наконец. Однажды утром проснулся он вдруг от испуга: показалось, будто в шатре, за пологом, собаки ходят... А это волки, оказывается. И говорят ему волки:

— Вот ведь выжил ты, а соседи к тебе как к умирающему ходили, все говорили: «Ну и долго же не умирает!..»

Наконец однажды мальчик отца мертвого в холодную часть шатра оттащил и одежду с него снял. Потом и с матери одежду снял и над жирником все повесил.

¹ В давние времена на морской охоте, когда лодка приближалась к моржу, один из охотников шел на нос и оттуда метал гарпун в моржа.

И как-то раз, когда стемнело уже, слышит — опять те собаки в шатер пришли... Говорят ему:

— Ну, теперь выходи из шатра! Высохла уже одежда! А выйдишь когда, по берегу пройди и на охоту в море отправляйся. Если скажут соседи: «Вот поможем тебе!» — ответь им: «Нет, не надо!»

— Ладно!

Вышел мальчик из шатра и к морю пошел, подальше за торо-сы зашел. Там лахтака и нерпу убил. Обрато пошел. Обе туши к берегу притащил, а наверх втащить не может — высоко. Закричал тогда мальчик: «Не поднять мне!»

Вдруг собаки те появились, помогли ему. А тут жена соседа вышла и говорит:

— Да мы поможем тебе!

— Нет! Не надо! Как к умирающему ходили ко мне, все ждали, когда умру! Убирайтесь! Сам справлюсь!

И однажды, когда стемнело, снова пришли собаки эти в шатер, говорят мальчику:

— А теперь родителей похорони — сначала отца, потом мать. Если скажут соседи опять: «Да мы поможем тебе!» — прямо говори им: «Нет! Не хочу! Убирайтесь!»

Когда наавтра проснулся, отца на спину взвалил и вынес из шатра. Потом и мать так же, как отца, на спине вынес.

С каждым днем мальчик все крепче становился, наконец очень сильным стал. И тогда сказали ему собаки те:

— Когда заскучаешь один, в бубен побей. А еще вот что сказать хотим тебе... Когда подрастал ты, ведь это мы жирники твои наполняли, мы зажигали их. А всех нас — девять.

А это волки были, оказывается, хотя и собаками выглядели.

И вот однажды говорят ему собаки эти:

— Жену тебе надо взять. Вон там, далеко, оленевод один сильный живет — дочь его в жены бери!

Отвечает мальчик:

— Да нет, не надо!

— А ведь пора уже!

— Ну ладно, пусть будет по-вашему!

Наавтра утром явились собаки. Уже и в упряжке и с нартой... И отправился сирота жену добывать.

Уже в пути говорят ему собаки:

— Тут недалеко стойбище есть, добрые люди там. Тебя хорошо встретят и нас тоже досыта накормят, наважки там поедим.

И верно, приехали в стойбище. А там один шатер стоит. Вот уж действительно хорошо встретили!

— Приехал?!

— Да вот приехал!

— Вот как! Откуда ты?

— Да очень дальний я!

— Вон что! Ну входи скорей, поешь. А собаки твои от наважки не откажутся?

— Да нет, не откажутся!

Накормили собак. И у шатра снаружи улеглись собаки. Потом уснули все.

Утром встали когда, вышел мальчик из шатра, собак-волков своих в нарту запряг. Дальше поехал.

Еще в дороге опять говорят ему собаки:

— А вот дальше плохое будет стойбище. И ты голодным будешь, и нам тоже ничего не дадут. Ну и пусть! Мы тогда целую тушу оленью притащим тебе, да и сами поедим.

Вот подъехали к стойбищу. И верно — плохие хозяева. Сказали только:

— Нет у нас корма собакам!

Говорит сирота:

— Ладно, пусть так полежат!

Совсем немного поел у них и спать лег. Когда уснул, тогда только начали есть хозяева... Потом спать легли. Ночью вдруг слышит мальчик — собаки его пришли... Оленью тушу втащили в шатер и зовут его потихоньку:

— Эй, поешь вот! Сколько в дорогу возьмешь?

— Да одного хотя бы!

— Ладно!

Стали они мясо варить. Потом говорят ему:

— Вот поешь теперь!

— Да нет, не хочу, — отвечает.

Но все же поел.

Когда наавтра проснулись хозяева — уехал уже сирота. Потом в стадо пошел хозяин, смотрит — много оленей перебито в стаде. А это собаки те задрали оленей.

В дороге опять говорят ему собаки:

— Тут скоро стойбище одно будет — мало там оленей, всего пять. А вот в той семье, откуда мы выехали сегодня, отца убили и стадо уничтожили, — только пять и оставили оленей. А в этой семье всего двое — мать и сын.

Как только стали приближаться к стойбищу, говорят собаки:

— Вот здесь и ночуй!

— Так ведь мало оленей у них!

— А мы тогда четырех оленей притащим. Три туши им в шатер втащим, а одну ты в дорогу возьми.

А сирота говорит им:

— Все четыре в шатер тащите!

Сказала тогда одна собака:

— Ладно, других оленей еще добудем, пусть хозяева варят.

Когда приехали в стойбище, говорят собаки женщине, что с сыном одна там жила:

— Когда те, из того стойбища, приедут завтра за тобой, чтобы к себе увести, смотри, не слушай их, здесь оставайся. И тогда стадо будет у вас.

Назавтра, когда поднялись все, сказали еще собаки хозяйке:

— Вон туда, подальше, откочуйте. Мы, когда возвращаться будем, проедем там.

— Ладно, покочует туда.

Потом сироте говорят:

— Ну, теперь долго не будет стойбищ — две ночи и два дня ехать надо.

Отправились в путь. Две ночи и два дня ехали. Наконец приехали в стойбище. А в переднем шатре хозяин живет, говорят, сильный и жестокий очень...

Вышел из шатра хозяин, спрашивает:

— Что за диво, откуда явился?

— Да издалека!

— Ну, начнем тогда! С чего начнем?

— Да не знаю!

Сказал хозяин:

— Будем на копьях биться сначала, потом в беге состязаться, а уж тогда поборемся!

Тут одна собака говорит сироте потихоньку:

— Когда в беге состязаться будешь, шкуру мою надень.

А собак своих сирота за шатрами спрятал.

Начали они на копьях биться... И много там людей собралось.

Вдруг сирота хозяина-силача в руку ранил... Говорит тогда хозяин:

— Не кончили еще! Теперь в беге состязаться будем! Готовься иди!

— Ну что ж, пусть так! — мальчик отвечает.

И вот хозяин сказал:

— Ну, начнем!

Вот побежали они, начали состязание... И снова победил сирота, позади хозяина оставил. Прибежал потом хозяин, говорит: Ого, ну и быстрый ты! Потому и явился, наверно! Ну что ж, кончать тогда будем! В шатер зайдем, передохнем, а потом уже поборемся!

Наконец, начали они бороться. А там большое бревно лежало.

Говорит хозяин:

— Вот этим я людей убиваю!

— Вот как! — сирота отвечает.

Поборол он хозяина, свалил его и спрашивает:

— Так ты, значит, этим людей убиваешь?

— Да нет! — отвечает.

А тут люди стали говорить:

— Правда! Прямо вот этим и забивал насмерть.

Сказал тогда сирота хозяину:

— А вот теперь тебя убью!

И сразу ударил бревном хозяина-насилльника, убил его.

Потом дочь его в жены взял. Сказали ему люди:

— Ну теперь можешь ехать, куда захочешь!

Рорат с женой жил. Только вдвоем они жили. Муж постоянно на дикого оленя охотился и притом очень ловок был. И дикого оленя помногу бил.

Как-то раз опять пошел дикого оленя искать Рорат. И так вот до самой темноты проходил. А вернулся с охоты когда, видит — нет жены...

Сильно встревожился тут дружок Рорат — куда делась жена? Стал искать везде, но нет жены — найти не может... И ведь всюду ходил и даже по берегу моря прошел.

Потом подумал Рорат и на лодочке далеко в море отправился.

Долго плыл он, далеко в море ушел, но все плыл и плыл дальше. Наконец, очень бурного моря достиг. Не сразу это море одолел. Лодочку сильно волнами бросало... И все же не утонул Рорат, потому что ловким и смелым он был.

Сколько лет он на лодочке проплавал, наконец очень тихого моря достиг. Так тихо было, что даже далекие крики птиц слышал он. Ох и много птиц было там!

Думает Рорат: «Ого, куда же это попал я?» Вот еще проплыл и достиг моря, где не наступает рассвет. Но не испугался Рорат, смелым он был. А потом попал туда, где только луна светила. Совсем не наступал там рассвет, а только всегда светила луна. Переплыл он то море лунного света. И вот в полной тьме оказался, уже словно с закрытыми глазами плывет...

Так и плыл в темноте. Вдруг далеко впереди будто светлое пятно показалось... Все плывет Рорат и думает: «Какого же теперь достигаю моря?» Ближе стал подплывать, а уже больше прежнего светлое пятно.

Еще ближе подплывает, а там густо-густо птицы летят! И притом, будто от пламени жирника, свет красный вдали...

Дальше плывет Рорат. И вдруг видит — там, впереди, над самой водой, словно пасть огромная, — то разевается, то смыкается, и к тому же быстро очень... Вот уж действительно огромная и притом быстро-быстро смыкается и размыкается снова!¹

И ведь много птиц там кружилось! Покружившись, бросались туда, где раскрывалось и смыкалось это, огромной пасти подобное. Одни пролететь успевали, а других на лету пополам рассекало... И много так птиц крошило. Но много и пролетало все же — как только раскрывалось, так и бросались сразу. Плотно очень летели птицы, потому и рассекало, крошило многих.

Вот когда задумался дружок Рорат! Веселки к уключинам привязал, да и взлетел вдруг над водой, как гагара. Ну и мчался же он, чтобы вверх взлететь! И взлетел вверх на лодочке! Ох и быстро же летел он в лодочке своей! Потом на воду сел. Сказал: «Ну что ж, проскочу, наверно!»

Приноровился он, примерился — и взлетел... Покружил немало, и только стало раскрываться — бросился туда... И ведь проскочил дружок Рорат! А там, впереди где-то, словно жирник горит, уж очень светло...

Дальше плывет Рорат. А ведь лодочка у него маленькая! И вот берег, наконец, впереди показался — далеко еще. Сказал:

¹ Здесь речь идет о древнем мифологическом представлении чукчей о так называемых «Птичьих воротах», то есть о раздвигающихся и сдвигающихся скалах, за которыми находится «Земля птичьей радости», куда птицы улетают на зиму.

«Вот уже и до берега добираюсь!» Дальше плывет. Наконец стал он к берегу приближаться. Уже земля краснеет¹.

Пристал к берегу Рорат, вышел из лодки. Осмотрелся кругом. Совсем тихо было вокруг, только все еще птичий крик слышался ему. А земля та — как и наша, здешняя. Так же и солнце восходит.

Оставил лодку на берегу, сам в тундру пошел. Смотрит — жилище впереди виднеется, далеко еще. Идет прямо к жилищу Рорат. Подошел. Спрашивает его хозяин:

— Откуда ты?

— Да уж очень дальний я!

— Вот как! Наверно, пропало что?

— Да нет! — отвечает Рорат, не говорит, что жена пропала.

А потом вдруг жена его показалась... Очень испугалась женщина. Вздрыгнул Рорат, как жену увидел. У женщины от испуга даже слезы на глазах показались. И догадался тогда хозяин — мужчина этот. Думал он, что просто так вот пришел человек сюда издалека, а оказывается, не то совсем — в поисках жены пришел...

Говорит ему хозяин-мужчина:

— Ну, раз пришел, померяемся тогда, поиграем!² Для игры ведь пришел!

— Ладно, померяемся!

Сказала мужу женщина:

— Вот беда! И зачем только пришел ты! Прикончат ведь тебя тут!

— Ну и пусть! А зачем похитил тебя?

И начали они игру, состязаться начали. Сказал человеку мужчине этот:

— Вот мячом большим поиграем!

А это каляйнин был, оказывается...³

Вытащил он тут мячище большущий с кровью присохшей... И ведь совсем круглый, только большой и тяжеленный к тому же.

¹ Имеется в виду глинистый берег, освещенный солнцем.

² Здесь так же, как и в «Мифе о человеке и белых медведях», под игрой («увичвэт») подразумеваются весьма трудные физические состязания, рассчитанные на то, чтобы прикончить противника.

³ В данном сюжете «каляйнин» (кэле) принадлежит к той категории враждебных человеку персонажей чукотской мифологии, которые, по преданиям, обитали где-то за морем, на островах, или по ту сторону пролива. Это — фантастические существа, обладавшие сверхъестественной силой, почти сходные внешне с человеком (мужчина) — крупные, но не великаны. Они похищали женщин и вступали затем с человеком в смертельный поединок.

Начали они игру с мячом. Говорит человеку каляйнин:

— А ну, сначала в меня кидай!

— Нет, ты сначала кидай, ведь не знаю я — как!

— Ну ладно, раз так!

А голосище у каляйнина страшный, скрипучий!

И вот кинул каляйнин мяч... И человек поймал его! А это камень был, оказывается. Не убил его каляйнин. Крикнул потом человек:

— Ну! Теперь я кидаю!

— Ладно, кидай!

Стояли они там не так уж близко один от другого.

Кинул мяч человек — попал в каляйнина, руку ему чуть не перебил... И тогда убрал мяч каляйнин. Уж очень сильно попало ему мячом. А мячом этим каляйнин и прикончить мог того, кто неловким был.

Кончили они мячом играть. Говорит человеку каляйнин:

— Не смог я прикончить тебя! Другую тогда игру начнем!

Другую начали игру. Сказал каляйнин:

— Вверх прыгни и падай вниз головой!

— Ого, вот уж нет! Сначала ты сделай, покажи мне. И дальше так — сначала ты делай, а потом уж я.

Прыгнул вверх каляйнин и вниз головой упал, в землю воткнулся. Смотрит человек, а каляйнин весь в землю ушел... Подумал человек: «Вот так диво! Не сделать мне так!»

И потом вдруг подальше уже вынырнул из-под земли каляйнин. А ведь совсем в землю ушел!

Как вынырнул, говорит:

— А ну, теперь ты так!

Прыгнул вверх человек — и ведь так же все сделал! Так же из-под земли вынырнул далеко. И совсем будто в воду ныряли они. А выныривали когда — снова смыкалась земля за ними!

Потом сказал каляйнин:

— Теперь другое начнем!

Пошли подальше они, к скалам пошли. Там большая скала была, крутая очень, каменистая, вся в острых камнях.

Скатился каляйнин вниз со скалы. И ведь жив остался, хотя по острым камням катился! Потом опять наверх поднялся. И совсем как по ровному месту поднимался, а ведь как дерево прямое стояла скала.

Потом и Рорат скатился сверху. Так же, как и тот скатился,

только подбрасывало его сильно на острых камнях! На коленях они скатывались вниз¹.

Опять не смог одолеть человека. Снова говорит:

— А ну, тогда вон к тому утесу пойдём!

Пошли туда. А утес тот над морем очень крутой был. Сказал каляйнин:

— Ну, а теперь давай вот здесь поиграем!

— Что ж, ладно, — человек отвечает.

Достал тут каляйнин камень, на человечка похожий, притом белый совсем и тяжелехонький, хотя и маленький. И вдруг в воду как кинет его, а сам за ним, за камнем летящим бросился. Так вниз головой в море с утеса и бросился... Утес тот крутой прямо в воду уходил. А море там волновалось сильно, потому что волны били в утес.

Потом вынырнул вдруг каляйнин. Прямо по круче на утес поднялся и каменного человечка держит, того, что в море бросил. Говорит человеку:

— Ну, ты теперь так!

Взял тот камешек человек и кинул в воду. И сам тоже за камнем прыгнул. Только вот ноги человека задержались над водой...

Обрадовался каляйнин, захохотал даже: «Ба-а-а-а! Би-и-и-и! Ю-о-о-о!» — по-всякому хохочет. Думает: «Вот уж теперь прикончил его, наверно!..»

Вынырнул, однако, человек...

— Ну как, — спрашивает, — плохо сделал?

— Да нет, хорошо, — мрачно отвечает келе.

А потом говорит:

— Вот ведь никак не одолеть мне тебя, как ни стараюсь. Вот только в беге померяться осталось.

— Вот что! Только это? Ну, тогда, может, начнем поскорей!

Отправились они сразу к тому месту, откуда бежать надо было. Подальше пошли — далеко бежать собрались. А место, где каляйнин жил, гористое было кругом...

...И тут отставать начал келе-мужичина. Вот уже и позади остался, совсем отстал...

Раньше прибежал человек. И только как темнеть стало, каляйнин прибежал. Совсем из сил выбился... Спрашивает человек:

¹ Катание на коленях с горы являлось также одним из видов «увичвэт», то есть тренировочных упражнений и состязаний. Морским охотникам в период зимней охоты на тюленя весьма часто приходилось пользоваться таким способом при спуске с крутого обрывистого берега на морской лед или с высокого торова в море.

— Ого! Почему обессилел так?

— Да вот беда, не могу так бегать, оказывается! Ух, ну и быстрый же ты, и ловкий к тому же — недаром на поиски жены шел! Ну что ж, тогда с женой к себе возвращайтесь, раз уж никак не смог одолеть тебя.

— Вот как! Значит, кончили мы уже состязаться?

— Да кончили уже... Пора отправляться вам теперь!

— Ладно, вот сразу и отправимся!

Отправился Рорат с женой в обратный путь. Остался там один келе-мужичина. В лодочку сели и в море пустились, к своей земле поплыли. И так же долго в море плыл Рорат, долго плыли они на лодочке. А вот и подплывать стали туда, где смыкалось и размыкалось быстро, словно пасть огромная. Еще издали бросились туда на лодочке своей — и проскочили!

А потом и к себе прибыли, наконец. Стали дальше хорошо жить.

Жил когда-то один оленевод в шатре своем. Других шатров не было там. Однажды на его стадо волк напал и оленей задрал.

Назавтра хозяин пошел в стадо, а там ворон уже оленя задранного поедает. Говорит ворону человек:

— Ну и дурной ты — что увидел, то и пожираешь сам! Уж лучше бы своим унес! — Только сказал что человек — ворон сразу вверх взлетел. А человек к шатру своему пошел.

И тут вдруг запуржило сильно. Заблудился в пургу человек. Наконец, шатер какой-то увидел, вошел туда. А его ворон, тот самый, оказывается, приветливо встречает и жене говорит:

— Накорми скорей человека!

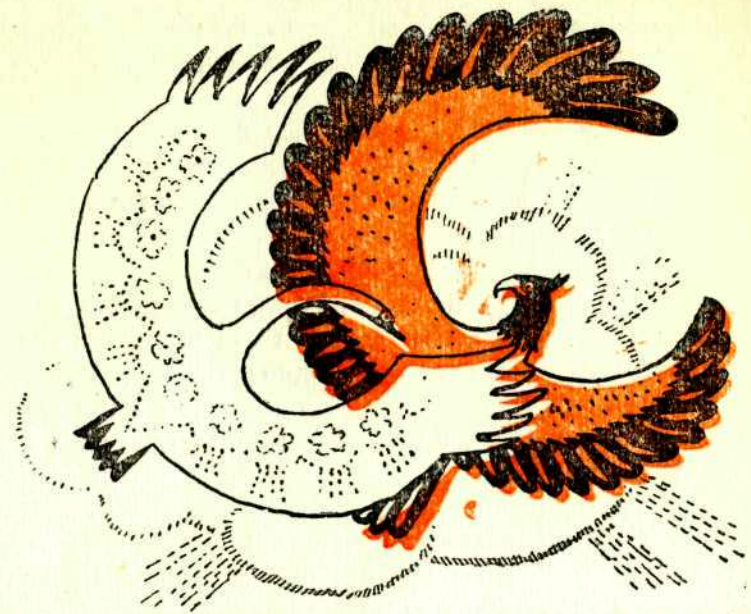
Поел человек. Потом стемнело уже. Сказал тогда ворон: «Ну что ж, придется для гостя в бубен побить, чтобы уснул...»

Стал в бубен бить ворон. Бьет в бубен и приговаривает: «Ну и дурной я, не думаю ни о чем, уж лучше бы детям своим унес!»

...Потом вдруг человек от холода проснулся — уже на снегу лежит, нет ни шатра, ни ворона... Пока одевался, продрог сильно.

А это ворон, оказывается, проучить его хотел.

С тех пор человек этот даже мышей не стал убивать.

Лебедь на берегу моря жил. С женой жил. Лебедь морской охотой промышлял и даже китов бил. Двух китов сразу в обе лапы, как руками, захватывал.

Как-то раз говорит лебедь жене:

— Уж, верно, сегодня явятся те, чтобы наших детей утащить.

Сказала ему жена:

— Знаешь, что явятся, а на охоту собираешься.

Отвечает муж:

— Да, собираюсь. А вот как назад отправятся они, так сразу палку длинную в землю воткни, в ту сторону, куда полетят.

И улетел лебедь на охоту в море.

А в полдень работала у жилища своего жена лебеда, у самого входа в шатер напротив солнца сидела. Вдруг потемнело кругом, будто что-то солнце заслонило... Вверх посмотрела она и видит — два орла летят.

Спрашивают орлы жену лебеда:

— Где сыновья твои?

— Не скажу! — отвечает им жена лебеда.

— Говори скорей, где они! — закричали орлы.

— Не скажу! Нет моих детей! — крикнула лебедь.

— Нет, есть! Мы знаем! — орлы отвечают.

— Ну что ж, ищите тогда, где они! — женщина-лебедь говорит.

— А ну отвечай, где они! Вот как вверх поднимем тебя да сбросим оттуда, так и конец тебе! Слышишь? — закричали орлы.

— Сказала вам, сами ищите! Не отдам я детей своих, хоть кончайте меня! Слышите? — крикнула женщина-лебедь.

— Слышим! — сказали орлы и стали детей искать.

Нашли... Схватили они двух детей лебединых, обоих схватили и к себе отправились. Покружили над жилищем сначала, потом вверх поднялись, и вот уж не видно их — улетели.

Потом, как стемнело уже, муж-лебедь с моря летит, двух китов в лапах держит, с охоты возвращается. Видит — плачет жена. Спрашивает:

— Чего плачешь?

— Так ведь орлы детей утащили! — жена отвечает.

Спать легли. Назавтра проснулись — спросил жену муж:

— А в какую сторону полетели они?

— Туда вон! В ту сторону, куда палка воткнутая торчит! Сначала покружили тут, потом вверх поднялись, — ответила жена.

И вот собрался лететь лебедь. Также сначала вокруг полетал, потом кверху взмыл...

Долго, очень долго летел лебедь! Наконец стойбище увидел. Спустился и к самому заднему жилищу подошел. Вошел туда. Спрашивают из полога:

— Откуда ты?

— Да из дальних я! Сыновей моих не видели? — лебедь спрашивает.

— Видели, видели! Тут подальше стойбище есть — там они! Орлы утащили их! — хозяйка ему отвечает.

— Полечу тогда! — сказал лебедь.

— Прикончат они тебя! — хозяйка говорят.

— Ну и пусть, раз уж на смерть пошел! — лебедь отвечает.

— Вон там, возле озера, два диких оленя ходят. Оленей тех никто добыть не может — уж очень быстрые, — сказал лебедю хозяин жилища.

Сразу отправился к озеру лебедь. Там, возле озера, и в самом деле двух оленей видит... Только чуть голову приподнял лебедь, шею вытянул — сразу бежать бросились олени. Кинулся за оленями лебедь, настиг их, прикончил тут же.

И вот с добычей своей полетел дальше лебедь. Утром уже увидел стойбище. Спустился туда. У самого переднего жилища туши оленей оставил, а потом за самым задним жилищем спрятался...

Проснулся орел, вышел и видит — туши оленей у жилища его лежат. Говорит:

— Что за диво! Кто оленей этих добыл? Нет же ведь никого!

Тут все проснулись в переднем шатре. Говорит орел, хозяин жилища:

— Вот, обряд совершить надо!

А сыновья лебеда и сыновья орла играть вместе стали. Тут все в шатер обрядовый ушли...¹ Схватил лебедь своих детей и орлиных, да и полетел к себе поскорей!

Прилетели домой и спать легли все. Назавтра, как проснулись, ветер задул вдруг, а это орлы летят... Прилетели. Спрашивают:

— Где наши дети?

— Вот они! — отвечает лебедь.

— Отдавайте скорей, не то прикончу вас! — закричал орел.

— Не отдам! Прикончи, попробуй! — сказал лебедь.

— Вот как! Не отдашь! Тогда биться будем! — орел говорит.

— Пусть так! Будем биться! — сказал лебедь.

Спрашивает тогда орел:

— Есть тут близко озеро глубокое?

— Есть, есть! — лебедь отвечает.

— Летим туда! Посмотрим, кто сможет озеро прикончить, сверху налетая! — сказал орел, и полетели они к озеру глубокому.

Сначала жена орла взлетела. Стала налетать она на озеро сверху, налетала и снова взлетала! Наконец взволновалось озеро... И только наполовину уменьшила озеро орлица.

Села орлица и говорит:

— Ох и устала я!

Теперь жена лебеда над озером взлетела. Быстро на озеро налетала и снова кверху взлетала! Так, сверху налетая, и прикончила озеро — не стало озера...

Потом села лебедь и сказала:

— Прикончила я озеро, сверху налетая!

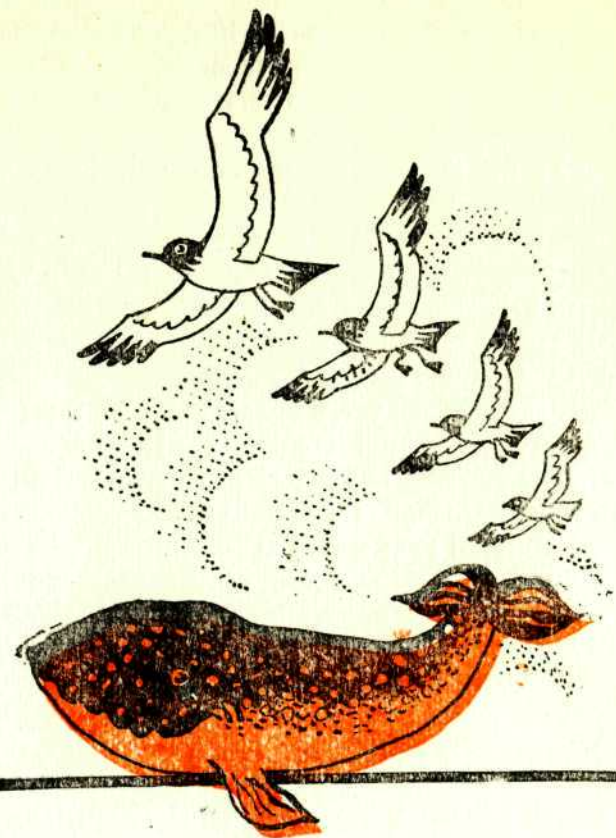
¹ Речь идет о помещении типа обычного мехового шатра или полуземлянки, предназначенном для совершения охотничьих и праздничных обрядов в далеком прошлом. В данном случае имеется в виду обряд по поводу добытых оленей.

Тут в ярость большую пришел орел, крикнул лебедю он:
— Биться тогда мы будем! Теперь вверх летим — там, наверху, силой померяемся, биться будем!

— Ну что ж, будем биться тогда, не отступлю я! — лебедь отвечает.

И вот поднялся орел вверх... Бросился лебедь на орла! Только хотел орел лебеда когтями прикончить, тут как ударит лебедь орла по шее, так и перебил шею, будто срезал! Упал орел — и голова в сторону отлетела... Так вот лебедь сыновей орла себе оставил.

К своему жилищу вернулись лебедь с женой.
Стали жить дальше.

Сказание
о двух
братьях
с сестрой

Под открытым небом жили они, два брата, третья — сестра.
Самый старший брат сказал:
— А ну, наготовим камни к ногам, землю утаптывать — кыльвын¹ делать будем.

— Ладно, — сказал младший.

Как наготовили камни, так и начали кыльвын делать, место для шатра утаптывать. За один день кыльвын сделали. А назавтра еще больше сделали его.

Постом за лесинами пошли в место лесное. Из лесин остов шатровый сложили. И на другой же день на охоту отправились, а сестру одну оставили.

¹ «Кыльвын» (в чукотском написании «кыльвын») — многозначное слово, которое обозначает здесь утоптанную площадку для установки шатра. Площадка утаптывается специально приспособленными для этой цели плоскими камнями, которые прикрепляются к ногам как своеобразные каменные башмаки.

Пришли с охоты братья. Вот уж зайцев набили, да и диких оленей тоже! Потом шкурками заячьими шатер покрыли, а из оленьих шкур полог сделали. И каждый день теперь зверя помногу били!

В другой раз опять ушли на охоту братья. Сестра одна в шатре осталась. А когда вернулись — нет сестры...

Назавтра, как снова идти, говорит старший младшему:

— Иди-ка ты один на охоту, а я подожду здесь. Может, появится кто.

И верно, долго ждал он, как вдруг зашумело что-то и в полог к нему женщина заглянула...

Сказал человек тот, в пологе который был:

— А-а-а, вот они! Что надо вам?!

И тут скребок каменный схватил человек, замахнулся было, как вдруг заговорила женщина:

— погоди! Ведь к тебе я!

— Вот как! Тогда входи, говори, зачем пришла!

Стала говорить женщина:

— А сестру вашу насильник похитил, на той стороне живущий, на другой земле. К себе забрал.

Женщину эту в жены взял старший брат.

Как стемнело, младший с охоты пришел. Опять зайцев много набил.

Спать легли. А назавтра, как встали, сказал старший брат младшему:

— А ну, к морю спустись. Бревно на берегу увидишь — не беги сразу. Другое увидишь, побольше, то и принеси.

И верно, спустился к морю младший, увидел бревно на берегу — не стал брать. Дальше прошел и другое увидел бревно. Ох и бревнище! Взвалил его на себя и понес. К шатру пришел, говорит старшему:

— Вот принес!

Вышел старший, спросил:

— То принес?

— То самое.

— Вот теперь лодку сделаю.

Стал лодку кожаную¹ делать старший. Как кончил делать, сказал:

¹ Герои сказания охотятся в основном на диких оленей, и потому имеется в виду, что при изготовлении лодки деревянный остов обтягивается оленьими кожами, продымленными и пропитанными жиром.

— Ну, а теперь на воду спустим, в море выйти попробуем.

На воду спустили лодку, сели и в море вышли.

Долго плыли они уже, когда чайку увидели. Обогнала их чайка. Тогда назад повернули. Как вернулись, подправил немного лодку старший брат.

А назавтра, утром рано, снова в море вышли. Тем же путем направились и на том же месте опять чайку увидели. Позади оставили чайку. Дальше плывут. Еще проплыли когда, уточку увидели морскую. Обогнала их уточка. Опять повернули обратно. Вернулись, и снова подправил лодку старший брат¹.

Назавтра, как встали, все трое сразу в море отправились. Опять уточку морскую увидели. Позади оставили уточку. И так плывут все дальше и дальше.

На другой день впереди скала показалась большая... Вот уж огромная скала! Раздвигалась эта скала и смыкалась сразу, потом опять раздвигалась и быстро снова смыкалась. Множество птицы всякой крошила, смыкаясь...

Подплыли путники к скале огромной. И только стала раздвигаться скала, сразу туда лодку направили, да и проскочили быстро! Только весло рулевое зажало и обломило сзади...

А там, за скалой, опять море. Переплыли его. К берегу пристали. А берег высокий, обрывистый. На берегу жилище себе вырыли в глине. Назавтра, когда утром проснулись, видят — человек вдали показался идущий... Посмотрел старший брат на море, а оно замерзло уже, оказывается, и два бугра огромных на льду вздулись...

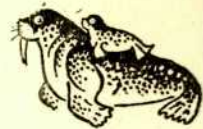
А тот человек подходит уже. Как подошел поближе, заговорил сразу:

— Что за диво! Когда же бугры эти вздулись? Уж верно, кто-то тут есть!

Дошел до бугра одного и пешней долбить стал с яростью. Потом к другому подошел бугру и тоже яростно долбил... Оба продолбил бугра и сеть в лунки поставил. Потом обратно пошел.

Как темнеть стало, сеть ту вышли посмотреть братья. Вытащили сеть, а там ни один глазок пустым, без зверя, не остался. Всякого здесь зверья морского в сеть набралось: китов, тюленей, лахтаков, моржей, сивучей, нерп пестрых — разных тут зверей набралось.

¹ Дважды герои выходят в море для испытания лодки, чтобы проверить по летящим птицам ее быстроходность, и только в третий раз они окончательно пускаются в опасное морское путешествие на поиски похищенной сестры.

Самого крайнего вытащили они лахтачонка. И младший на себе понес его, а старший все так сделал, чтоб следов не осталось. Как пришли к себе, лахтачонка варить стали и тут же за еду принялись.

Назавтра опять человек тот показался... Подошел к лункам, сеть вытащил, осмотрел ее и говорит:

— Вот так диво, уже одного лахтачонка нет!

Снова поставил сеть и уходить собрался. Прямо туша на тушу добычу сложил, да так все и потащил волоком...

Снова, как и вчера, много набилось зверя в сеть. Теперь уже китенка вытащили братья. Опять, как и вчера, все сделал старший брат.

Снова назавтра человек тот показался. Подошел к лункам, вытащил сеть, осмотрел ее. И говорит опять человек тот пришедший:

— Ну и диво! Со вчерашнего дня туши пропадают! Довольно уже! Что за диво, что за диво! Вот уж действительно кто-то тут есть!

Уходить он собрался, туши складывать стал. Уже потащил добычу, как бросился тут вслед старший брат... Подскочил сзади, раздвинул туши и влез в груды зверья, под тушами укрылся. Потом глянул на того, кто добычу волок, а сам под тушами вдруг за кочку на ходу ухватился. Оглянулся тот, волочивший, на добычу свою — однако нет ничего...

Так вот, с добычей, и притащил он к себе пришельца того. И как приволок добычу, сразу кричать стал:

— Эй, раб! Туши в яму сложи!

А сам в жилище ушел.

Вылез человек из груды зверья и за камнями укрылся. Тут раб из жилища вышел, без кухлянки вышел. Зажмуриваясь, он туши пополам рассекал. Все туши разрубленные в ямы сложил. Потом в жилище ушел.

Тут сестра из жилища выходит. К мясной яме идет. Вдруг говорит ей кто-то из-за камней:

— Ну вот, хоть увидел тебя...

Спросила сестра:

— Кто ты, говорящий?

Помедлив немного, вышел из-за камней старший брат. Тут говорит ему сестра:

— Зачем пришел ты? Ведь за смертью своей пришел! Один пришел?

— Да нет, все мы здесь. Жену я себе взял. Если спросят тебя, скажи: «С кем же еще говорить мне — со старшим братом разговаривали».

Вошла сестра в жилище. И верно, спрашивает ее хозяйин:

— С кем разговаривала там?

— С кем же еще говорить мне — со старшим братом разговаривала.

— Где же он? Пусть войдет! Один он?

— Нет, трое их.

— Эй, раб, приведи их, да побыстрее! Так, без кухлянки беги, поторапливайся! Да смотри, поскорей приходите!

Пешел раб как был, без кухлянки. И недолго ходил, скоро вернулся. Все в жилище вошли. Тогда только надел кухлянку раб, пояс, оделся наконец.

Тут приказал хозяйин рабу:

— Китового мяса кусок принеси, пусть поедят!

Когда поели, говорит братьям сестра:

— Незаметно потом мизинцы свои послоните, как на роскын¹ садиться будете. Покрепче держитесь, когда ювэт² своих на вас выпустит.

И тут вдруг хозяйин говорит:

— Эй, раб! Ювэт там, сверху, достань!

Принес раб ювэт, вытряхнул их из мешочка, а хозяйин эти зубы и косточки звериные на роскыне разложил. И вот сели те пришельцы на роскын. И сразу же ювэт эти задвигались, запрыгали, начали скакать!.. А как подтолкнул их хозяйин — они тут же в зверей обратились и завывли все разом: «Лё-о-о-о!!!» А роскын вдруг как повернется кругом! Но не попадали пришельцы те, усидели. А упади они — сожрали бы их ювэт-звери...

Собрал хозяйин ювэт, в мешочек положил и сказал:

— Эй, раб, унеси ювэт, живо!

Спать легли.

Когда назавтра утром прснулись, разбудил хозяйин раба:

— Эй, раб! Обряд совершить надо! Старушку позови!

¹ «Роскын» (в чукотском написании «роск'ын») — деревянный настил, служивший спальным ложем в древних чукотских и эскимосских жилищах, прямоугольной формы, типа нар-лежанок. Здесь, вероятно, имеется в виду круговой настил (вокруг очага), который в данном повествовании «поворачивается» фантастическим образом, чтобы сбросить на пол пришельцев.

² «Ювэт» (в чукотском написании «юв'эт») — зубы и косточки животных, условно обозначающие тех или иных конкретных животных и имевшие в далеком прошлом магическое значение (от пинка «превращались» в опасных зверей по воле хозяина).

Пошел раб к старушке, говорит ей:

— Обряд собирается совершать сын, велел позвать тебя!

— Что ж, ладно, приду!

— Ну, тогда пойду я. Так говоришь, придешь?

— Приду, приду, одеваюсь уже!

Вернулся раб, кричит хозяину снаружи:

— Придет, сказала!

— Ладно, входи, да поживей!

— Иду, вот кухлянку уже снимаю!

Вошел в жилище раб. А тут скоро и старушка пришла, мать хозяина, в жилище вошла. И сказал тогда хозяин рабу:

— Ну, теперь китовую лопатку¹ тащи сюда.

Притащил лопатку китовую раб. А хозяин пришельца младшего как схватил за шею и за штаны сзади, да и бросил на ту лопатку китовую... Как бросил, так и ударился тот об острый край, и головы нет уже — срезана...

Думает старший брат: «Ого, что же это? Прикончить нас собирается...»

А хозяин-наильник уже и другого схватил пришельца, старшего брата того, кому голову отсек. Так же бросил было его на лопатку китовую. Но у самой лопатки руку выбросил тот — и удержался так! Как встал на ноги, говорит насильнику:

— А ну, теперь я тебя!

— Ну что ж, попробуй!

Схватил пришелец хозяина за шею и за штаны сзади, да и бросил на лопатку острую. Хотел было тоже, как пришелец, удержаться тот, да рука согнулась. Как ударился об острый край, так и без головы уже...

Сел тогда пришелец старший. Долго молчал, потом говорит рабу:

— Поднимай теперь головы да насаживай их. Как насаживать будешь на шею, ладонь послуни и ударяй по голове.

Поднял раб голову хозяина и насадил на него. Все сделал так, как сказано было, вот уже и по голове ударяет... А хозяин, как только ударил его по голове раб, заговорил вдруг:

— И-и-и-и! Что за диво, пробудился я наконец! Что за диво, долго же я спал!..

Встал на ноги хозяин.

А раб уже и младшего пришельца голову поднял. Опять все

¹ Большая и широкая лопаточная кость кита с острым краем.

так сделал, как сказано было, опять все так, как с хозяином, вышло.

За еду принялись все. А как кончили есть, говорит потом хозяин:

— Ну, а кто со мной вон к тому жилищу пойдет?

— С кем же еще ты пойдешь! Со мной пойдем, — сказал пришелец старший.

Дошли они до жилища того, внутрь вошли, и спросил тут пришелец хозяина:

— Это, наверно, для веселья жилище?¹

А хозяин выскочил вдруг из жилища, да и задвинул вход, закрыл пришельца старшего снаружи... Каменная задвижка — не отодвинуть изнутри — да еще краем в землю упирается, как врытая...

А хозяин спрашивает снаружи:

— Ну что, весело тебе?

— Еще как весело! — отвечает пришелец.

— Эй, раб! Поленьев, жиру! Живо тащи! А то прибью!

Натаскал раб поленьев, пузыри с жиром принес. Накидал сверху поленьев хозяин в жилище это большое, через дымовое отверстие накидал. Потом жиром полил и огня бросил туда, поджег это все...

Снял с себя одежду человек в жилище, навзничь лег и стал в паху потирать, когда в жилище все пылало уже, а выход закрытый рукой нащупывал... А хозяин снаружи у самого камня внизу притаился.

...Вот уже и угасать стал огонь, что внутри пылал. Человек оделся и на ноги встал. Открыл тогда вход хозяин, внутрь вошел. Тут выскочил из жилища пришелец старший и задвинул опять камнем вход. Так же вот наверх взобрался, на жилище это, в дымовое отверстие поглядел на хозяина сверху и спрашивает:

— Ну что, весело тебе?

Посмотрел снизу на пришельца хозяин и усмехнулся только.

Спустился вниз пришелец старший и говорит рабу:

— Не надо тебе поленья носить! Пусть брат мой носит!

Сказал брату:

— А ну, поленьев, жиру неси!

Накидали они поленьев в жилище, жиром полили сверху

¹ Здесь подразумевается жилище специального назначения, которое в древности служило местом для праздничных обрядов охотников-мужчин у приморских чукчей и эскимосов.

и подожгли насильника в жилище. Вот уж горел в огне хозяин-насильник — только треск шел!

И нет уже хозяина-насильника — сгорел в огне...

Вернулись они все в жилище хозяина. За еду принялись. Потом сказал старший брат:

— Пора отправляться нам!

А раб и говорит вдруг:

— Да не добратся вам так! Вот только если чайками станете... Дам я вам шкурки чайчи, на всех четверых дам.

— Ладно, если поможет это, давай,— сказал старший брат.

Дал им раб шкурки чайчи, и надели они на себя шкурки эти. А потом говорит им раб:

— Три бухты будет на пути. В каждой бухте — туши, морем выброшенные. В ближней — туша моржа лежит. Только не ешьте этого — нельзя, слушайте, что говорю! Если даже крылом заденете — чайками останетесь!

— Ладно!

— А дальше, в другой бухте, — туша кита... Так говорю вам, слышите? И в третьей бухте навага-рыба на воде лежит. Только смотрите, послушайте меня — есть не вздумайте!

— Ладно! Пора отправляться нам!

Сказал тут раб:

— Вот уж спасибо вам! Не приди вы сюда — еще долго пришлось бы страдать мне. А теперь я к дядьям вернусь.

— Ну, пора уже!

И вот полетели они все четверо. А раб к дядьям своим отправился.

...И правда, до бухты долетели, а там туша моржа лежит, морем выброшенная. Налетели они было на моржа сверху, но крикнул им тут старший брат:

— Ну-ну! Нельзя! Ведь сказал нам раб!.. Дальше летим!

Немного побыли тут — дальше полетели.

...Другую бухту увидели и там кита огромного, на берег выброшенного. И так же, как на моржа, кинулись было вниз трое... И снова крикнул им старший брат:

— Ну-ну! Дальше летим!

Полетели дальше они.

...Опять увидели бухту — и правда ведь, навага-рыба там. Ну и налетели они, на навагу кинулись! И тут братишка младший схватил наважку одну, а другие не стали хватать, на берег высокий сели. И вот там, внизу, наважку поедал братишка младший.

Стал тут звать старший брат младшего:

— К нам лети сюда!

Но только закричал тот по-чайчи:

— Ко! Ко!

Подлетел старший брат к младшему и ремешок на шею ему надел, чтоб приметным был. И полетели дальше они, к берегу своему, только вдвоем полетели.

А когда прилетели к шатру своему, тогда и принялись за еду.

Потом зима наступила. А весной они снова увидели чайку эту... И каждый раз, когда пролетали чайки, кормили они братишку младшего.

А однажды наступила весна и не увидели больше они братишку младшего, чайкой ставшего. Может, где из лука убили его или камнем брошенным...

Состязание в колдовстве

(Сказка)

Рассказывают, давно это было, очень давно... Шаман один далеко на северной стороне жил, а другой шаман — на южной стороне. И вот тот шаман, с северной стороны, давно уже собирался одолеть шамана, что далеко на южной стороне жил, прикончить его собирался... Однако не знали они один другого, в глаза друг друга никогда не видели. И все же тот, с северной стороны который, очень хотел одолеть того, что на южной жил стороне.

Много думал тот шаман северный, спрашивал себя: «Как же одолеть мне его?» К тому же шамана того южного люди сильным очень в колдовстве считали.

И вот как-то раз шаман этот, что на южной стороне жил, в тундру с нартой за дровами пошел. Идет он так, нарту за собой тащит. Вдруг видит — орел большой летит там, вдали, прямо на него летит будто. Ничего не думает человек, идет себе и идет.

Вот подлетает уже к нему орел огромный, а как ближе подлетел — сверху стал на человека бросаться, клевать стал его... В голову клювом бил, когда налетал сверху, сильно бил. Думает человек этот, шаман с южной стороны: «Что же это, почему бросается так?»

И вот как налетел опять орел, чтобы снова на человека броситься, тот вдруг в землю нырнул, как в воду, да и скрылся — нет его... Еще и нарту за собой под землю утянул. А потом далеко там вынырнул из-под земли. И нарта за ним вынырнула. И хоть бы чуть-чуть поломалась нарта!

А ведь зима была. Снова бросался орел на человека, и снова в землю нырял человек! Потом опять из-под земли появлялся.

Сел, наконец, на землю орел этот огромный. И как сел, так сразу в человека превратился... Догнал он этого, что с нартой за дровами шел. А человек, что орлом налетал, и был тот шаман, оказывается, — с северной стороны который. Стал кричать тут шаман северный:

— Ну и диво, так и не смог одолеть я тебя! Потому, верно, и считают тебя сильным в колдовстве! Но я, может, попробую все же еще напасть на тебя, если только в тундру не перестанешь ты выходить. Слышишь? Сюда, в тундру выходи опять — за дровами ходи или еще куда. Слышишь, что говорю?

— Да слышу! — отвечал шаман, с южной стороны который.

— Только теперь вот так орлом нападать не буду уже — другому буду совсем.

Разошлись они в разные стороны. Вернулся к себе шаман, что на южной стороне жил. А тот, другой, орлом опять обернулся и к себе полетел. Так вот и живут они дальше — один на северной, другой на южной стороне. Долго живут так.

На другой год, зимой, опять как-то в тундру за дровами отправился южный шаман, уже на собаках отправился. Прямо в тундру на собаках едет.

...Едет он так на собаках, и вдруг впереди, прямо в тундре, — море огромное на его пути появилось и навстречу ему движется... Море это, как река огромная, бурлит и катится навстречу. И зимой ведь появилось море, зимой, да и в тундре еще!

Однако шаман этот южный, что на собаках ехал, не повернул обратно, не растерялся вовсе — прямо навстречу морю едет. Тут волны поднялись большие — взволновалось море! А человек на собаках едет и едет — прямо навстречу волнам едет...

Море это так ведь на снегу и появилось в тундре. Быстро, очень быстро накатывалось оно на собачью упряжку! И вот накатилось... Собаки уже в воде плывут, да и нарта с человеком тоже в воде. Но и тут не растерялся, не повернул назад собак своих человек...

...И вдруг прямо на ходу нарта лодкой становится. А собаки одна за другой в лодку как повскакивали, так сразу в гребцов превратились. И тут как начала веслами грести собачья свора, в людей превратившаяся. А хозяин их рулевым на корме сидит и вперед смотрит. И уже переговариваются и кричат вовсю, как люди, эти собаки-гребцы.

Тут еще на море буря началась, волны поднялись огромные, лодку волнами сильно кидает! Но не потопили, однако, волны лодку, не испугали волны гребцов этих, что из собак людьми обернулись сразу! Гребут они веслами изо всех сил, быстро гребут, да еще кричат и поют что есть силы!

Все вперед и вперед плывет человек этот, не повернул назад, так и не повернул!

И вот спала вода вдруг... Ну и диво! Совсем уже не стало воды, по-прежнему все стало — зима опять вернулась. А вода эта вдаль ушла, там вдали поднялось что-то — оказывается, человек это... И сразу же лодка с гребцами снова собачьей упряжкой стала. Сказал тогда себе человек этот на нарте: «Подожду я его, ведь так и не смог он прикончить меня».

Идет уже к нему человек, что там из воды поднялся. А это шаман, оказывается, тот самый опять, что с северной стороны. Как подошел, так сразу кричать стал шаман этот северный:

— О-хо-хо-хо! Вот уж умалялся я с тобой совсем, сил больше нет! Никак вот не смог одолеть тебя! Уж верно, не зря говорят, что сильный шаман ты. Потому и не смог никак одолеть я тебя! Довольно тогда, не могу больше, кончил я!

— Не надо кончать, раз одолеть меня захотел, прикончить захотел, а то ведь нечего будет мне делать, без дела останусь тогда!

— Нет, нет, совсем не буду я больше так делать!

— И верно, довольно уже! Пора и разойтись нам. Только в шатре у себя не сиди всегда, а в тундру похаживай все же.

— Ладно!

— Слышишь?

— Слышу!

— Ну, разойдемся тогда!

И снова разошлись они в разные стороны. Каждый к себе отправился. И еще так вот сколько лет жили они, не встречаясь. Но всегда настороже был, остерегался всегда шаман, что на южной стороне жил, каждый год в тундру ходил, все ждал того, северного.

Наконец, как-то раз шаман тот, северный, на собаках в тундру поехал. А холод сильный был! Прямо в тундру едет шаман.

И вдруг — в мороз такой! — солнце припекать начало, сильно припекает. И вот все больше и больше становится солнце — уже огромное такое!.. Ничего не подумал плохого человек этот, что на собаках ехал. Едет себе и думает только: «Наверно, лето уже начинается». А на самом деле зима стоит, далеко ведь еще до лета.

А солнце все растет, все ниже спускается солнце и прямо на человека движется, на шамана северного... Вот уже шерсть на собаках затлела, горит уже шерсть. Завизжали собаки, завыли! А потом и человек одежду с себя срывать начал, по земле стал кататься, чтобы не сгореть совсем. Уже конец ему приходит, смерть настигает шамана северного...

Но тут вдруг солнце на землю упало. А как на землю упало, так сразу человеком обернулось... Шаман это, оказывается, — тот, что с южной стороны. Заговорил шаман южный, говорит северному:

— Ну, что ж ты жизнь свою не спасаешь?

— Да не смог вот никак!

— Ладно, довольно с тебя, а то ведь чуть было не прикончил тебя!

— И верно, чуть не прикончил меня! Довольно уже! Вот теперь разойдемся мы, совсем теперь разойдемся!

— Ладно!

Так и разошлись они, каждый в свою сторону. А того, с северной стороны который, мчали собаки домой изо всех сил!

С тех пор совсем не стали они делать такое, совсем перестали в колдовстве состязаться.

Предание
о Чивтыгине
из Утэна

Говорят, давно когда-то охотник один — Чивтыгин — жил на побережье, в селении Утэн¹. Всякого зверя бил Чивтыгин в море и летом, и зимой. Еще он и шаманить умел, говорят.

Лето уже наступило. Сказал как-то жене Чивтыгин:

— А ну, попробую я в бубен поколотить, давно уже в бубен не бил.

И гот, говорят, долго ночь бил он в бубен... Потом перестал вдруг, говорит жене:

— Довольно!

Жена жирники зажгла, когда перестал он в бубен бить. Говорит опять жене Чивтыгин:

— Уж верно, пришлют за мной с той зем ти, из-за моря, шаман их пришлет.

Назавтра, рано утром, вышла жена из шатра, вернулась потом, мужу говорит:

— Там в море, далеко еще, чернеет что-то!

Сказал тогда жене Чивтыгин:

— Экая ты! Еще вчера, когда в бубен бил, сказал тебе, что завтра с той стороны пришлют за мной. Шаман тамошний, верно, прикончить меня собирается. А ну, сходи, еще посмотри!

Вышла и сразу же вернулась жена, говорит:

— Уже на берег высадились с лодки!

¹ Селение это, давно исчезнувшее, находилось когда-то на восточном побережье Чукотского полуострова, севернее Уэлена.

Двое людей поднимались с берега к шатру Чивтыгина... Говорит Чивтыгин людям этим, когда подошли:

— Ну что, прибыли?

— Да вот, прибыли!

Двое пришли на лодке с той стороны, из-за моря, один постарше был. Когда уже за еду принялись, спрашивает их Чивтыгин:

— Уж очень дальние вы, что надо вам?

Который постарше, говорит:

— Да вот шаман наш привезти тебя велел.

Сердито сказал Чивтыгин пришельцам:

— Нет уж, не поеду я так далеко!

А потом говорит:

— Вот нож этот свой набедренный пошлю тогда вместо себя шаману вашему — как будто сам к нему явлюсь так... Только в пути нож этот не разглядывайте!

Вложил опять в ножны свой нож набедренный Чивтыгин. Говорит потом пришельцам:

— Ну, отправляться пора вам!

Отправились те люди назад, обратно в море пустились.

...Вернулись к своему берегу, к шаману своему. Спрашивает их шаман:

— Где же Чивтыгин?

Отвечают ему:

— Отказался! Только вот нож свой послал тебе.

Удивился шаман:

— А ну, дайте посмотрю, что за нож!

Взял он нож, смотрит на него, — а нож блестит весь, к тому же и рукоятка вся разрисована, разукрашена! Радуетя такому ножу шаман тот, за морем живущий:

— И не надо тогда Чивтыгина — уж очень нож хороший вместо себя послал он! И на охоту в море не буду брать нож такой!

Всегда теперь нож этот хранил шаман у себя в пологе. С охоты, как возвращался с моря, всегда нож смотрел — все потерять боялся, видно.

Два года пробыл там, за морем, нож этот. И вот затосковал нож на чужой стороне — ведь это и не нож был вовсе, а дух Чивтыгина был, оказывается, келе это был — Чивтыгина помощник.

Как-то снова на охоту отправился в море шаман тот, с чужой стороны. Вот уже с охоты вернулись — кита добыли охотники. Бегом бросился к шатру своему шаман, нож ищет, а его нет уже.. Долго, говорят, искал нож шаман, все искал и искал! Но нет но-

жа — пропал... Сильно расстроился шаман! Жену спрашивает:

— Где нож?

— Не знаю, не видела.

— Может, кому дала?

— Да говорю тебе, никому не давала! — рассердилась жена.

Когда стемнело, стал колдовать шаман тот, в бубен бить.

Бьет в бубен и приговаривает:

— Гок, гок! Вот он какой Чивтыгин,

Келе это его тут два года жил!

Потому и затосковал он тут...

Ну теперь отомщу же я Чивтыгину!..

...А Чивтыгин из Утэна на охоту как-то отправился в море со своими людьми. На высокую льдину с лодки поднялся Чивтыгин на море посмотреть, потом в лодку спустился и говорит людям:

— Много моржей на льдинах!

Дальше пошла лодка. И тут уточка маленькая с берега к ним прямо летит... На лодку села и заговорила вдруг:

— Послушай, Чивтыгин! Ведь все вы пропадете тут в море! Шаман тот, что за морем, обманул тебя — совсем не к моржам вы плывете, не моржи это, а льдины и пена морская...

Сказал тогда Чивтыгин уточке:

— А ну, помолчи-ка ты лучше! Сама ведь ты зимой никак нам копальгена¹ не заменишь!

Обратно к берегу улетела уточка. А уточка эта тоже келе была, оказывается, духом Чивтыгина, помощником его.

И вот высадились они на льдины, где моржи лежали, — много моржей там было! А как стали стрелять, так и пропали вдруг льдины под ними... И люди Чивтыгина, что в лодке были, в воде уже барахтаются...

Нырнул тогда в воду Чивтыгин и под водой скрылся. Потом вынырнул, а это баклан уже большущий из воды выскочил! Всех людей, что в воде барахтались, проглотил баклан.

Это Чивтыгин в баклана превратился, оказывается. Прямо к берегу своему над водой полетел и на берег выскочил ночью баклан тот большущий. Как на берег выскочил баклан, так отрыгнул сразу людей тех, что проглотил, на землю выкинул — живых и невредимых.

Не смог одолеть Чивтыгина шаман тот, что за морем жил.

¹ Копальген (в чукотском написании «копалгын») — моржовое мясо, которое заготавливалось на зиму, хранилось в мясных ямах и в замороженном виде употреблялось в пищу.

Предание об охотнике Кивлине

Жили очень давно, как рассказывают, одна женщина с мужем и ребенок их, маленький еще совсем.

Муж женщины этой постоянно в море охотился. Имя мужа было Кивлин. Далеко в море, в торосы, уходил он всегда и там тюленей добывал.

И вот в какой-то год подолгу стал он пропадать на охоте. Уже по две, а когда и по три ночи в море проводил. А как возвращался, спрашивала жена:

— Почему так долго пропадаешь на охоте?

— Да вот никак не могу тюленя добыть, потому и кожу так долго.

— Вот как!

Верила ему жена.

Снова потом на охоту в море идет. И вот опять пропал надолго. А он, оказывается, зверуху морскую в жены взять захотел... Нерпу там на льду увидел как-то, сзади подкрался к ней и говорит так потихонечку:

— Уж очень хочу я тебя подружкой сделать своей, вдвоем быть с тобой!

А нерпа отвечает ему:

— Да невозможно это, к тому ж и под водой не сможешь ты быть.

— А мы только на льду жить будем тогда, хоть здесь вот, возле лунки твоей, откуда ты на лед выходишь.

— Да не всегда я из одной лунки выхожу, когда и из другой выхожу.

— Ну хоть ненадолго из этой вот лунки выходи на лед.

— Ладно, пусть так!

Так вот и согласилась нерпочка. Стал жить там человек, так на льду и жил все время. Всю зиму пробыл там, около лунки этой.

И вот ранней весной снова начали люди в море ходить, на тюленей охотиться. А Кивлин к другим лункам стал уходить на охоту. И однажды убили охотники его нерпочку. Вернулся к ее лунке Кивлин, а там — кровь на льду вокруг лунки...

Вот тогда загоревал человек, заплакал даже... Побыл он еще в море немного, а потом и к шатру своему, к жене отправился, наконец. Тюленя добыл одного. Долго, очень долго пробыл он в море! Когда вернулся, спросила его жена:

— Почему же пропадаешь так долго? Может, что случилось с тобой?

— Да нет, ничего, только чуть на льдине не унесло меня, вот и пробыл так долго. Потому теперь не буду больше в море охотиться.

— И то правда!

Поверила ему жена. А на самом деле он ведь с нерпочкой там жил.

— Теперь только в тундру буду ходить на охоту.

— И верно, а то и утонешь еще, если в море охотиться будешь.

И в самом деле, стал он в тундру ходить на диких оленей охотиться. Постоянно оленя добывал, уже и помногу бил! Притом и удачливым очень стал он охотником. Только вот почему он таким стал?

И снова подолгу начал он пропадать, уже на оленьей охоте. Но к жене возвращался все же. Как-то раз, когда ходил он в поисках оленей, к высокому утесу большому подошел. Смотрит, а там на утесе, почти на самом краю, женщина большая — ох, и волосатая вся! Сидит на утесе и шкуру скоблит...

Подошел Кивлин поближе.

Говорит ему женщина:

— Пришел?

— Да вот пришел!

— Откуда?

— Да из тундры!

— Вот как!

Ее стал спрашивать:

— Одна живешь?

— Одна!

— А может, подружимся с тобой?

— Ну что ж, ладно! — согласилась женщина эта большая...

И опять к жене не вернулся Кивлин, стал жить там. Туда и добычу всю приносил, оленей бил, туда и носил теперь. Опять не один год здесь пробыл, к жене не возвращался...

..Наконец, пошла искать его жена, сына в шатре оставила. Сын их подросток немного, уже ходить начал, говорить стал.

Прямо в тундру отправилась женщина и ведь даже ребенка в шатре оставила одного — уж очень на мужа своего зла была женщина...

Далеко впереди утес высокий увидела она, туда и пошла. Подошла к утесу большому. Смотрит на вершину утеса, а кругом тихо — никакого ветра. Утро было, да еще летом. Туда, на край утеса, посмотрела, а там женщина шкуру скоблит. Увидела ее... Подниматься стала на утес. Поднялась наконец. Говорит ей женщина большая, волосатая:

— О, пришла, женщина?

— Да пришла вот!

— Откуда пришла?

— Да вон оттуда, издалека!

— Вот как! А что надо тебе?

— Да вот листья молодые собирать пошла!¹

— Вот как!

А это она притворилась, что листья собирать пришла, и стала тут спрашивать женщину волосатую:

— Одна здесь живешь?

— Прежде одна жила, да как-то пришел давно уже откуда-то человек один.

— Вот оно что, человек пришел откуда-то! А какая одежда на нем?

— Да вот такая, такая... — стала рассказывать.

Все рассказала, все как есть.

— А сам какой из себя?

¹ Молодые листочки с кустов чукчи собирали для приготовления приправы к мясу.

— Да вот такой он...

Прямо все рассказала.

— Вот как! А лицо какое?

— Да такой он, с редкими усиками...

— А с копьём он?

— С копьём, да еще с хорошим копьём.

— Вот оно что... Да так, наверно, пришел откуда-нибудь!..

— Да наверно!

Притворилась та, в поисках мужа пришедшая, что не знает человека этого, говорит волосатой женщине:

— А если мы в голове поищем друг у друга?

— Ладно, поищем! — сразу согласилась женщина эта большая.

Начала пришедшая у женщины волосатой в голове искать. Ищет, а женщина эта большая дремать стала. Крепко уснула, наконец, и вот храпит уже...

Перестала та в голове искать. Котел, что там был, взяла и очаг разожгла. Тюленьим жиром котел наполнила и на огонь поставила. Вот уж кипел жир в котле, клокотал даже!

...Крепко спала женщина эта, что на утесе жила. Кипящий жир из котла на лицо спящей вылила пришедшая, всю ее облила жиром кипящим... Сразу же скончалась женщина, сильно сморщилось лицо у нее, скрючило, стянуло ее всю — уж очень обварена была жиром кипящим! А потом за доску скобильную мертвую усадила и скребок каменный в руки вложила — будто шкуру скоблит. С оскаленными зубами скончалась та и потому будто смеется на доске сидящая...

Там, на утесе, так и оставила ее пришедшая и к себе, к шатру своему, пошла, разъяренная. А женщину мертвую, жиром обваренную, так и бросила там, на утесе будто бы сидящей.

К себе вернулась женщина, а мальчик, сынишка ее, играет в шатре, смышлененьким стал.

...Уже солнце заходило, когда охотник, на дикого оленя ходивший, вернулся с добычей. К утесу подходить стал, а там, наверху, женщина эта за скобильной доской сидит и смеется будто... А прежде, с добычей когда приходил с охоты, всегда встречала его и вместе они олени туши на утес поднимали.

Еще издали, когда подходил, окликнул ее:

— Э-эй! Иди-ка, помоги-и!

Не отвечает она...

Уже подошел к утесу. Снова кричать ей стал:

— Эй, жена-а-а! Да иди помоги-и! Смотри-ка, смеется только!.. А ну скорей, помоги иди!

Молчит, ничего не отвечает, только смеется будто... С оскаленными зубами скончалась ведь.

Рассердился, наконец, охотник:

— Да что же это, все смеется только! Да помоги же иди! Вот как, так и будем, значит!

Быстро взобрался на утес с копьём. Сразу копьём пронзил ее и вниз с утеса сбросил...

Потом опомнился мужчина, думает: «Вот беда, убил ее, наверно?» Быстро вниз спустился, смотрит на нее, а она, оказывается, еще раньше мертвой была, и кожа на лице сморщена сильно, скрюченная она вся...

Задумался тут дружок Кивлин: «Кто же это так прикончил ее?» — сам себе говорит...

Потом к себе, к шатру своему отправился Кивлин. Пришел в шатер свой. Посмотрела на него со злостью жена и говорит:

— Зачем пришел? Бери уж жену себе в тундре, а то и в море! Убирайся отсюда!

— Да не было этого!

— Нет уж, знаю я, дважды ты жен себе брал — зверуху морскую и в тундре потом женщину одну огромную, волосатую. Теперь уходи лучше от меня!

— Да не стану я теперь больше так!

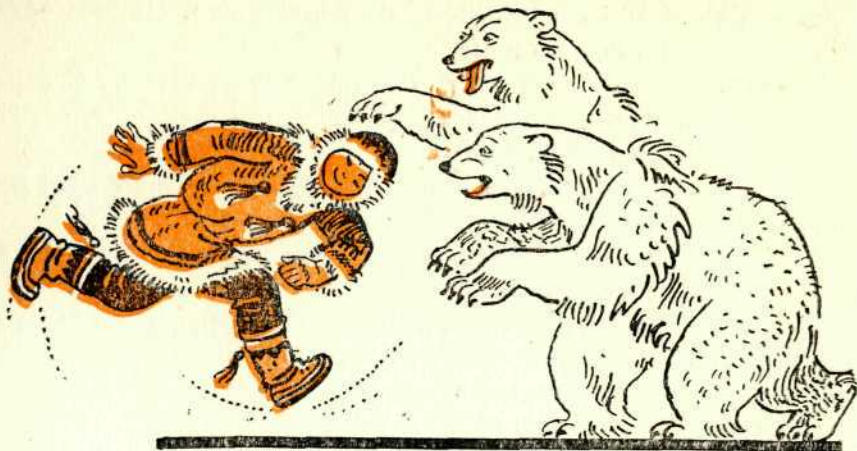
— Нет, все равно не хочу! Убирайся отсюда, ты ведь давно уже такое делаешь, давно уже таким стал!

Потом замолчала, наконец, перестала она кричать. Когда стемнело, под стенкой полога, у самого выхода, лег спать Кивлин. А ночью тихо подкралась к нему жена с ножом и перерезала горло спящему... Назавтра с сыном в тундру отвезли его.

Так вот с сыном и стали они жить дальше. А сын и в тундру ходить начал, подрос ведь уже. Наконец и юношей стал. Копье сам сделал и лук, а тогда и на дивих оленей охотиться начал. И тоже ведь помногу зверя бил.

Хорошо теперь мать стала жить — постоянно добычу сын приносил. А потом уже сын и жену взял. Еще лучше жить стали.

В глубину моря ушедший

(Сказка)

Человек один на берегу моря жил с женой и сыном. Лежит однажды он у себя в шатре. Говорят ему люди из стойбища этого:

— А ну, в мяч поиграем!

Отвечает им:

— Не буду играть! А вы вот догнать меня попробуйте!

Вышел человек из шатра, прямо к морю бежать пустился и там с утеса в волны бросился... А в море к китовому народу попал. Там китовую женщину в жены взял.

Назавтра, как проснулся человек, говорят ему тамошние:

— Сегодня женщина за тобой придет — вот уж хороша! Только засмеешься если — прикончат тебя. А не засмеешься — жив останешься.

Назавтра приходит женщина. Человек посмотрел на нее... Засмеялся вдруг человек, а женщина говорит ему:

— К нам идем!

Отправились они. Пришли туда, а она с матерью там вдвоем живет. Потом говорит женщина человеку:

— Начнем игру!¹

— Что ж, ладно, начнем! — отвечает ей человек.

И сразу начали они игру.

¹ Как и в некоторых других мифологических сюжетах, имеется в виду состязание в ловкости.

Открыла женщина выход из жилища, а там два медведя стоят... Спрашивает женщину человек:

— А теперь как будем?

Сказала женщина:

— Проскочить надо здесь. Кто неловок — сожрут медведи того, а кто ловок — жив останется.

Потом вдруг говорит женщина человеку:

— Ты сначала сделай!

Отвечает ей человек:

— Нет, сначала ты!

Бросилась женщина туда — проскочила, только ворот с одежды медведи сорвали... А потом человек так же сделал — и проскочил! Даже кусочка с одежды его не вырвали!

Потом дальше еще вход открыли они, а там — море, оказывается... Промчалась женщина через то море — только подошвы намочила. Потом человек промчался — ну хоть бы что-нибудь намочил! Говорит человеку женщина:

— Вот ты какой, оказывается! В первый раз такого вижу!

К ней вернулись. Как в жилище вошли, сказала женщина:

— Вот и одолел ты меня!

Как стемнело, спать улеглись. Женщина одеждой его мужской накрылась, а человек — керкером ее женским.

Уже уснули они, а старушонка, мать женщины этой, поднялась вдруг. Нож женский широкий старуха вытащила и к спящим подобралась. Подумала еще: «А где же пришелец спит, с какой стороны?» И вдруг как ударит дочь свою ножом, так голову и отсекала!

Человек проснулся, а старушонка пропала сразу, как в воду ушла... И жилище это затрещало вдруг, захлопало. А человек тут же в горностая превратился и выскочил из жилища. Обрато отправился человек, к китовому народу пошел. Пришел туда, а ему говорят:

— Ну и диво! И не прикончили ведь тебя — жив остался!

Потом сказали ему китовые люди:

— Надо тебе к своим наведаться!

Назавтра отправился к себе человек, к жилищу своему. Из глубины моря вынырнул, а потом из-за утеса появился вдруг. К жилищу пришел своему, а там его сын старик уже... Подошел и спрашивает старика:

— Где жена моя?

— Умерла! — сказал ему старик.

Сирота и горностаи

(Сказка)

Говорят, жители китовой страны скупыми были. И вот однажды к китовым людям сирота отправился. Только подходить к ним стал, набросились на него, ударили, с ног сбили... Тут китовый человек сказал сыновьям:

— Что вы с ним делаете! Пусть идет к нам. Он есть хочет, наверно.

Тогда на ноги его поставили. Обрадовался сирота. Вот уже и в жилище вошел. Как вошел, спрашивать стали его:

— Один живешь?

Отвечает сирота:

— Нет, с бабушкой.

— А где живете?

Отвечает сирота:

— В землянке живем.

Сказали ему:

— Поешь!

— Ладно! — ответил.

Как поел, говорят ему:

— В бубен побей, пошамань!

Отвечает:

— Не стану!

Закричали все:

— А ну, поколотим его!

Ударили сироту. Тогда он сказал:

— Ладно, побью в бубен!

Стал он в бубен бить, но потом застеснялся. Говорит:

— Не хочу больше!

Снова как ударили — заплакал... Потом сказал:

— Ладно, еще попробую!

— Ну, смотри!

Забил он в бубен и подпевать стал. Вдруг откуда ни возьмись вода в жилище хлынула... Со льдом вода пришла. Тут уж закричали:

— Перестань, перестань, перестань!

Потом сказали:

— К себе возвращайся!

Мяса дали ему. Ну и бежал сирота обратно к себе, всю дорогу бегом!..

Как прибежал к жилищу своему, говорит бабушке:

— Мяса вот дали мне. Свари и поедим с тобой!

Стала мясо варить старушка. Пока мясо варилось, говорит сирота:

— Вот уж поедим мы теперь вдоволь!

Сказала старушка:

— А ты завтра еще сходи туда!

Спать легли. А на завтра, встали когда, снова пошел туда сирота. Мимо скал проходит — вдруг позвали его из скалы:

— Сюда иди!

Подошел он к скале, спрашивает:

— А куда идти?

Говорят ему из скалы:

— Да ты глаза закрой и шаг сделай!

Глаза закрыл сирота и шаг сделал... А как открыл глаза, вот уж хорошее жилище увидел — светло в пологе!

Спрашивают его:

— Куда шел ты?

Сказал:

— К китовым людям.

Говорят ему:

— Ну что ж, дадим тебе!

Сказал жене хозяин:

— Ну-ка, мешок с одеждой принеси, там, в мешке, кухлянка!

Отвечает жена:

— Ладно, принесу!

Достала жена мешок, внесла в полог. А из мешка вынула вдруг одежду из меха горностаю, стала разминать ее и вытягивать... Потом говорит сироте хозяин:

— Возьми одежду эту горностаевую, она удачу тебе принесет. Только как надевать будешь, надувай сначала¹.

Сказал сирота:

— Ладно!

Обратно пошел поскорей в землянку свою. Как пришел, спрашивает его старушка:

— Долго ходил! Откуда пришел?

— Оттуда, из скалы!

— А почему?

— Там был я, потому что позвали меня из скалы. А потом сказал мне тот, кто позвал: «Вот даю тебе шкурку горностаевую, чтоб удача была». Обманул, наверно.

Говорит старушка:

— Нет, не обманул, хорошо, что дали.

Обрадовался сирота, сказал:

— Вот спасибо им!

И пошел сирота назавтра на охоту к морю, уже горностаичком стал. Вдруг белого медведя увидел. Бросился на него, в нос забрался... Так и прикончил. Сказал: «Вот хорошо, что прикончил. Ну, теперь возвращаться мне надо!» Волоком медведя потащил к землянке своей. Ну и силен горностаичик!

— Медведя вот добыл я! — старушке говорит.

Обрадовалась старушка, сказала:

— Ну и диво, сирота медведя добыл! Вот спасибо охотнику моему, добытчику мяса!

Опять на другой день на охоту к морю отправился горностаичик. Теперь уже кита увидел. Только раскрыл свою пасть кит — прыгнул туда горностаичик поглубже... Так и прикончил кита. Всплыл кверху китище огромный! Сказал сирота-горностаичик: «Вот какого кита большущего прикончил!»

Снова с добычей возвратился. Опять говорит старушка:

— Вот уж спасибо тебе, добытчик ты мой!

С тех пор всегда вдоволь пищи добывал, всегда сыты были они. Все.

¹ Герой попал к горностаям, живущим в расщелинах скал, и ему дарят шкурку, надев которую, он превратится в горностаю.

Сказка
о вороне

Ворон с женой жил, а соседом их был песец.
Однажды поет ворон у шатра своего:

Куда-а же лете-еть мне!
Мо-о-жет, про-о-тив ве-е-тра!
Мо-о-жет, по-о ве-е-тру!
Мо-о-жет, по-о-пе-рёк ве-е-тра!

— Уж лучше по ветру тогда!

Поднялся ворон, по ветру полетел. Потом на холмик сел у евражьей норы, а там щель в земле большая. Заглянул ворон туда, в щель, и видит — внизу стадо оленье ходит, большое стадо, ухоженное. А сколо оленей старуха-келе шкуру скоблит. И все это под землей в большом шатре было — и олени и старуха...¹

Сверху через дымовое отверстие плюнул ворон в самого маленького олененка. Сдох олененок. Подошла старуха-келе к олененку, говорит:

— Что это с ним?

Выбросила олененка из шатра наружу. Схватил его ворон и к себе потащил. Навстречу ему сосед песец:

— Что за диво, братец, где оленя добыл?

— Опять ты мне место хорошей добычи испортишь!

— Нет, нет, не испорчу! Теперь нет, братец! Теперь все только по-твоему сделаю!

— Ну что ж, только теперь смотри, все по-моему делай!

— Все по-твоему, все, как ты, сделаю!

¹ Речь идет о нижнем («подземном») мире, где, по мифологическим представлениям чукчей, обитали человекоподобные существа келе, занимавшиеся, как и люди, оленеводством.

— Вон там холмик есть у евражьей норы. Туда придешь — там щель в земле. В ту щель посмотришь и там стадо большое увидишь. Но только самого маленького выберешь олененка, потом в него плюнешь, в олененка того, тогда и прикончишь сразу. Понял?

— Понял, понял!

— Ну, ступай!

Отправился песец на добычу. Пришел к тому холмику. В щель глянул — ох и разбежались глаза у братца песца от жадности! Получше оленя высматривать стал. А потом в самую большую и жирную важенку плюнул — прикончил ее. Подошла опять старуха-келе:

— Что же это с ней?

Выбросила важенку из шатра наружу. Подскочил тут песец и стал на спину себе важенку эту закидывать. Взвалил ее на себя, унести на спине хотел было — удержать не может никак. Встать старается — никак не поднять, уж очень тяжела важенка эта большая... Закричал тогда:

— Эй, хозяйка-а-а! А ну, помоги вот на спину взвали-ить!

— Вот уж покажу я тебе, если это ты, негодник, оленей приканчиваешь!

Выскочила тут старуха-келе, а в руках рукоятку от каменного скребка держит и молот каменный... Какхватила она молотом по зубам братца песца, уже взвалившего было важенку на себя, так и брызнула у него кровь из десен! Как пустился наутек братец песец, даже важенку бросил!

Прибежал, стал ворона бранить:

— Почему врешь ты? Наврал все!

— Не врал я тебе! Сам виноват, не послушался меня! Только место хорошей добычи мне портишь! Хватит теперь, а то без добычи оставишь меня!

Вылетел на добычу ворон. Прямо в тундру полетел. Далеко в тундре сел, а там шатерчик маленький стоит. И вышла вдруг оттуда девочка уродливая, уж очень грязненькая, вся перемазанная, сопливенькая вся...

Говорит ей ворон:

— Э-эй, послушай, вот ты какая! Откуда же ты, такая чистенькая и красивенькая девушка?

Бегом кинулась девочка обратно в шатерчик свой и говорит своей уродливой матери:

— Мама! Там вон гость, хвалит меня очень.

— Вот как! Скажи ему: «Входи»!

— Скажу! Эй, гость, входи!

— Иду, иду! Вот спасибо тебе!

Вошел ворон. А в шатре грязи полно, запах скверный, фу!..

Опять стал ворон нахваливать:

— О-о-о, вот уж как чисто и хорошо в шатре!

Ну и возгордилась старуха эта уродливая от похвалы такой! Сразу бросилась мясо варить.

Наелся ворон вдоволь! Обратно собираться стал, а ему уже и нарту самой крупной рыбой нагрузили и увязали крепко.

Опять братец песец встречает:

— Ой-ё-ё-ё-ёй! Откуда ты, братец, такой довольный, где раздобыл так много?

— Э, не-е-т! Опять ты мне место хорошей добычи испортишь!

— Да нет, не испорчу теперь, не испорчу, ведь ты же добрый, братец!

— Ну что ж, ступай тогда! Там вон, в тундре, шатерчик маленький стоит — уж очень грязный шатерчик! И тех, кто живет там, ты расхвалить постарайся. Обей тех, грязненьких, похвалишь если, тогда и дадут тебе чего-нибудь.

— Ладно!

На оленьей упряжке отправился братец песец. Быстро мчался на оленях. Подъехал к шатерчику тому. Вышла опять девочка та уродливая, грязненькая. И тут этот чистенький братец песец вдруг как закричит на девочку:

— Фу-у! Фу-у! Вот уж грязнуля какая, вот уж замазуля!

Со всех ног бросилась девочка обратно в шатер, матери говорит:

— А этот гость очень плохо говорит про меня!

— Скажи ему: «Входи»!

— Эй, гость! Входи!

— Иду!

Вошел песец и опять начал:

— Фу-у! Фу-у! Вот уж в какое грязное жилище попал я!

А там старуха эта была, гостью дала поесть немного. И как поел братец песец, сказала ему старуха:

— Ну, теперь отправляйся! Только поклажу в задке нарты не раскрывай, пока не приедешь!

Обратно отправился песец. Как к жилищу своему подъехал, крикнул жене:

— На вот, дали мне там, развяжи скорей поклажу сзади!

Вот уж обрадовалась жена, бегом к нарте кинулась. Развязала поклажу, раскрыла, а там грязи всякой со снегом набито... Ох и сильно рассердилась жена песка, поклажу отбросила, на мужа напустилась:

- Что ты врешь! Там одна грязь всякая со снегом!
— Да ну! Обманула меня, значит, уродина эта старая!..
Перестал с тех пор братец песец легкой добычи искать.

И вот снова полетел на добычу ворон. Далеко в тундре много девочек мышинных увидел. И забрался он там в их шатерчик маленький.

Говорят ему мышата:

— Дед, а дед, вот похлебка оленья густая, ложкой не провернешь! Поешь похлебочки!

— Ладно, ладно, спасибо вам! Вот уж какие внученьки!

Сразу же принялся за похлебку ворон. Вдоволь наелся! А как поел, говорят ему девочки мышинные:

- Дед, а дед, поищем в голове у тебя! Ладно?
— Что ж, ладно!

Стали искать мышата у ворона в голове. Дремлет ворон, хорошо ему, так и уснул... А пока спал ворон, разрисовали его мышата — нос, щеки, подбородок, как женщину разрисовали. Потом будить стали:

- Дед, а дед! Дед, а дед! Проснись!
Проснулся ворон. Говорят ему мышата:

- Слетай-ка ты к реке, в тихую воду посмотришь!
— Что ж, слетаю!

Полетел к реке ворон. А там, с берега, в тихую воду посмотрел — отражение свое увидел, да как закричит:

— Смотри-ка, женщина там! Вот так диво, женщина ведь это с расписанным лицом! Как засмеюсь — так и она смеется!.. И-и-и-йи! Э-ээ! Вот так диво, и она смеется! Может, половину шатра тебе отдать, пополам поделим? Ладно? Смотри-ка, согласна!

А на самом деле один он болтал, с отражением своим разговаривал...

- Мити¹ пойду скажу про это! Ладно? Смотри-ка, согласна!
Бегом к жене помчался.

¹ Мити — сказочное имя жены ворона, к которой он неизменно возвращается в сказках после своих не всегда удачных походов.

— Мити-и! Шатер пополам давай поделим! Женщину там увидел! Вот уж красивая женщина с расписанным лицом! Говорит, давай шатер пополам поделим! — кричал он.

Быстро шатер разобрали, половину к реке потащили. Шкуры оленьи в воду бросили — не тонут, всплывают шкуры, уносит их рекой...

— Вот беда! Видно, не берет она их, не хочет! Подушки меховые... Тоже всплывают! Не берет она! Видно, из оленьих женщина эта!

Шатровую покрывку в воду бросил...

— Ну и диво, видно, оленья это женщина! Ничего не берет! Водой понесло покрывку шатровую...

— Что же мне бросить теперь? А ну, камень для разбивания костей тащи скорей сюда!

Бросил камень...

— Вот-вот, говорил же, что оленья это женщина! Взяла ведь камень, на чем кости мозговые оленьи бьют! А ну, теперь молот каменный тащи!

Молот бросил — тоже утонул...

— Вот и молот для разбивания костей взяла!

А вода тут в реке взволновалась сильно! Прыгнул ворон в реку, навзничь опрокинулся и как начал орать:

— Ой-оой, вот-воот, ка-атимся уже-э! Эй-эй, передние-е! Стойте-е! Подожди-ите-е! Ой-оой, оленей дууши-им! Эй-эй, вы та-ам, передние-е! Оленей дууши-им, упряжка тя-а-нет!¹

А жена ворона с берега смотрела, как его река уносит. Наконец, громкие крики ворона стихать стали понемногу... Видно, в чащу лесную скрылась река.

Все.

¹ В этих беспорядочных криках передается, что ворон вообразил, будто оленья женщина удаляется в кочевом караване, и он стремится догнать ее, находясь в хвосте каравана.

Ворон и лиса

(Сказка)

Ворон с голоду повсюду бродил. Наконец стаю волков увидел — четырех оленей пожирали волки.

Попросил у них ворон:

— Немножко дайте мне!

Говорит ему волк один:

— Ну подойди, дам вот тебе!

Только подошел — замахнулся лапой волк, взлетел ворон..

Дальше полетел. Медведей белых увидел. Тюленчика поедали медведи. Опять попросил. Говорит ему медведь один:

— Ну подойди, дам вот тебе!

Только подошел — как замахнется на него медведь и говорит:

— Ну и негодник ворон этот! Мы когда голодаем, так сами добываем себе!

Дальше полетел ворон. Людей увидел. Много моржей люди убили. Опять попросил. Сказал ему один:

— Ну подойди, дам вот тебе!

Опять подошел. Только ударить хотел человек — взлетел ворон.

Дальше летит. Вдруг рыболовов увидел, навагу в лунках удил. Сел потихоньку. Думает про себя: «Попросить — не дадут ведь. Украсть попробую».

Наважку собранную схватил потихоньку.

В тундру полетел ворон. Там на большой камень сел. Съел рыбку одну. Вдруг лиса мимо бежит. Попросила рыбки у него. Не дает. Подумала лиса: «Как же мне упросить его?» А ворон рыбок в клюве держит. Тогда говорит лиса:

— Вот уж родители твои истинно хороши!

— Ии¹, — ворон отвечает.

— И братья хороши, и сестры!

— Ии...

— А ты еще лучше — самый красивый ты! — говорит лиса.

И вдруг выронил из клюва ворон наважек тех... Схватила их лиса и, убегая, крикнула ворону:

— Вот уж ты из всех, действительно, самый безобразный!

Вот такая лиса — хитрая, а ворон — глуп.

Вся сказка.

¹ «Ии» — по-чукотски «Да». Произносить это можно почти не раскрывая рта.

Они вчетвером жили. Говорят, у Эйпыги два брата было — один уже в силу вошел, а другой мал был еще. Ну а Эйпыги — самый старший — сильным и мудрым был.

Они с матерью жили. А отца давно не стало, говорят, в море утонул, когда охотился.

Зима наступила. Однажды младшие братья в море пошли на охоту. Далеко ушли они. А тут ветер с берега подул — лед оторвало. И ветром людей этих в море унесло.

Думает Эйпыги: «Ох, верно, на ту сторону моря, на другую землю занесло их».

...А братья на другой земле за морем жилище из снега сделали себе на скале, чтобы укрыться: ведь если покажутся — убьют их.

Но жители тамошние, на охоту ходившие, нашли братьев. К себе в стойбище повели их. В самый крайний шатер уже ночью привели. Вошли братья в шатер, а там только две старушки в пологе сидят.

Спрашивают братьев старушки:

— Откуда вы?

Старший сказал:

— Да уж очень дальние мы, морем нас унесло!

Говорят им старушки:

— Тогда здесь побудьте! А завтра, когда стемнеет, из большого шатра за вами придут.

Назавтра, когда стемнело, приходят вдруг два человека к старушкам. Говорят братьям:

— Шаман вот велел привести вас!

Пошли они к большому шатру. Вошли туда, а там много людей сидит. Тут женщина одна огромный котел втащила, другая — лопатку китовую. Потом сказали братьям:

— Сюда, в котел, садитесь оба!

Со страхом сели братья в котел. Потом лопатку китовую над ними повесили. А лопатка эта большая и как нож острая...¹

Старший брат правой рукой эту лопатку придерживал, а другой рукой братишку младшего держал. Ох и плакал братишка младший и все говорил:

— Если бы Эйпыги пришел!..

...А Эйпыги в шатре у себя все думает. Наконец сказал матери:

— Ну-ка сделай обуви мне побольше. Как сделаешь — запасом пищи в дорогу наполни обувь!²

Два дня прошло — наготовил себе ношу Эйпыги сильный и мудрый. Потом в море отправился и на льдине поплыл.

Плывет он на льдине к той земле, что за морем, и поет.

Приплыл на льдине к чужой земле, к стойбищу пошел. К самому маленькому шатерчику идет.

Пришел туда. Широко телом Эйпыги от силы большой — с трудом в шатерчик влез. Спрашивают его:

— Етти? Пришел?

— Ии! Пришел!

— Откуда?

— Да вот по следу братьев иду.

Сказали ему старушки:

— Это, наверно, они и есть. Один большой, уж очень силен — не могут прикончить его. А другой меньший — крепко держит его старший левой рукой. Там они, в большом шатре.

¹ Здесь изображаются приготовления к ритуальному пиршеству людоедов, в плен к которым попали братья.

² По древнему обычаю, чукотские охотники, отправляясь в дальний путь, брали с собой несколько пар новой меховой обуви, наполненной запасом пищи: изношенная обувь менялась, а запаса пищи хватало на весь путь.

Говорит тогда Эйпыги одной старушке:

— Дай керкер твой надеть!

Отвечает старушка:

— погоди, попробуй сначала моей походкой здесь в шатре походить! Завтра придут они за нами!

И правда, назавтра рано пришли за ними. Надел Эйпыги керкерчик одной старушки и вышел с другой старушкой. А та старушка, что керкер дала, в шатре осталась. Идет Эйпыги, согнувшись, как старушка.

К шатру большому стали подходить. А Эйпыги идет и спотыкается, как старушка, даже за травку цепляется.

Когда к шатру подошел, слышит — братишка там его младший плачет. По голосу узнал Эйпыги плачущего.

Когда вошли в шатер, не узнали Эйпыги братья его.

Плачет братишка младший, говорит:

— Если бы Эйпыги показался!

Подумал Эйпыги, а потом крикнул вдруг:

— Да вот я!

Выпрямился тут Эйпыги, сразу керкерчик на нем разорвался, потому что уж очень силен он был! Бросился он на людей этих... Насмерть давил их. А тут и брат его, что постарше, кинулся помогать ему.

Сильно поубавилось людей в шатре — бил и приканчивал их Эйпыги...

Потом в шатерчик к старушкам пошли все братья и та старушка тоже. Сказал старушкам Эйпыги:

— Вот уж спасибо вам! Теперь на тот год, когда начну сюда ходить, мясо буду вам приносить. А нам домой пора — лето скоро наступит!

И все трое в море отправились. На льдину сели — запел Эйпыги:

— Ве-е-тер! Ты-ы на нашу зе-е-млю-у

унеси-и на-а-с!..

Еще лето не наступило — к себе прибыли, на свою землю.

Предание
о сироте

У сироты этого пять дядьев было. Но только с бабушкой сирота жил. Плохо жили они, голодали. Один его дядя добрым был, другие дядья все скупые и жестокие. Будто чужой он им был. Только один дядя и заботился о нем. Когда тюленя добывал, давал мясо.

И вот однажды говорит сирота бабушке:

— К дяде за одеждой для меня сходи и гарпун охотничий попроси.

Спрашивает бабушка:

— А что делать собираешься!

Отвечает ей сирота:

— На охоту в море пойду, уж очень голоден я.

Сказала бабушка:

— Ох, не сможешь ведь зверя добыть, потеряешься только, а то и утонешь!

Говорит сирота:

— Уж будто ты не голодаешь!

Тогда сказала ему бабушка:

— Ну что ж, иди.

Вытащила тут бабушка из кожаного мешка длинный ремень с наконечником гарпунным, потом сверху, с полога, гарпун до-

стала и внуку подала. Из кожаного мешка еще обувь и одежду охотничью вынула — торбаса и чулки меховые, штаны и кухлянку, шапку, рукавицы, — и все это внуку подает.

Спрашивает внук:

— Чью это ты одежду вынула?

Отвечает бабушка:

— Это сына моего одежда. Моего сына дядя твой убил. Ты еще не родился тогда.

— Почему убил, за что, какой дядя убил? — сирота спрашивает.

Заплакала бабушка, говорит:

— Нет, не скажу, уж очень жестоко убил, мучил.

Весь день допытывался сирота, почему дядя отца убил. Стемнело уже. А бабушка все плакала, всю ночь плакала.

Наконец, заговорила бабушка:

— Ну что ж, скажу тогда.

Начала бабушка рассказывать ему:

— Дядя твой его убил, злой дядя.

Спросил сирота:

— Как он убил его?

Бабушка сказала:

— Вдвоем пошли они на охоту в море, в торосы, и трех белых медведей убил мой сын. И вот дядя из зависти в воду со льдины его толкнул. А когда из воды на лед выбирался он, дядя ножом по рукам его бил и он снова в воду падал. Так и погиб.

Ничего не сказал сирота. Вышел из шатра, а уже рассвет наступил. Сказал:

— Ну, на охоту пойду, прояснилось уже.

Ушел он в море на охоту, далеко ушел. И вдруг нерпчатку, вылезшую из лунки на лед, увидел. Убил ее. Волоком потащил на ремне, с трудом идет, тяжело ему. Стемнело уже, а потом и ночь наступила. Пришел к своему шатру, наконец.

Очень обрадовалась старушка, даже приседала от радости. Уснул внучек.

Проснулся, спросил бабушку:

— А как это сильными становятся?

Ответила старушка:

— А вот как. И ночь, и день в тундре упражняйся. Камни на себя вокруг тела привяжи, еще в руки по камню возьми и бегай без передышки, пока силы хватят, пока не упадешь. Так и станешь сильным.

Отправился сирота в тундру. Нашел два камня больших. Привязал к себе и бегом пустился. Эти камни легко осилил. Тогда другие, побольше, нашел и побежал, а их волоком потащил. Когда бежал быстро, зацепились камни и вдруг упал он, без сознания упал. Потом поднялся, сказал себе: «Наверно, сильным стал, хватит уже!»

Когда к себе возвращался, каменный столб небольшой увидел, что из земли торчал. Подумал: «Как знать, может, сильным стал, попробую камень этот торчащий разбить».

Весь день бил — не мог разбить. Думает: «Слаб я еще, оказывается». И снова на прежнее место вернулся.

Нашел камни большие, опять волоком потащил. Сначала медленно, потом бегом поволок. Да так быстро поволок, что камни эти прямо на ходу бились, крошились и ничего уже не оставалось от них. Так быстро бежал он, что далеко, очень далеко умчался. Потом говорит себе: «Уж верно, в силу вошел».

Снова к тому камню торчащему пошел. И опять не смог разбить его. Снова воротился.

Теперь толкать камни начал. Два камня больших и с одной, и с другой стороны толкал, с трудом толкал. Наконец, легко толкать стал.

К прежнему камню торчащему пошел. Посмотрел, сказал: «Нет, не смогу, наверно».

А потом с разбега налетел, толкнул камень, да и опрокинул, из земли выворотил! И вдруг медведь разозленный вылез оттуда — берлога медвежья там была, оказывается. Бросился медведь на него, а сирота по голове как ударил зверя, так и прикончил его. За уши взял, на спину взвалил, к себе понес.

Как пришел к шатру, кухлянку снял, а руки у него сильно окрепли, плотными стали. Даже бабушка не сразу узнала его. Только немного погодя узнала. Ничего не стала ему говорить.

Сказал сирота:

— Дай поесть мне!

А старушка говорит:

— Ох, опять отняли мясо!

Спросил:

— Кто?

Ответила:

— Те же, что и прежде отнимали.

Поел немного сирота, потом на охоту в море пошел. И каждый раз бил нерп, бил лахтаков. Всяких зверей добывал.

Лето наступило. Тогда лодку сделал. В море уже на лодке ходил, постоянно моржей бил. И только доброму своему дяде мясо давал.

Однажды снова в море на лодке вышел, далеко уплыл. Когда назад посмотрел, видит — волна поднялась, ветер задул. Дальше поплыл. Тут буря настигла.

Угнало его далеко в море, уже и земли не видно стало. Вдруг какая-то земля впереди показалась. Остров это в море, оказывается. Когда стемнело, прибило его к острову.

На берег вышел — лодку вытащил, жилище под лодкой устроил. Уснул. Когда проснулся, на охоту пошел. Никакого зверя не нашел.

Назавтра в другую сторону пошел. И вдруг женщину увидел, на берегу под скалой сидящую. Подошел к ней, спрашивает:

— Что делаешь здесь?

Отвечает женщина:

— Да вот пришла я сюда, потому что не хочу в жены идти. Есть у нас один, уж очень жесток, хочет в жены меня взять. Не хочу женой ему быть, вот и пришла сюда!

Спросил ее:

— Родители есть у тебя?

Ответила:

— У меня родители и братья есть, старшие братья и младшие.

Спрашивает женщина:

— А ты откуда?

Отвечает:

— Да меня бурей сюда занесло. У меня только бабушка есть.

Говорит ему женщина:

— Тогда возьми меня в жены.

Согласился он. Сказала женщина:

— Здесь мясо есть. Сходим за ним.

Принесли мясо и сразу к лодке пошли. Пришли. Долго буря продолжалась. Много раз ночевали. Хорошо, что мясо у них было.

Как стихла буря, отправились они. Долго были в пути, долго плыли в море. Земли не видно было еще — родила женщина в лодке. Мальчишечку родила. Когда уже ползать начал мальчишечка в лодке, тогда только достигли своей земли.

Пришли к шатру. А старушка исхудала вся. От радости даже взмокла.

Потом зима наступила. Охотился он. Много тюленей добывал.

Сирота
и эрмэчин

(Сказка)

Сирота на этой стороне реки в землянке жил. Эрмэчин-на-сильник — на другой стороне.

Только один из дядьев сироты добрым был, а другие жестоки-ми и скупыми были.

Сирота всегда голодал, не было мяса у него. А когда к дядьям поесть приходил, били его... Часто плакал от голода сирота, но когда темнота наступала, пел он.

Однажды, когда стемнело, стал петь сирота. Поет он, а жилище его вдруг задрожало, зашумело будто... А сирота все поет. Потом уснул.

Назавтра проснулся утром, наружу выглянул — совсем не его земля. По ту сторону реки, на другой земле очутился, оказывается. Думает сирота: «Что за диво, что за диво! Как это попал я сюда?»

Потом, немного погодя, вдруг шорох слышит, говорит про себя: «Келе, наверно!» И вот снаружи, у входа в землянку, закричал кто-то:

— Что за диво, что за диво, кто это явился сюда?

Испугался сирота. А это эрмэчин, оказывается, хозяин там-мошный. Снова закричал он:

— Уж раз явился — выходи! Ведь, наверно, бороться сюда пришел?

Молчит сирота, испугался он... Опять кричит эрмэчин:

— Да слышишь ты, наконец? Выходи, выходи поживей!

Тут заговорил сирота, по-хорошему говорит:

— Ну ладно! Выхожу, выхожу!

Ждет снаружи эрмэчин. А сирота штаны надевает, что еще от отца, в море погибшего, остались. Уж очень велики штаны! Говорит сам себе: «Подрезать надо!» Подрезал штаны сирота.

Снова закричал эрмэчин:

— Побыстрее выходи!

— погоди! Подождешь! Послабее ведь ты! — сирота отвечает.

Говорит эрмэчин:

— Что за диво! Еще и говорит мне такое!

И снова закричал эрмэчин:

— А ну, выходи поскорей!

Наконец вышел сирота, говорит эрмэчину:

— Ну вот иду на тебя, готовься!

Как увидел его эрмэчин, говорит:

— Ого! Зачем это явился ты? Думал, большой ты, а уж такого сразу пришибу!

Говорит сирота:

— Ну вот, иду на тебя!

И схватился тут сирота с эрмэчином-насильником! Как за руку его потянул, так и вывернул сразу руку эрмэчину. А потом говорит:

— Ну что? Еще силой померяемся?

Тут эрмэчин сказал:

— Ой нет, довольно!

И потом говорит:

— Лучше я тебе всех жен своих отдам!

Спрашивает сирота:

— А сколько их у тебя? Много, наверно?

— Две жены у меня — очень хорошие!

И отдал эрмэчин сироте жен своих, обеих отдал.

Миф
о девушке,
моржом
ставшей

Пятеро их было братьев, а шестой — мальчишечка маленький — братишечка их, да еще сестра одна-единственная, ну и отец с матерью, — девять их было. Так и жили все вместе.

И вот девушку эту, сестру одну-единственную, уж очень хотели они в жены отдать куда-нибудь, да только никак не хотела она. Куда только ни старались отдать сестру братья и отец их, чтобы один из братьев жену мог взять. И только мать жалела дочку свою, очень жалела ее.

И эту сестру свою единственную, куда только ни возили братья по разным стойбищам, но никак не хотела она в жены идти ни к кому. Даже хотели ее келе в жены отдать, раз уж людям отдать не смогли.

Ведь вон что задумали! Единственную сестру свою мучили как!

Однако и келе в жены отдать не смогли.

Тогда бить ее стали... Кричали:

— Куда только ни старались отдать тебя, да вот никак не смогли — ведь не идешь ты! Будем на охоту брать тебя в море, раз уж в жены ни к кому не идешь!

Потом пошел один брат, будто к морю пошел он, долго не было его... Когда вернулся, говорит отцу и братьям:

— Ох и много моржей там!

— Да ну? Тогда пойдем скорей!

Сели в лодку они. Сестру тоже с собой в лодку взяли и отправились в море будто моржей бить...

На самом деле тот брат не моржей, а утес над морем искать ходил, смотрел, где утес большой есть. Оказывается, отец ее злое задумал — тайком от матери велел сыну: «Утес поищи, а сам будто моржей пошел смотреть...»

...И вот плывут они, ох и далеко уже плывут, а куда — не знает девушка, все думает, что будет с ней... Вдруг впереди утес показался, огромный утес у самого устья реки поднимался над морем. Прямо над морем нависал утес этот.

Стали подплывать они к утесу, а рулевым их отец был. К утесу причалили и по расщелине вверх подниматься стали. Как на вершину утеса поднялись, так одного сына отец с топориком в чащу послал — колья там нарубить.

...Вернулся тот с кольями — стали колья эти на вершине утеса забивать, поближе к обрыву. А девушка все думает с тревогой: «Ой, что же это они делать со мной собираются?..»

Как позабывали они колья, так тут же и схватили девушку... Руки ей за спиной связали и ноги внизу ремнем стянули. Потом моржовый ремень крепкий одним концом к ногам привязали, а другим к кольям прикрутили и прямо с обрыва вниз головой над морем подвесили. Так и оставили ее там, над морем, всю в слезах, плачущую...

Расправились они с ней и вот уже обратно плывут.

...А девушка так и висит над морем вниз головой, вся в слезах, плачущая...

Возвратились они к себе — спрашивает мать сыновей:

— Где же сестра? Где оставили ее?

А они отвечают:

— Да вон, на берегу, оставили. Капусту морскую собирает.

— Ну что ж, — поверила мать.

Вот и темнеть стало, а все не возвращается дочь. Весь вечер проплакала мать, все плачет и думает: «Где же бросили они дочь мою несчастную, единственную?»

Наконец и спать завалились братцы эти с отцом своим, храпят уже... А мать все уснуть не может. Потом поднялась она и вместе с мальчишкой своим из шатра вышла. Вышли они и прямо по берегу моря ночью отправились вдвоем.

Идут они так по берегу, дальше и дальше идут. Мать все плачет, а сынишка спрашивает ее:

— Почему ты плачешь, мама?

— Сестренку твою искать идем. Не знаю, где она, где бросили ее.

За руку вела сынишку своего маленького. Потом устал он совсем, мальчишечка этот. Сели на берегу. И тут морж из воды показался — ну как будто человек морж этот... И вдруг:

— Мама, не плачь, не надо! Вот я теперь моржихой стала... Сильно мучили меня братья, к утесу с обрыва над морем подвесили. Ну, а теперь вы поскорее к себе возвращайтесь, скажите им — много моржей там на льдинах...

Пошли они, мать с сынишкой. Как пришли, говорит им мать:

— Вот уж моржей там много на льдинах!

— Да ну! Вот как! Отправляться надо скорей!

Отправились сразу все они. Ох и обрадовались охотники — уж очень хотелось им моржей добыть! ...И вот уже к льдинам на лодке подбираются, к моржам крадутся...

И вдруг одна моржиха молодая со льдины в воду бросилась. А те, в лодке, к льдинам подкрадываются, к моржам лежащим. И вот моржиха та, что со льдины в воду бросилась, вдруг у самой лодки из воды вынырнула, клыками за борт захватила лодку и опрокинула сразу... Перевернулась лодка, люди в воду попадали — утонули все...

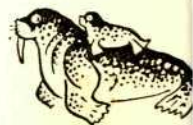
Оказывается, это сестра их из человека в моржа превратилась.

А мать ее с одним мальчишкой маленьким осталась. Так вдвоем и жили. Наконец подрос мальчик и уже на охоту в тундру ходить начал.

Потом, как в силу вошел, диких оленей в тундре бил. Сильным и ловким охотником стал, всегда теперь у матери пища была.

Так вот мучителей своих — отца и братьев — прикончила сестра. А сама она не вернулась больше, в море осталась — в моржа ведь она превратилась.

А мать с сыном очень хорошо жить стали — всегда оленей сын добывал.

Одни жили брат с сестрой бездомные. Брат постарше был. Нечего было им есть, голодали они. Каждый раз, как стемнеет, к стойбищу шли, к шатрам чужим, еду искать. Мясо крали в шатрах, когда хозяева спали. Утром встают хозяева, а мяса нет... Думают: «Кто же это мясо поедает?»

Этим только и жили они, что мясо крали. Тогда хозяева шатра одного собаку у входа привязали. А сироты, как стемнело, опять пошли мясо красть. Спустились с горы к стойбищу, и мальчик к шатру тому подошел, к самому входу. А тут собака залаяла... Хозяйка из полога вышла. Мальчика схватила и сразу же побить хотела. Старик из полога выглянул, говорит женщине:

— Не надо бить! К себе возьмем, работать будет!

Привели в шатер мальчика, а девочка снаружи осталась, плакать начала. Говорит опять старик женщине:

— Да приведи ты ее, она тоже работать будет!

Привела девочку женщина. Накормили их. Как поели, спрашивает старик:

— Почему мясо красть ходите?

Сказал мальчик:

— Да матери нет у нас. Померла наша мать, одни мы остались.

Говорит тогда старик мальчику:

— Упражняться надо тебе, чтобы сильным стать! Вон там, подальше, мои камни для упражнений лежат, поднимай их, силу набирай. Там и кыльвыны¹ — дорожки утопанные — увидишь, вот и упражняйся.

Пошел мальчик на гору, к тем кыльвынам — дорожкам круговым. Нашел круги эти утопанные, где камни для упражнений лежали. Вот уж упражняться стал дружок, камни поднимать и по кругу носить — изо всех сил старался! Весь день упражнялся! И только когда темнеть стало, к шатру своему пошел. Говорит старик ему:

— И завтра опять упражняться иди!

Мальчик сказал:

— Ладно!

Снова назавтра пошел он туда. Опять упражняться с камнями стал. Легче теперь ему было, чем вчера, камни поднимать. А как темнеть стало, в шатер вернулся. Говорит старику:

— Против вчерашнего легче камни стали!

Старик сказал:

— Да ты в силу входишь, сильнее становишься!

Обрадовался мальчик и говорит:

— Вот как сильным стану, те плакать заставлю тех, кто мучил меня, когда мать померла, кто голодом морил... Почему так обижали меня!

— Когда вон тот камень на себя поднимать сможешь, тогда только меня в силе догонишь, — сказал мальчику старик.

Пошел к тому камню мальчик. Попробовал поднять — даже с места не сдвинул...

Говорит ему старик:

— Да нет, еще не догнал ты меня в силе!

¹ В данном случае чукотское многозначное слово «кыльвын» обозначает утопанные круговые дорожки для физических упражнений чукотских охотников и оленеводов (ходьба и бег с камнями на спине). Обычно такие дорожки устраивались за пределами селения, не на глазах у людей, где-нибудь на холмах или на склонах гор, то есть на сухой почве. Это своего рода древняя спортивная площадка, утопанная с помощью каменных «башмаков».

Опять мальчик на гору пошел, к дорожкам круговым, где камни лежали. Снова упражняется с камнями — сильнее прежнего стал. К тому камню опять пошел. Поднял его. Сказал тогда старик:

— Что ж, догнал меня. А все же еще упражняться надо. Когда поднимешь тот камень, что я поднимаю, вот уж тогда догонишь меня.

Спросил мальчик:

— Где же камень тот?

Старик сказал:

— Вон там.

Показал ему камень — побольше прежних. Опять пошел мальчик туда, где камни лежали. Снова упражняться стал. И опять в шатер возвращался, как темнеть начинало. А как стал тот камень большой поднимать — не смог поднять. Старик сказал мальчику:

— Еще не догнал ты меня!

Снова упражняться мальчик пошел. Ну и упражнялся опять, изо всех сил старался! Опять возвращался в шатер, как темнеть начинало. Стал тот камень большой поднимать — поднял камень...

Опять старик говорит ему:

— А ведь не догнал ты еще меня! В беге упражняйся теперь, легким и быстрым стань!

И вот дружок наш утром рано уходил и, только как стемнеет уже, возвращался. Однажды говорит старику:

— Наверно, уже быстрым стал?

Отвечает старик:

— Вот за утками летящими поспевать будешь — тогда быстрым станешь!

И снова дружок упражняться пошел. Ох и старался быстрым в беге стать! И вот уже за утками поспевать начал. Сказал старику:

— Уж теперь, наверно, быстрым стал!

— Когда в сильный ветер за снегом летящим поспевать будешь, вот тогда быстрым станешь!

Снова пошел на гору. Опять упражнялся в беге.

По-прежнему, когда стемнеет уже, в шатер возвращался. И вот в сильный ветер за снегом летящим погнался было — не смог догнать... Рассердился мальчик: «Ну когда же, наконец, быстрым я стану?!»

А как в шатер вернулся, сказал старику:

— Не могу еще ветер со снегом догнать!

Говорит старик:

— Еще упражняйся!

Снова ушел он на кыльвыны — дорожки круговые. И снова бегаёт там, до темноты упражняется. Потом к шатру идет. И опять в сильный ветер снег летящий догнать старался. Наконец, догонять стал... Сказал старику:

— Наверно, теперь быстрым стал?

— Вот когда бегать начнешь скачками — высоко, едва земли касаюсь,— только тогда скажу: «Ну и быстрым же стал!»

Опять упражняться пошел. Ох и много упражнялся! Наконец, высоко, скачками бегать стал, едва земли касаюсь... Говорит старику:

— Ну, а теперь уж, наверно, стал быстрым?

Отвечает старик:

— Вот только когда поверху, по верхушкам деревьев, носиться сможешь!

Опять пошел упражняться дружок. Много дней еще бегал и прыгал он, быстрым старался стать. Как-то возвратился однажды и сказал старику:

— Вот уж теперь действительно достиг!

Старик говорит:

— Да нет, не достиг еще. Вот когда над чащей носиться будешь, поверху, листьев не касаюсь, только тогда скажу: «Ну вот быстрым и легким стал мой сын!»

Опять упражняться пошел, над чащей по верхушкам носился. Сначала задевал он листья, потом уже не стал задевать. Пришел в шатер — говорит старику:

— Достиг уже!

Сказал старик:

— Вот когда над травой носиться будешь, травы не шевеля, тогда скажу: «Вот уж теперь довольно!»

И снова упражняться пошел. Вот уж старался дружок! Сперва задевал он траву, а потом, не шевеля травы, бегать стал. Когда вернулся, говорит старику:

— Теперь уже, наверно, ловким стал?

Сказал старик:

— Действительно, легким и быстрым ты стал! Что ж, тогда довольно упражняться! Теперь в путь собирайся — жену будешь себе искать. В дальние места пойдешь, а уж там, как сумеешь.

Отправился дружок в дальние места жену себе искать. Идет и вдруг гнездо орлиное видит. Еще когда подходил, орлята в гнезде клювы на него разевать стали. Говорит им человек:

— Вот прикончу я вас!

А орлята отвечают ему:

— Вот мать прилетит — мы скажем ей: «Пришел тут один, прикончить нас хочет!»

Сказал человек:

— Ну и пусть!

Дальше пошел человек. Только от гнезда отошел — тут орел большущий со стороны моря появился... Моржовую тушу в лапах держит. Хотел было спрятаться человек, а потом подумал: «А ну, пусть попробует прикончить меня!»

Прилетел орел к гнезду своему, а это мать орлят тех, оказывается... И в самом деле сказали орлята матери:

— Нас тут чуть не прикончил один!

Сильно рассердилась орлица, вверх взвилась и сразу на человека бросилась. А человек поджидал ее. Бросилась на него орлица сверху — подпрыгнул человек, за крыло ухватился, повис... И только когда орлица, сверху вниз бросаясь, к земле приближалась, у самой земли уже отпускал крыло человек. Снова и снова налетала сверху орлица — опять человек за крыло хватался... Наконец, улетела орлица.

Дальше пошел человек. Идет он, а солнце ярко светит. Вдруг закрылось солнце, потемнело кругом... Думает человек: «Туча закрыла, наверно». Но вот снова засветило солнце...

А это опять орел огромный быстро летит. Наверно, орлица, что нападала. Та самая — налетает снова! Опять подпрыгнул вверх человек и за крыло ухватился. И снова падала вниз орлица, но у самой земли отпускал крыло человек... Наконец, оставила человека и ввысь улетела, а человек дальше пошел.

Так вот идет еще и вдруг стойбище видит. Побыстрее к самому заднему шатру подошел, чтобы не увидели его. В шатер вошел, стал ногами постукивать. Окликнули из полога, спрашивают:

— Кто ты?

Сказал свое имя. Спрашивают его:

— Откуда ты?

Сказал, из какого стойбища. Говорят ему:

— Ну, в полог входи!

— Да я в снегу весь!

— Да ладно!

— Намокну ведь, как снег таять начнет.

Сказал тогда хозяин своим в пологе:

— А ну, снег отряхните с человека!

Вышли девушки, снег отряхнули с него. Как отряхнули — в полог вошел. Расспрашивать стали:

— Зачем пришел?

— Да вот жену себе ищу!

Говорит дочерям хозяин:

— Вот, смотрите!

Заговорили девушки сразу:

— Я так ни за что! Слаб ведь он!

В один голос твердят все:

— И я ни за что! И я ни за что!

— Думаете, слабым окажусь? Могу в стадо пойти — оленей пасти. Где стадо ваше?

Говорят ему:

— Да ведь не сможешь!

Сказал он:

— Смогу! Пойду я в стадо!

Говорят ему:

— Если сможешь — иди в стадо, посмотрим!

Пошел он в тундру, где стадо паслось. Пришел в стадо, а олени там тощие — одни кости! Стал пасти их. Ох и старался дружок! Где только хороший корм был — там стадо выпасал...

Когда стадо уже обратно пригнал, увидели все, как хорошо олени поправились, жирными стали... Удивлялись все: «Как же это сумел он так стадо поправить?»

Лето уже наступило. И вот говорит старик ему и дочке своей.

— Ну что ж, отправляйтесь!

Стали обувь в дорогу шить, запас пищи готовить. Потом отправились. Идут они и вот орлят увидели... Подросли уже орлята те. И с ними орлица та, огромная.

Еще издали бросилась на них орлица... А рядом овраг глубокий и дерево там большое росло. Спрятались сразу люди туда, под дерево это. Налетела орлица на дерево, ветви ломая, и застряла там в ветках — не вырваться ей... Прикончили они там орлицу застрявшую. Орлят тоже прикончили.

Вернулся когда он с женой к старику — обрадовался тот.

Жили отец, мать и их сын. Имя их сына, говорят, было Вытрытва¹. Почему же именем стало «лежание на спине»? Кто знает, послушаем дальше.

Очень бедно жили они. И вот совсем не стало у них пищи. А сын их все только в пологе на спине лежит.

И однажды говорит ему отец:

— Да иди же ты на охоту, наконец, дикого оленя добывать! Все только в пологе и лежишь на спине! Не мучиться же нам от голода!

Однако ничего не отвечал он родителям. А отец уже стариться начал, да и мать тоже.

Вот и пришлось отцу самому пищу идти добывать. Зайцев бил, а когда и куропаточек из лука бил. Так вот отец и кормил сына. И всегда бранил его отец:

— Все только на спине лежишь, а пищу добывать не ходишь!

¹ «Вытрытва» (чукот.) — от глагола «вытрытва-к», что означает «лежать на спине», «лежать навзничь».

Но ничего не отвечал сын отцу. И ведь долго так жили. Наконец перестал бранить сына, хотя другой раз все еще и бранил.

И вот мальчик этот юношей стал уже. Но все так и лежал на спине.

Потом, когда родители утром просыпались и будили сына, то всегда сильно взмокшим, разгоряченным он был.

Думали родители: «Почему так взмокает он?» Спрашивали друг друга потихоньку от сына.

Потом снова с наступлением темноты спать ложились, а когда просыпались, он опять взмокшим был.

— Отчего это взмокает он каждый раз, когда спит? Может, потому, что жиреет он?

— Может быть, — отвечала мать.

Но только тайком от сына говорили, каждый раз потихоньку разговаривали.

Когда утром вставал сын, уж очень взмокшим он был. А потом будто даже худеть стал. Прежде у него вроде и колотье бывало. Говорили родители меж собой:

— Уж не болеет ли он чем?

— Да вот не знаю, может, и правда, болеет, а так, отчего же худеть ему.

А потом видят — сильно он похудел. И все еще, как просыпались родители, уж очень взмокшим был юноша. Никак не могли понять родители, почему взмокает сын к утру.

А он, оказывается, по ночам тайком от них уходил, далеко в тундру уходил. И там начинал он силы набираться, старался сильным стать¹.

Как высокую гору находил, начинал упражняться там. Камни большие на гору поднимал, очень большие, и на вершине горы оставлял их. А перед самым рассветом возвращался к себе, на свое место ложился и спящим притворялся. И потому, когда просыпались родители, он уже взмокшим был. Оказывается, вот что делал он ночью.

Но все еще ничего не знали родители. И так вот каждую ночь ходил он упражняться в тундру. А перед самым рассветом к себе возвращался. От отца подальше спать ложился, у другой стенки полога. Потому и не слышал отец, когда ночью выходил сын.

¹ Герои чукотских сказаний, с юного возраста накапливающие силу, чтобы подготовиться к сражениям и поединкам, вначале долгое время лежат в пологе, а затем беспощадно тренируют себя ходьбой и бегом с большими камнями на спине.

* * *

И вот однажды днем отряд вдруг показался небольшой, неизвестно откуда. Вон там, далеко еще, показалась вражья ватага.

Очень испугались мать и отец:

— Ой, кто это идет там? Ой, ведь враги это!

А шатерчик их совсем один стоял.

— Ну, выйди хоть, посмотри! Слышишь?

— А что там?

— «Что там, что там!» — передразнивали они сына. — И дела ему нет, что враги пришли!

Говорит им сын из полога:

— Как подходить станут, скажите мне.

— Да выходи уже, иди скорей!

— Вот когда хорошо будет видно оружие их, только тогда скажите.

— Да уже, ну скорей, скорей! Вытрытва, слышишь? Ой, ой, да выходи же, наконец!

Ох, и сильно испугались родители!

А оказывается, он тайком переодевался там, чтобы легким стать, к битве готовился.

Тут отец сказал:

— Уже хорошо видно оружие их, копьа!

Вышел Вытрытва из полога с копьем. А копье блестит у него. В шатре еще постоял Вытрытва немного. А родители снаружи не видят его, не могут понять, почему не выходит он: «Чего это он там в пологе лежит?»

Вот уже подошли враги:

— Эй! Да есть ли тут хозяин?

— Да вот я хозяин!

Вышел с копьем из шатра Вытрытва.

Рассыпались тут в разные стороны враги. И ведь совсем на одного напали они, на дружочка Вытрытву!

Бросился на них Вытрытва! Копьем размахивая быстро, взлетел так вверх Вытрытва! Как птица налетал сверху на них Вытрытва, валил их тут же, ловко бил он врагов! Сильно кричал предводитель вражеский:

— Бейте, бейте его из луков!

— Да ведь бьем, только попасть не можем! — отвечали.

Когда били по Вытрытве из луков, прямо сверху рассекал он стрелы пополам! И многих так перебил Вытрытва! Вот уже в бегство пустились оставшиеся.

— Да не бегите вы, раз уж напали!

— Ох беда, не в силах мы!

— Вот как! Не в силах вы!

Лук вытащил свой Вытрытва и убежавших настигал. Валил их на месте сразу. Уже и предводитель их убит. И только один воин вражеский спасся бегством. Этот и рассказал про все сорочичам своим.

А Вытрытва, когда биться кончил, сильно разгоряченным был. Говорят меж собой родители:

— Когда же это он в силу вошел?

— Кто знает, когда таким ловким стал... Да и кто это копьце ему сделал, ведь не было копьа у него. И новое совсем, да и толстое какое!

И стали они жить дальше. Врагов пока не было. Совсем тихо было кругом.

И опять ночью, пока спали родители, исчезал он: на гору уходил упражняться. И еще больше в силу вошел, и похудел еще больше. Каждую ночь упражнялся.

И вот однажды снова показался вдали вражеский отряд, куда больше прежнего... Опять в страхе кричат родители:

— Ой, вон какая тьма надвигается, будто тень от тучи! Ой-ё-ёй, ох и много же их! Теперь, наверно, действительно убьют тебя!

Ничего не отвечал Вытрытва, в пологе лежал.

— Вот уж на этот раз не останется нам в живых!

— Когда глаза их хорошо видны будут, скажите мне.

— Ладно, — успокоились они.

Вот уже подходить стали... С криком шла вражья сила огромная! Грозно кричали враги:

— Ав-ач! Ав-ач! Что, думаешь, и теперь жив останешься?

И еще по-всякому кричали, чтобы напугать Вытрытву.

Опять он переодевался тайком.

Говорят родители:

— Вот подходят, уже глаза их видны стали!

Вышел Вытрытва из шатра, а там уже врагов набралось множество.

— Ав-ач, Вытрытва! Вот теперь по-настоящему сразимся!

И все в одежде хорошей. К тому же рослые все — один к одному! Оружие у всех — самое лучшее!

Говорит им Вытрытва:

— Ну что ж, нападайте, раз уж сами пошли на нас!

Бросились они тут на него, ну прямо как стадо оленей огромное! Стойко сражался дружок Вытрытва! Десять дней и десять ночей бились они на копьях... А один вражеский воин уж очень силен был.

Потом эта вражья стая огромная все меньше и меньше становилась. А ведь совсем на одного напали они на Вытрытву, зато хорошо расправлялся с ними дружок Вытрытва!

Когда восьмой день битвы настал, уже сильно поредела вражья стая в бою упорном. Когда девятый день подошел к концу, всех перебил Вытрытва, и только один, тот, самый ловкий, в живых остался.

И вот вдвоем долго еще бились они на копьях. Но никто одолеть не мог. Наконец, совсем выбился из сил вражеский воин, тот, что самый сильный из них, — слишком тучным он был.

Сильно бились они на копьях, и вот вышиб у него копьё Вытрытва, и покатилося оно в сторону... Говорит тогда вражеский воин этот сильнейший:

— Ого-гой! Вот и одолел ты меня, сразил меня! Эге-гей! И силы лишил меня! Ну что ж, одолел ты меня, сразил, а теперь прикончи меня!¹ Но только когда пронзишь меня, вытащить копьё ты должен сразу. А не вытащишь, оставишь если, то уж дальше не будешь ты сильнее становиться, так в прежней силе останешься и даже понемногу слабеешь будешь.

— Вот как! А почему?

— Да кто знает, сам испытаеть тогда.

— Вот как!

А потом сказал он Вытрытве:

— Пора, пронзай меня!

Лег на спину вражеский воин и глаза закрыл...

Пронзил его Вытрытва копьём, и сразу кончился тут воин вражеский. А как кончился, весь затвердел, все мышцы его плотно сжались.

Копьё вытащить не смог Вытрытва. Копьё там застряло крепко. На девятый день только вытащил он копьё. Столько дней копьё тащил и потому, что из-за силы большой воина этого мышцы у него крепко сжались, не мог вытащить копьё Вытрытва. На десятый день только тело остыло и разжались мышцы воина вражеского, вот тогда и вытащил копьё Вытрытва.

¹ Повторяющаяся в разных чукотских сказаниях условная ритуальная формула, с которой побежденный в поединке на копьях обращается к победителю, выражая этим готовность добровольно принять смерть.

Потом в шатер вернулся к родителям. Опять горячим становился, взмокал по ночам Вытрытва. Уж очень беспокойным стал он, вздрагивал, когда будили его родители.

А потом как-то сказал он родителям:

— Вот, чтобы знали вы, сильно вздрагивать стал я, когда будите меня.

— Вот как! А почему это?

— Да не знаю! (Но не говорит, что после той битвы большой таким стал). Теперь, когда будить станете, касаться меня не надо. Если же когда касанием разбудите, то плохо сделаете!

— Вот как!

Так стали они жить дальше.

Лето наступило. Уж очень жаркое было лето! Однажды уснул Вытрытва в пологе. А потом отец стал будить его, рукой касаясь. Совсем забыл, что нельзя касаться, и рукой головы коснулся. И тут вдруг из полога метнулся Вытрытва, наружу, как пуля, вылетел он... Да как закричит:

— И-и-и! Икыккаа! Икыккаа! Говорил же ведь вам, говорил, что не надо трогать меня, когда будите, не надо касанием будить!

— Да вот забыли совсем. А как же будить нам тебя?

— А ударом по голове или по телу. Поняли?

— Теперь поняли.

Дальше живут так. Потом как-то старичок в тундру пошел, так просто пошел или, может, за дровами куда отправился. Когда вернулся, говорит сыну:

— Вон туда, к озеру, смотри, не ходи. А если пойдешь — худо будет. Не быть тебе живым тогда!

— Ого, вот как, живым не быть мне даже! А почему же так? Разве что шаман злобный¹ порчу на меня напустит, а другой никто не сможет.

А Вытрытва к тому же еще и быстро гневным становился. Пошел он однажды все же в тундру, к озеру. И там, у озера, уснул. Крепко спал Вытрытва, да еще и на открытом месте.

...Вдруг человек какой-то вблизи появился. Совсем на открытом месте спал Вытрытва. И вот подкрадываться стал тот... Подкрался, наконец, и встал над спящим мужчиной этот огромный.

¹ По представлениям чукчей в прошлом, шаманы, с помощью особых заклинаний, могли напустить на человека порчу и лишить его быстроты и силы.

Потом копьё свое вытащил и хотел было пронзить спящего. Взмахнул уже копьём над ним, да не попал.. Лежа сразу же метнулся в сторону Вытрытва. Оглянулся — а тот уже в стороне стоит...

Заговорил тот мужчина, хозяин озерный:

— Почему здесь спишь? Ведь сказал же тебе отец?

— Ну сказал.

— А почему тогда сюда спать ходишь? Нельзя здесь спать!

— Ничего, можно! Земля одинаково для всех существует!

— Ну что ж, тогда бейся со мной!

Бросился на него мужчина озерный. На копьях стали биться. Ох и высоко взлетели! Пять дней высоко над землей бились они! Ну и ловок же стал Вытрытва на копьях в воздухе биться, еще выше взлетать стал дружок! Да и мужчина озерный ловок был на копьях биться. А жарко ведь было как! Сильно припекало солнце. Ох и бились же они изо всех сил в вышине! Быстро носился Вытрытва в воздухе, то тут, то там мелькал он!

А родители дома не знали о битве. И вдруг тень на солнце появилась... Закричали они тут:

— Смотри-ка! Что это?

Кажется им, что уже сюда, в их сторону приближается что-то. Потом будто человечек высоко показался там, против солнца мелькнул...

— Ой, смотри! Да что же это такое?

А это дружок Вытрытва мелькал против солнца, оказывается. И вот уже высоко над шатром своим проносится, прямо как уточка морская налетает сверху! Это бился он так с мужчиной озерным, оказывается, насмерть бился.

Ох и кричали же родители, когда проносился он над шатром:

— Ой-ой! Да что же это?

А когда над шатром проносился он быстро, уж очень свистело, как от сильного ветра.

Когда четвертый день наступил, уже книзу опускаться начал мужчина озерный... А на пятый день, когда темнело и сильно бились они, совсем уже снижаться стал мужчина озерный, ноги вниз тянули, и тут же копьё у него отлетело в сторону. Пронзил его копьём Вытрытва в гневе, прикончил тут же, даже слов его не ожидая¹.

¹ То есть прикончил, не ожидая, пока поверженный противник произнесет традиционную заклинательную формулу, выражающую его готовность к насильственной смерти от руки победителя.

И опять вот накрепко застряло копьё в теле. Опять старался выдернуть копьё Вытрытва, тянул изо всех сил. Сильно разогрелось копьё в теле и застряло там. Да еще тело мужичины озерного затвердело, и не мог потому выдернуть копьё.

Только когда зима уже наступать стала, вытащил он копьё.

Ох и сильно разгорячился Вытрытва! Как вытащил копьё, одежду с себя снял, так и лег прямо на снег.

И вот стал он в снег погружаться, потом вылезал и снова на снег ложился. Лежал так немного и погружался снова. Только так, наконец, и смог он остыть. Оделся потом.

Так стали жить дальше.

Этот Аканныкай — Опасные Рожки — олень, только дикий олень. Жила, говорят, одна важенка из диких оленей когда-то, совсем одна-одинешенька жила. Все по горам эта важенка ходила, на крутые горы взбиралась.

А потом, как весна ранняя началась и солнце уже пригревало, стала тельиться важенка. Еще ветер со снегом дует, вьюга метет, а важенка эта, из диких оленей, тельиться собирается...¹ Уже приготавлилась она тельиться, а тут вихри снежные налетели, ветер их крутит, вьюжит сильно.

Опустилась на снег важенка, прилегла она, и вот олененок родился. А вьюга тут еще сильнее разыгралась...

Только собралась мать олененочка своего новорожденного облизать, как вдруг — откуда только взялся — волк на важенку бросился, схватил ее! Долго билась важенка с волком, долго сопротивлялась она... А как обессилела, не смогла больше отбиваться важенка, так и прикончил ее волчище этот. И тут же пожирать ее стал быстро, очень быстро стал рвать зубами важенку...

¹ Ранняя весна на Чукотке — это март-апрель, период отела оленей, еще холодное время года, с морозами и вьюгами.

А олененок новорожденный живым остался, один, без матери остался.

И вот говорит олененок этот волку:

— Хоть вымя с сосками оставь, чтоб молока материнского мог пососать я. Хоть вымя оставь!..

— Вот как! А зачем это? Чтобы рос ты мне на съедение? Так, что ли?

— Да, да, — говорит олененок, а на самом деле задумал он отомстить волку за то, что мать погубил волчище этот...

— Ладно! Оставлю тебе вымя!

И еще говорит волк олененку:

— Тогда на будущий год приду к тебе!

— Ну что ж, ладно, — нехотя отвечает олененок. Сильно приуныл олененок, один ведь остался.

Убрался волчище проклятый, оставил там олененочка.

А олененок почти уже и замерзать стал совсем, к тому же ведь и не облизанный матерью был он, потому и шерстка мокрая смерзлась на нем. Совсем ведь один он там лежал, олененок этот маленький — от матери почти одни кости и остались.

И уж как ни пробовал на ножки встать олененок, никак не мог подняться — ведь только-только родился он, да еще и без матери остался, к тому же и мерзнуть стал сильно. Так вот, еле-еле трудную ночь провел олененок необлизанный, почти совсем уже зачоченел он...

Потом рассвет наступил. Ветер стихать стал, да и солнце уже пригревало понемногу, чуть потеплело будто. Полегче тут стало олененку, вроде и окреп немного. Бочком в ту сторону, где мать лежала, пододвигаться начал потихоньку. Как к соскам подобрался, так сосать стал, с трудом из тугих сосков молоко высасывал понемножку. Даже глаза зажмуривал, когда сосал.

И вот длиннее становились дни, весна наступала. Потом высохла шерстка на олененочке этом — ведь не облизанный матерью был он... И начал крепнуть олененок, с каждым днем сильнее становился. А когда голодным был, понемножку молоко материнское сосал.

Потом уже и ходить начал сам олененок. Все ходил вокруг костей матери...

Вот уже и лето наступало, все сильнее пригревало солнце. Подрос немного олененок, покрепче стал. Подальше уже уходил. Но к тому месту всегда возвращался, не покидал мертвую мать, там постоянно находился.

Потом и далеко убегал. Быстро скакал олененок. А когда лето наступило, очень быстро бегать стал. Уже, наверное, быстрее волка был. Очень ловким стал. Все готовился он к встрече с волком. И ведь упражняться-то начал, когда еще совсем маленьким олененочком был.

А как зима стала приближаться — плотненьким, крепеньким уже был олененок этот. И теперь он не олененок вовсе, а молодой оленчик. Постоянно упражняется, сильным стремится стать оленчик этот. По горам уже скачет, повсюду бегает.

Зима настала. Постоянно упражняется он, старается еще быстрее бегать. Всю зиму упражнялся, сильным и быстрым хотел быть. Потом весна пришла. По-прежнему старался сильным стать молодой оленчик. И летом тоже упражняться не переставал, а место, где волк его мать задрал, никогда не забывал, всегда возвращался туда.

Наконец и осень наступила. И тут вдруг волк идет к нему, волчище этот. Как пришел, сразу спрашивать стал:

— Ну как ты теперь?

— Да вот хочу пожирнее стать.

— Да ну? Вот уж спасибо тебе, что пожирнее хочешь стать! А когда же мне съест тебя?

— Ой, мал я еще, да и жидковат к тому же!

— А ведь и верно, однако! Ну что ж, пойду я пока.

— Иди!

А на самом деле обманывал он волка — совсем и не собирался он жиреть.

И снова всю осень и зиму все больше и больше упражнялся оленчик молодой. А как лето опять наступило, так уже двухлетним оленем стал. И по скалам крутым прыгал уже, прямо как горный баран по скалам прыгал. Упражнялся на скалах крутых теперь, все старался он ловким и сильным стать. И уже со скал крутых и высоких прямо вниз прыгал...

А как осень наступила, опять идет волчище этот:

— Ну как? Уж теперь-то, наверно, мяса побольше у тебя, плотнее, наверно, стал?

— Да нет! Ведь худой я еще совсем, да и маловат к тому же, мне бы еще немножко подрасти...

— И то верно, подрасти еще! — волк отвечает.

Опять ушел волк.

И по-прежнему по скалам и утесам крутым прыгает и скачет оленчик молодой, прямо через реки со скалистых берегов пры-

гает, прямо через реки, что под самыми скалами текут... К трем годам ведь только подходил, а каким стройным, сильным да быстрым становился!

И снова, как осень наступила, приходит волк, а оленчик наш уже трехгодовалым стал.

Пришел волчище и опять спрашивает:

— Ну как? Не набрал еще мяса побольше?

— Да нет, еще бы немного набрать! Кормился я плохо, потому и жиру еще нет, худоват еще. Вот уж теперь получше кормиться постараюсь, тогда и зажирую. Теперь уже через год приходи. Как поплотнее стану, побольше мяса наберу, тогда и съешь меня.

— Ну что ж, и то верно! Ладно, пусть так!

Ушел к себе в тундру волчище.

И вот снова и снова все лето упражнялся олень, чтоб еще сильнее быть, ведь уже четырехлетним становился!

...И вот опять весна наступила. Уже и рога большие и крепкие появились у него, как четырехлетним оленем стал, да еще и острые какие, очень острые! А были ведь кривые рожки совсем, некрасивые, зато острые очень! Потому вот и имя у него такое — Аканныкай — Опасные Рожки.

И вот четырехлетний олень этот все сильнее и сильнее становился. Где-нибудь на скалах, камни если попадались большие, рогами подкидывал камни эти. Что только ни делал он, чтоб сильнее стать!

Все лето по-всякому упражнялся он, все лето и скакал, и прыгал, и камни рогами подкидывал...

Так и лето прошло. Зима вот уже наступила. И опять волчище этот идет.

— Ну что, пришел? — спрашивает волка Аканныкай.

— Да вот пришел! Ну как ты теперь?

— Да так, будто ничего уже, только вот еще с прошлого года все худой я, никак лучше не становлюсь почему-то.

— Вот как!

— А уж через год так я хорошо поправлюсь, мяса побольше будет! Может, еще через год придешь?

— Ну что ж, ладно, тогда через год и приду!

Опять ушел волчище.

Вот и зима прошла, снова лето наступило. Аканныкай уже пятилетним оленем стал. Уже он крепким и хорошо упитанным был, потому что упражнялся много, силу набирал. Шея плот-

ная и крепкая у него, очень сильным он теперь был и очень быстрым. Вот уж, действительно, хорошо подготовился Аканныкай — Опасные Рожки!

И вот опять осень наступила. А ведь Аканныкай пятилетним оленем был уже. Думает Аканныкай: «Скоро волчище этот явится. Вот теперь-то, наверно, и в самом деле сожрать меня захочет».

И верно, прошло какое-то время, идет волчище этот жадный. Говорит ему олень:

— Ну что, пришел?

— Да вот пришел. Теперь-то уж, наверно, могу, наконец, съесть тебя?

— Ну да, конечно, можешь, — охотно отвечает ему олень Опасные Рожки, — теперь уже я жирным стал.

А на самом деле вовсе и не был он жирным, просто окреп очень, сильным и крупным стал этот олень. Шея у него широкая, сильная, а рога так еще толще и крепче, чем были.

И говорит тут волк оленю:

— Ну, давай тогда прикончу тебя сначала, а потом и съем!

Уж очень хотел волчище жадный оленя этого сожрать, не терпелось ему никак!..

А олень и отвечает ему:

— Ну что ж, ладно, попробуй! Только сначала отбегу я немного, а то уж очень близко к тебе стою и не двигаюсь никак.

— Ладно, отбеги немного!

Вот тут и помчался дружок наш Опасные Рожки... Погнался за ним волчище сразу! Вот уж мчались они, так мчались! А олень нарочно еще бежал так, чтобы волк не очень отставал, обманывал волка, хотя и быстрее бежать мог. Старался он, чтобы волк поближе сзади бежал. А уж волк-то слабоват в беге оказался, куда медленнее оленя бежал. И ведь прямо к скалам крутым мчался олень, к высокому утесу обрывистому у реки, заманивал он туда волка. А волк за ним — прямо к обрыву этому.

Тут уж кричать начал волчище:

— Ой, погоди, постой!.. Ты ж говорил: «Только вот немного отбегу!..»

— А ты догоняй меня, быстрее догоняй!

Стали к обрыву, к скалам тем подбегать. Олень как примчался туда, так с обрыва высокого и прыгнул вниз... А скалы эти

высокие у реки обрывались. Олень прямо с утеса так через реку и перескочил, на другом берегу уже оказался Аканныкай — Опасные Рожки. Волк прыгнул было за ним, да и сорвался вниз — на камни свалился, как старой шкуры кусок... И сразу лапы переломал. Да еще и кости перебиты оказались, как вниз слетел волчище, — уж очень высок был утес тот крутой, высокие были здесь скалы над рекой.

Вот уж орать и визжать стал волчище:

— Ой, ой, ой, ой!!! Что же ты сделал со мной, до чего довел? Куда заманил? Зачем обманывал меня?!

— Ну и что?! — отвечает волку Аканныкай. — А ты зачем мою мать прикончил, без матери меня, новорожденного, оставил?! Вот теперь я за свою мать и рассчитаюсь с тобой!

— Ну, давай, давай, рассчитывайся за мать! А я вот товарищей своих созову!

— Ну, ну! Созывай, созывай дружков своих!

И вот там, внизу, вдруг завыл волк, на камнях лежавший... Тогда и Аканныкай — Опасные Рожки двух своих дружочков позвал — зайчика и горностайчика.

И тут вдруг стая волков примчалась, много их было... А волчище тот, что с перебитыми лапами лежал, говорит им, дружкам своим:

— Оленя этого прикончить надо! Но сперва попробуйте в беге с ним посостязаться, а потом уж и в борьбе! Если сумеете победить его, так тут же и прикончить его надо! А то еще и помучить бы его по-всякому!.. Поняли?

— Поняли, поняли!

И тут волку в помощь еще и другие звери разные прибежали: медведи бурые, медведи белые, песцы, лисицы, россомахи, евражки, мыши полевые, и даже птицы прилетели: морские птицы поморники, чайки...

А вон даже какой-то старый олень сюда же трусит — и ведь большой какой, матерый оленище! Это Матачигрынай¹ — так зовут его. С виду он большой олень, тяжелый, а ноги у него как у собаки. И с рогами он, да еще и с большим средним рогом. Средний рог этот такой широкий — даже солнце ему закрывает...

Совсем не испугался его олень Опасные Рожки. А дружочков-то у него ведь всего двое — зайчик и горностайчик.

¹ «Матачигрынай» (чукот.) означает старый, матерый дикий олень-самец.

И вот кричит дружкам своим волк с перебитыми костями и лапами:

— Ну, пора уже! В беге состязаться начинайте!

— Ладно! — кричат дружки его.

И тут бежать все пустились, начали состязание в беге...

Мыши как побежали, так сразу и попрыгали кто куда — одни в следы звериные, большие, другие в траву спрятались. А остальные звери бегут все, много их там бежало!

Тот Матачигрынай, что с большим рогом средним, так быстро помчался сразу, что только пыль снежная столбом поднялась, а его самого так даже и не видно было...

И ведь далеко бежали все, очень далеко! А пока бежали, так некоторые и отставать стали звери, особенно те, что поменьше и в беге послабее. Морские птицы поморники как ни старались не отставать, но не смогли все же. Пришлось им обратно поворачивать.

Сказал тогда Аканныкай дружочкам своим, зайчику и горностайчику:

— Ну, пора и нам! Давайте-ка мы Матачигрыная этого догоним и непременно позади его оставить надо, обогнать надо!

— Ну что ж, давай! — отвечают оба дружочка его.

И сразу между ногами, прямо снизу, пристроились зайчик и горностайчик, крепко уцепились лапками своими за оленя снизу. Так и помчался с ними олень Опасные Рожки. Ох и быстро мчатся они! Гораздо быстрее, чем Матачигрынай тот, большой и тяжелый.

Так быстро мчался Аканныкай — Опасные Рожки, что если сбоку смотреть, то так и расстилался он, будто по воздуху летел... И вот стали нагонять они Матачигрыная того... И сразу будто в сильный ветер со снегом попали, хотя погода и тихая стояла. Это Матачигрынай, оказывается, такой ветер, такую пыль снежную поднял...

Крикнул Аканныкай дружочкам своим:

— Ну-ка попробуем перегнать Матачигрыная этого!

— Ой, прямо как в пургу мы попали! — кричит тут горностайчик.

— А ты ко мне сюда перебирайся и глаза зажмурь пока! Если трудно будет тебе, так за меня держись покрепче! А я в подмышке передней ноги Аканныкай зацеплюсь! — кричит горностайчику зайчик. — Вот если Матачигрыная обогнать, то сразу стихнет ветер!

Так и сделали дружочки: перебрался горностайчик к зайчику, держится за него.

Тут еще быстрее помчался Аканныкай — Опасные Рожки! Если сбоку смотреть — ну словно летел он, ногами земли не касаясь! Прямо через холмы, впадины и овраги неся, летел он, через горы легко перескакивал...

И тут вдруг стих ветер. Зайчик глянул назад и как закричит:

— Ого, Матачигрыная уже позади оставили!

А Матачигрынай этот уже так тяжело бежит, что язычище у него вывалился даже. Холмик один попробовал было перескочить, да споткнулся и рухнул тут же, а уж встать не смог больше — видно, совсем обессилел.

А вот олень Опасные Рожки так по-прежнему и мчался с дружочками своими. Только когда приближаться стал к концу уже, голову выше поднял и шею вытянул.

Все звери тут, даже медведи белые и бурые говорили про него: «Ну и красиво скачет этот олень, без усталости скачет!»

Кончили состязаться в беге, и сказал тогда волк с перебитыми костями:

— Ну, теперь борьбу начинайте! Пора силой меряться!

— Ну что ж, в беге мы их позади всех оставили. Теперь попробуем и в борьбе одолеть! — говорит дружочкам своим олень Опасные Рожки.

Сначала напали на него волки, росوماхи, песцы, лисицы, а с ними и мелкота всякая... А олень Опасные Рожки бил их всех рогами острыми, разбрасывал в разные стороны, опрокидывал рогами своими! Тут одна росوماха сзади подбираться к нему стала...

А зайчик как закричит:

— Берегись, росوماха сзади!

Росوماху эту, уже прыгнувшую было на него, Аканныкай рогами как поддел, так за овраг и кинул. А евражек горностайчик с зайчиком сами приканчивали.

Но вот уже и медведи белые нападают на оленя Опасные Рожки. Пыль снежная от них, как пар, поднялась, хотя и снега-то почти не было...

Тех, что спереди нападали, Аканныкай прямо рогами острыми отбрасывал, а тех, что сзади кидались, копытами насмерть бил. А зайчик и горностайчик тоже помогали ему. Зайчик под лапы медведю нападавшему кидался, и медведь спотыкался втропях и тут же головой вниз летел, расшибал себе голову сразу.

А горностайчик, так тот медведям на голову вскакивал и глазами расцарапывал коготками своими. Ослепшие медведи белые разбегались со страху кто куда, в разные стороны...

И вот, наконец, один только медведишка бурый в живых остался, его одного и не прикончили еще.

Говорит тут горностайчик:

— А ну-ка я нападу на медведя этого!

— Ну что ж, попробуй! — Аканныкай отвечает.

Кинулся горностайчик к медведю, прыгает, скачет вокруг него, да так быстро и ловко, что не уследить за ним никак. Поворачивается медведишка и туда и сюда, а горностайчик все прыгает и прыгает на него, да быстро так, что не видит медведь горностайчика, не может уследить за ним. И не увидел медведишка, не заметил совсем, как это горностайчик уже в пасть к нему забрался, оказывается, а там и дальше во внутренности медведя полез...

Закричал тут медведь со страху:

— Ой, да где же это он?!

И вдруг как задрожит весь, как затрясется от боли медведишка, да как закричит: «Ой, ой, ой, ой!!!» На спину упал и вертится, корчится весь от боли медведишка... А потом и кончился тут же, подох наконец.

Вылез горностайчик наружу и рассказывать стал Аканныкаю:

— Внутри я к нему забрался, а как туда поглубже влез, так и стал поедать там внутренности медвежьи. Вот так вот, внутренности его поедая, и прикончил я легко медведишку этого!

Сказал ему Аканныкай — Опасные Рожки:

— Вот уж спасибо тебе, дружок, большого зверя ты одолел, очень большого! Но еще ведь остались такие, что прикончить их надо!..

...Морская птица одна, поморник, налетать было начала на Аканныкаю, но он на лету ее поддел и крылья ей рогами вывернул. А потом всех, кто остался еще, стал приканчивать олень Опасные Рожки — и мышей, и песцов, и других зверей. Мышей так прямо копытами и давил...

...И вот, наконец, все зверье это, всех, кого волк созвал, кто против оленя был, — всех прикончил Аканныкай — Опасные Рожки. Один только волчище и остался этот, что с перебитыми костями на камнях лежал.

Подошел Аканныкай к волку и говорит:

— Ну что ж, теперь вдвоем мы с тобой остались, теперь и поговорим! Ты зачем мою мать прикончил тогда в пургу?! Вот уж помучился я и в холод, и в пургу, как только жив остался! И ничего этого не забыл я, не забыл того, что сделал ты! Слышишь ты, волчище жадный?!

Молчит волк, боится Аканныкаю, очень испугался он...

Сильно разозлился Аканныкай:

— Ты что думал? Что каждый год я для тебя жиреть старался?! Вот уж нет! Силу старался я набирать, чтоб с тобой расправиться!

Копытами на горло волку наступил, да так и прикончил, наконец, волка этого, придушил его олень Опасные Рожки. А потом и говорит дружочкам своим, зайчику и горностайчику:

— Ну, вот теперь мы с вами славно заживем, нет больше волка, злодея этого!.. Вот уж спасибо вам, что помогли!

Жили два волка — волк и волчица. Вместе жили они. Молодые были, только жить начали. И вот, как весна ранняя наступила, принесла волчица волчат. Подрастать стали волчата. Потом и другие родились. Больше стало волков. Теперь это уже волчья семья большая.

Выросли молодые волки. И тогда уже с отцом в тундру ходить стали, пищу добывать. Наставлял их отец постоянно, учил, как пищу добывать. Всегда теперь с отцом в тундру ходили они, повсюду рыскали. И уже у каких-то оленеводов задирали оленей начинали в стадах.

А один оленевод, очень бедный, отдельно своим шатром в тундре жил, далеко от других стойбищ жил. И было-то у него всего восемь упряжных оленчиков да одна важеночка молодая.

И вот оленчиков этих, стадо это крохотное, еще издали увидел волк-отец. Говорит он сыновьям своим:

— Смотрите, какое стадо большое, очень большое! Да там, видно, богатый оленевод живет, много оленей у него. А ну-ка нападём на это стадо! Но только не всех задирайте!

Всех упряжных оленей задрали волки эти молодые. Только одна-одинешенька важеночка молоденькая и осталась. Нарты у хозяина сложены были так, что между нартами, как в загородке, ходила важеночка эта. Ходит по кругу в загородке этой важеночка, озирается по сторонам, смотрит из-за нарт — одна ведь совсем осталась.

Сильно горевали хозяева бедные, плакали даже — уж очень жалко им было оленей своих. Да еще и важеночку жалели, что одна осталась, потому и горевала сильно так вся семья эта бедная.

И семья-то ведь большая была — отец, мать, три сына и две дочери.

А волки те с отцом своим уже к другому стойбищу помчались. Богатый там был оленевод, большое стадо у него. Говорит сыновьям волк-отец:

— Ну, а здесь вот тоже надо оленей задрать нам, непременно надо задрать здесь оленей — уж очень плохой тут хозяин живет — богатый, к беднякам жестокий очень, да и скупой к тому же. И соседи его по стойбищу, что стадо его пасут, плохо кормятся — мало еды дает им хозяин, совсем мало мяса дает. Да и к оленям своим уж очень жесток хозяин этот. Уничтожить постарайтесь стадо его! Поняли, что говорю?

— Поняли, поняли!

— Ну, отправляйтесь тогда!

Помчались к стаду молодые волки... И вот напали они на стадо это большое и стали оленей зубами рвать! Почти всех оленей задрали, уничтожили, быстро задрали оленей там! Тут уж от стада этого большого так почти ничего и не осталось, рвали волки оленей всех подряд...

А потом к отцу своему побежали волки. Вернулись к отцу и говорят:

— Вот уж рвали мы оленей, почти все стадо уничтожили!

— Так и надо было сделать, все вы сделали, как надо! Беда, каким жестоким был оленевод этот, так и надо ему — зачем таким был! Ну, а тот оленевод, бедный совсем, где вы всех упряжных оленей задрали, теперь, наверно, многооленным станет, будет у него стадо...

— Да ну? Вот как!

— Ну что ж, тогда дальше отправимся!

Отправились дальше волки, далеко в другие места помчались.

А тот оленевод бедный, что с одной важеночкой, и верно, богатеет начал, все больше и больше оленей у него становилось... И все ведь от важеночки этой и пошло! Сначала весной отелилась важеночка, а потом уж, что ни год, то больше и больше становилось оленей... И наконец много, очень много их стало! Большое теперь стадо у хозяина этого, что совсем бедным был прежде, с одной важеночкой ведь остался тогда.

А тот богатый и жадный оленевод, что жестоким был, совсем обеднел, почти ничего и не осталось у него. А потом уж просто по чужим стойбищам скитаться начал этот человек, что богатым и жестоким был.

Тот же, кто совсем бедным был прежде, с одной важеночкой остался когда-то, — теперь многооленным стал, большое стадо у него теперь. И вот собрал он бедных людей отовсюду, из разных стойбищ, и с ним вместе стали они все жить. Много давал им мяса хозяин стада, что прежде бедным был, хорошо всех кормил. А ведь прежде очень бедным был. Потому и стали его теперь все называть Бедным Оленеводом.

Да и правда, очень бедным он прежде был, а потом и разбогател вдруг сразу, многооленным стал. Радуетя Бедный Оленевод:

— Вот теперь-то мы все, кто прежде бедным был, теперь мы, бедняки, хорошо заживем, потому что сами мы оленями разбогатели, сами будем теперь оленеводами! — говорил он тем бедным людям, что к нему являлись. — И вы все теперь хозяевами стада будете. Не надо говорить: «Да это ведь стадо Бедного Оленевода».

И с той поры стали жить они все очень хорошо. Все бедняки, там собравшиеся, дружно жили между собой. И все они полюбили Бедного Оленевода.

А волки те с отцом своим уже к другому стойбищу примчались, к другому стаду подбираются. И хозяин этого стада хороший был оленевод — к людям добрый и стадо у него ухоженное было.

И вот говорит своим сыновьям волк-отец:

— Ну что ж, придется и здесь нам задрать оленей, а то ведь без еды опять останемся, нечем кормиться будет. Где же еще нам пищу добыть, чем кормиться теперь будем? Видно, придется нам и здесь оленей задрать, мяса добыть. Но только смотрите хорошенько, каких оленей задрать, умело делать это надо, не как попало. Слушайте, как надо делать это, послушайте меня! Стадо это хорошо ухоженное, разные там есть олени, самые разные.

— Ага! Вот оно что! — отвечают ему сыновья.

— Слушайте, что говорю вам, сыновья мои, слушайте хорошенько! Смотрите, чтобы глаза не разбегались у вас от жадности, не задирайте оленей каких попало!

— Ладно! — разом ответили молодые волки.

— Есть в этом стаде один олень, уж очень стройный и красивый. Вот если оленя того погубите, плохо, очень плохо вам будет, да и всем нам конец придет, никому не спастись тогда. Тот олень — Олень Жизни. Его хорошо видно в стаде — самый высокий он там. Белый это олень, весь белый. А рога у него без отрост-

ков, красивые рога, большие и длинные. Ну что, поняли, дети мои, все поняли?

— Поняли, все поняли!

— Ну, тогда отправляйтесь!

Помчались к стаду молодые волки. Как набросились они все на стадо это большое! Самых плохоньких оленчиков задрать старались. А стадо-то все ухоженное, олени упитанные, жирные...

И вдруг один волчишка из нападавших пропал куда-то... Остальные к отцу вернулись.

— Ну как, задрали?

— Да вот задрали!

— Сколько же задрать удалось?

— Да всего шесть!

— Ну что ж, хорошо. Все и сделали как надо было! А где же это братец ваш, куда девался?

— Да еще когда на оленей нападали, потеряли мы его, пропал куда-то...

— Да ну? Где же он может быть?

— Не знаем! Не видели мы, куда побежал он.

— Вот беда-то какая! Разве что за оленчиком каким погнался...

Очень разволновался волк-отец, приказывает сыновьям:

— А ну поищите его хорошенько, да побыстрей только!

Опять помчались волки к стаду братца своего искать. Долго, очень долго искали, но так и не смогли найти. Пришлось обратно к отцу возвращаться.

— Ну, так где же он? — отец спрашивает.

— Да нет его нигде!

— Вот беда, нет, значит! Вот беда-то какая! Куда ж это он мог деваться? Придется тогда здесь его подождать нам!

— Ну что ж, подождем!

Стали ждать его. Немного и ждали совсем — вдруг является пропавший, мокрый весь, запаренный... И только явился, так сразу же хвастать, болтать стал:

— Вот уж диво, так диво! Вот теперь-то уж, наверно, ловким и сильным я стал!

— Ты где это пропадал?! — рассвирепел тут отец.

— Да задрал я того оленя, про которого говорил ты!

— Да ты что, в своем уме? Всем ведь вам сказал я — никак нельзя того оленя трогать! Ты что, не слышал, что говорил я?

— Да слышал я, слышал, только вот забыл, забыл совсем...

Сильно перетрусил провинившийся волчишка этот, что оленя белого загубил, Оленя Жизни... Перепугался очень, хныкал даже волчишка, когда отец рассердился так.

— Ну вот, дети мои,— сказал волк-отец,— плохо теперь нам будет, очень плохо! Попробуем скрыться куда подальше, не спастись нам теперь, видно, погибать придется!

Добавил еще:

— Разделим тогда семью нашу надвое — одни с матерью останутся, а другие со мной будут.

И снова стал говорить сыновьям своим волк-отец:

— Скрывайтесь теперь хоть куда-нибудь, быстрее отсюда бегите, быстрее, как только можете! Если бы вот так сами беду не накликали, так могли бы еще жить и жить, хоть до самой старости... И всему потомству нашему хорошо жилось бы. А теперь вот плохо, очень плохо нам будет, и потомство наше уже не будет так жить, как мы жили. По-другому совсем будут жить теперь волки, плохие волки будут! Каких попало оленей будут задирают в стадах, хороших оленей будут уничтожать. Поняли, дети мои, поняли, что говорю?

— Поняли,— тихо волки молодые отвечают.

Все они напуганы были очень, а тот, что оленя белого погубил, только трусливо озирался кругом. Так напуганы волки были, что слезы капали у них из глаз, а у того волчишки так даже и слезы не капали, молчал только...

И сказал тогда сыновьям волк-отец:

— Ну, дети мои, навстречу смерти отправляться нам надо, не миновать нам ее теперь. Пора уже отправляться, пора!

Поднялись тут волки, вскочили с места — ведь бежать надо! Но не хотят они навстречу смерти бежать куда-то. Потому вот и плачут, и режут, и воют молодые волки... Горюют сильно они, не хотят с жизнью расставаться, не хотят погибать...

И вот разделилась волчья семья, разбежались молодые волки в разные стороны — одни с отцом отправились, другие с матерью. Тот волк, что оленя белого задрал, с матерью остался. И помчались все эти волки в тундру, далеко в тундру помчались в разные стороны. И долго так бежали, скитались долго по тундре, все от смерти скрыться хотели, от смерти уйти старались.

Но вот случилось так, что, когда по тундре скитались, от смерти уйти стараясь, встретились они все, волки эти. И как раз в том месте встретились, где тот оленевод жил, тот самый. у кого олень белый задрал был, Олень Жизни...

И тут же сразу конец им пришел — подошли все сами вдруг... Все передохли — ни одного в живых не осталось.

А оленевод тот очень жалел своего оленя белого, Оленя Жизни, очень жалел! А потом сказал: «Ну что ж, пусть так! А может, еще и другой такой ему взамен появится».

Оленевод этот добрый к бедным был, хорошо бедных кормил, что с ним рядом жили, да и другим тоже мяса никогда не жалел. Так вот по-прежнему и стали они все жить дальше, люди эти оленные, беды и горя не зная.

Те волки прежние, что с отцом и матерью жили и с отцом пищу добывать ходили,— хорошие волки были. А вот теперь волки совсем другие стали: каких попало оленей задирают эти волки — и плохих, и хороших. Ведь недаром сказал тогда волк-отец: «Плохое будет теперь волчье племя».

И теперь вот родители в волчьих семьях, как только подрастают дети, одни остаются — гонят их дети. Потому и ходят теперь в одиночку старые волки.

**Смелый
сирота
из Мечигмена**

(Предание)

Говорят, тот насильник мечигменским был. Прежде он мало оленей имел. Но вот силой у кочевников оленей стал отнимать, так и набрал себе стадо большое. Говорят, насильник этот всех в страхе держал. Оленей отнимая у других, так и разбогател. Сам же все на спине лежал. У него и пастухи были.

В другом же стойбище сирота жил с бабкой и дедом. Послал к ним пастухов насильник. А старики эти очень бедными были. Сирота же сильным был, оказывается, но скрывал силу свою.

И вот пришли пастухи. Спрашивает их старичок:

— Что надо вам?

Сказал тогда один:

— Да нас хозяин послал.

Спросил старичок:

— Зачем?

— За оленями.

А у стариков всего пять оленей и было. Сказал старичок:

— Ни за что не отдам! Пусть бесится, пусть перебьет нас!

Так и скажите ему!

Тут другой пастух заговорил:

— Убьет он нас, если ни с чем придем. Хоть бы пять привести оленей.

Сказал ему старичок:

— Да у нас только пять оленей и есть. Ни за что не отдам! Пусть хоть сам приходит! Так и скажите ему! Поняли?

Ушли пастухи. Говорит старичок сироте:

— Все только жрешь, объедаешь меня, а вот не защитишь нас от насильника, что оленей отнять хочет!

И вдруг заговорил сирота:

— Не отнять ему у нас оленей! Смогу побороть его!

А на завтра, после полудня, люди вдаль показались. Нарту тащили они — насильника везли. Сказал старичок:

— Вон уже едет насильник! Готовься!

Стал готовиться сирота к борьбе. Подошли уже нарты тащившие. Говорит насильник:

— Где олени ваши? Давайте их мне, да живо!

Старичок сказал:

— Ни за что не отдам, хоть и силен ты!

Тут в ярость пришел насильник, с нарты поднялся. Только хотел сч за старичка взяться, как вдруг сирота из шатра выскочил. Говорит насильнику:

— Что это ты делать собрался?

Бросился тогда насильник на сироту. Долго боролись они, уже темнеть стало. Солнце уже заходило, когда насильнику руку вывернул сирота. И все равно дальше боролись! Уже и другую вывернул руку насильнику. Заговорил тогда насильник:

— Ну довольно! Оленей вам дам.

— Одних оленей мало.

— Шкур еще дам.

— Мало.

— Старшую дочь тогда в жены возьми.

— Мало.

— Тогда хозяином надо мной стань.

— Вот и стану хозяином над тобой. Старичков этих к тебе отвезу.

Вот и все. Были такие насильники в старину.

Вчетвером жили они — отец, мать и два сына. Сыновья дикого оленя всегда добывали. Постоянно они на охоту ходили.

Однажды, когда на охоту собирались братья, сказал им отец:

— Только вон туда, за гору, не ходите.

Отправились братья. Младший и говорит:

— А ну-ка сходим туда!

Старший сказал:

— Не надо, вернемся лучше!

— Да сходим, посмотрим, что там! — младший говорит.

Послушался старший. Пошли они туда, за гору. Долго, очень долго шли! Пришли, наконец. И вот там, у самой реки, вдруг нагих людей увидели... Младший брат сказал старшему:

— А ну, попробуем стрелы в них пустить!

— Нет, не надо! Убьют они нас и все, — сказал старший.

— Не убьют! Раньше мы их убьем, — младший говорит.

— А промахнемся вот и нападут они на нас, — сказал старший.

— А мы убежим тогда, скроемся! — говорит младший.

Опять послушался старший младшего, пустили стрелы они в людей этих. И только бежать бросились, как вдруг обогнали их нагие и прямо перед ними встали. Спрашивают их:

— Чем это пустили вы в нас, что даже треснуло будто?

Молчат братья, ничего не говорят.

— Может, убить нас хотели? — снова спрашивает их нагой человек.

Опять ничего не отвечают. Сказал тогда нагой человек:

— Идем к нам! Оба идите с нами!

А старший брат говорит:

— Да нам уже возвращаться надо. Не пойдем мы к вам, потому что родители у нас есть.

— Нет, к нам пойдете, ведь прикончить хотели нас! — гневно сказал нагой.

Послушались все-таки братья. Пошли они все четверо. Пришли. А люди эти нагие на крутых скалах живут, оказывается, нет у них жилища.

— А ну побьемся на копьях! — сказал нагой.

А братья оба ловкие были, уж очень младший был ловок.

И вот стали на копьях биться. На ровном месте начали сперва, а потом на крутой скале бились. Долго так бился старший брат с нагим! И вдруг убил старшего брата нагой. Дальше биться не стали пока. А на другой день опять говорит нагой:

— А ну, с тобой теперь побьемся на копьях, заодно и тебя прикончу!

— Попробуй, только не удастся тебе прикончить меня, как старшего брата прикончил. Будем биться тогда! — сказал младший брат убитого.

Вот приготовились они на копьях биться на крутой скале. Первым напал нагой. Потом юноша на него бросился. Начали они на копьях биться.

Ну и долго же бились они! Два дня прошло, уже рассвет третьего дня наступил. А когда темнеть стало, вдруг повалился нагой... Оказывается, в горло ему юноша копьем попал.

Потом обратно к родителям отправился. Пришел к шатру своему. Спросил отец:

— А где же спутник твой, брат твой старший, где оставил его?

Сказал сын:

— Да вон туда, за гору, ходили мы, там и убили его, моего старшего брата.

С тех пор один стал на охоту ходить.

Сильный ветер со снегом дул, а человек на охоту вышел. Потом пурга поднялась, потемнело кругом. Заблудился человек. Как вдруг жилище медведя видит... И медведь тут. спрашивает человека медведь:

— Что надо тебе?

— Да на охоту вышел, заблудился.

Говорит медведь:

— Ну иди, влезай сюда! Поешь вот.

Дал еды ему. А как поел человек, медведь сказал:

— Спать ложись! И я спать буду. А когда есть захочешь — буди меня, только палкой бей. Если же рукой будить станешь, брошусь на тебя, сожру!

— Ладно!

Уснул человек.

Проснулся, когда есть захотел, и сразу медведя будить стал, рукой стал будить... Проснулся медведь да как закричит:

— Ой-ой! Кто это меня? Схватчу вот! Прикончу сразу!

Стал гоняться за человеком медведь. Пока гонялся, из сил выбился. Говорит:

— Вот ты какой! Не делаешь, как сказал я! Так и прикончить могу! Ну уж теперь делай, как сказал тебе. А не слушаешься если — прикончу! Так лучше слушай, что говорю.

Так жил человек у медведя. Однажды будит его, говорит:

— Эй, проснись! Вставать надо!

Вышел человек из жилища медвежьего, а снаружи хорошая погода стоит. Оказывается, лето уже наступило.

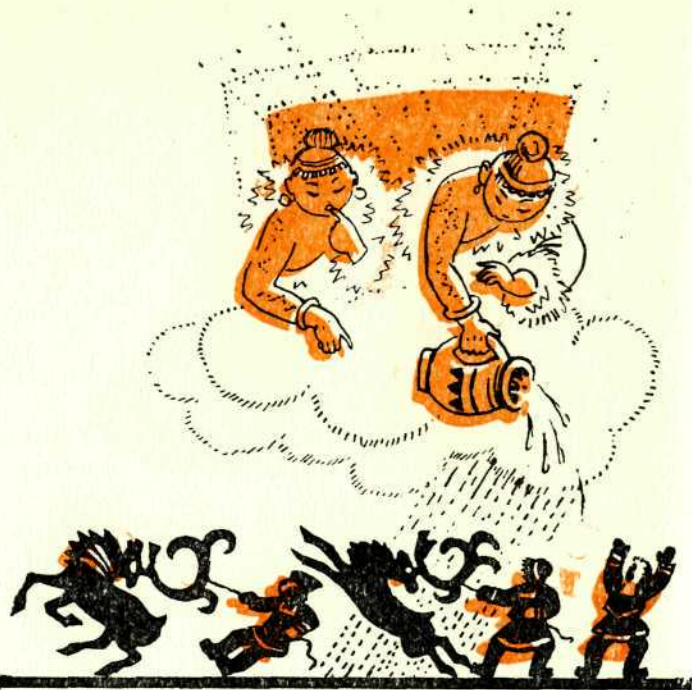
Отправился обратно к себе человек. Пришел к своим, вернулся наконец. спрашивают его:

— Где был ты?

— Да там, далеко. У медведя жил.

Сказание
о Тиркинпынэу
— Солнечной
Старухе

Жили когда-то старик, жена старика да еще их дочь с ребенком — мальчишечка это был, только маленький еще совсем. Бедно жили они — малооленными были.

Как-то раз дочь горшок из шатра вынести собралась, однако темнота уже наступила. К тому же сильно пуржило снаружи.

Сказала дочь родителям:

— Горшок вынести надо мне!

Отец и мать говорят ей:

— Ой, не надо — пуржит снаружи!

— Да ведь ночью горшки нужны будут.

— Не ходи! Потеряешься в пургу!

Вышла все же дочь. Без камлейки¹ вышла — только в керкере² одном, а горшок против ветра несла. Как вдруг уронила она

¹ «Камлейка» (по-чукотски «вытычгын») — верхняя накидка с рукавами и капюшоном из оленьей самодельной замши в прошлом, а позднее из ткани — для предохранения меховой одежды от снега.

² «Кёркер» (в чукотском написании «кёркэр») — чукотская женская одежда из оленьего меха типа комбинезона.

горшок, а его ветром понесло. Ну и погналась за горшком женщина...

Ох и долго гналась она за горшком! Тут пуржит сильно, глаза снегом застилает, а она без камлейки верхней по такому ветру вышла. Долго ее ветром несло, как вдруг зацепилась она одеждой своей за что-то... Думает: «За что же это зацепилась я?» Ручкой потрогала — нащупала что-то... А это шатер был, оказывается. Вошла туда. Слышит — хозяева внутри полога мехового говорят тихо...

— Э-эй, — чуть слышно позвали из полога.

— А-а, — тоже тихо совсем ответила женщина.

— Откуда ты?

Молчит она, не отвечает ничего. Слышит — заговорили там негромко между собой:

— Иди, снег отряхни с нее.

— Не пойду! А вдруг келе это...

А хозяевами жилища братья были, оказывается, — старший брат с младшим жили здесь одни. Это младшему старший говорил: «Иди, снег отряхни с нее». А младший отказывался, говорил: «А вдруг келе это».

— Иди же, снег отряхни с нее!

— Не пойду, боюсь я!

Стал тогда уговаривать его старший брат:

— Вот кто пойдет снег отряхнуть с нее, тот в жены ее возьмет.

— Да не пойду я! А вдруг келе это...

— Вот как, не хочешь! Ну тогда я пойду.

Пошел снег отряхивать с пришедшей старший брат...

Видит — вся в снегу женщина. Одежда меховая на ней в сосульках вся от снега мокрого... Выбил на ней одежду от снега старший брат. Оставил ее жить у них. В жены взял. Долго жила здесь женщина.

Когда лето наступило, на охоту стали ходить братья, на диких оленей охотились. А младший чего-то вдруг приставать стал к жене старшего брата. Как на охоту отпраивлялись они с братом, так он в другую сторону шел, подальше, чтобы от брата скрыться. А потом, уж как темнеть начинало, обратно сюда возвращался, в укрытие. И только когда приходил старший с охоты, младший тоже будто с охоты возвращался, ни с чем приходил, без добычи...

Спрашивал его старший брат:

— Почему без добычи с охоты приходишь?

— Да вот не смог найти зверя!

А на самом деле он весь день к жене старшего брата приставал. А ведь женщина совсем не хотела этого...

И вот снова вышли они на охоту однажды. Опять все, как прежде, сделал младший брат этот. Весь день к женщине приставал. Устала женщина от его приставаний, вытащила из-под изголовника мехового нож большой набедренный и замахнулась на пристававшего ножом этим большим, замахнулась только... А нож этот тяжелый из ножен вдруг выскользнул, и — снесло тут сразу голову младшему брату... Застыла женщина — испугалась очень...

Потом к навесу высокому, куда нарты складывают, потащила мертвого. Уж очень высок был навес! Пришлось даже по бревну с зарубками поднимать. А там, наверху, дерном прикрыла...

Вот и муж с охоты идет, когда стемнело уже, опять оленя добыл.

Спрашивает муж:

— Где же брат, что не идет?

— Да не знаю!

Совсем уже стемнело, а брата нет младшего... Думает старший: «Может, кто убил или зверь задрал».

Уже ночь прошла, утро наступило. Пошел к навесу старший брат. Там тесать стал что-то, под самым навесом. И вдруг кровь ему на руку капнула... Испугался он! «Что это там наверху?» — сам себя спрашивает. Поднялся наверх, а там брат мертвый лежит — голова срезана и к плечам приставлена... Дерном прикрыт.

К жене пошел. Спрашивает:

— Что же ты сделала, зачем брата единственного убила?

— Да вот... А зачем приставал ко мне! Не помню, как нож большой вытащила, что под изголовником лежал, и только ведь замахнулась на него... Совсем нечаянно вдруг попала — так и срезало голову...

— Почему раньше не говорила, что пристаает он?

— Боялась говорить...

— Скажи ты раньше — не случилось бы такого.

И задумал тут мужчина за брата отомстить ей... Сказал:

— Вот уж попомнишь теперь!

Сказал это и вышел. Оружие свое взял и в тундру пошел, жену в шатре оставил.

А там, в тундре, яму большую выкопал, очень глубокую яму. Двух насекомых бросил туда — жука черного и гусеницу. И стал он их растить там, в яме. Туши диких оленей бросал туда.

Ох и долго, целый год растил он насекомых этих. И вот когда уже второй год пошел, стали вдруг расти сильно насекомые те... Уже за один день по две, а то и по три туши оленьих сжирали.

Наконец выросли они в страшных чудовищ, ох, и огромными стали насекомые те! Уже брошенные им туши олени прямо на лету хватала зубами, извиваясь в воздухе, гусеница та — чудовище страшное... А жучок черный так больше собаки стал. Там, в яме, метался он, все быстрее и быстрее носился страшный жук этот. А гусеница та огромная так взвивалась кверху, что до края ямы доставала уже...

А как выли чудовища эти в яме! Черный жук прямо как волк выл и даже сильнее — далеко, очень далеко слышно было этого жука воющего. Да и гусеница выла страшно. Это они с голоду каждый раз так выть принимались. А тот, кто растил их, все бил и бил оленей для них, все кидал им туши олени. И наконец сказал он себе: «Ну, довольно уже, наверно, хорошо выросли».

Потом к шатру своему пошел. Пришел и говорит жене:

— Головы олени сварить — в тундру понесем обряд совершать!¹

— Ладно, — жена ответила.

Начала варить головы олени женщина. А муж снова под навесом тесать стал.

Варит женщина, и вдруг по колену ее паучок побежал... Щелчком смахнула его женщина, сказала: «Бегает еще этот тут, чего ему надо!» А паучок вдруг заговорил:

— Да не зря я тут — помочь тебе хочу!

— Да ну? Тогда иди ко мне!

Взяла она паучка и на ладонь положила. Стал говорить ей паучок:

— Тебя муж твой, наверно, прикончить собирается...

— Вот как! Зачем же это? — испугалась сильно женщина.

— А он двух насекомых вырастил, чтобы сожрали тебя.

— Вот что задумал! Как же быть мне теперь?

— Сшей торбаса, только чтобы узорами были расшиты лучше. А когда в тундру пойдете, олени головы понесете для обря-

¹ Древний чукотский обряд, когда на месте захоронения совершалась трапеза и оставались вареные олени головы. В данном случае имеется в виду обряд на месте захоронения убитого брата.

да и как подходить к насекомым этим страшным станете, скажет он тебе: «Ты вперед иди» — это чтобы в яму тебя столкнуть, чтобы сожрали тебя там. Как скажет он это — кинь вперед себя торбаса, и тут он за ними бросится. А как торбаса кинешь, так сразу вверх посмотри — там уж я помогу тебе.

— Что ж, ладно! — ответила женщина.

Потом мясо стала варить. Быстро торбаса она сшила. Вот уж узорами расшиты они! А как мясо сварилось, мужа позвала:

— Вот сварила уже!

— Ладно!

Вошел муж в шатер, а жена торбаса не показывает... Потом сказал муж:

— Идем! Отнесем головы оленьи!

Пошли они. Прямо в тундру пошли. Идут. Спрашивает женщина мужа:

— Куда идем мы?

— Туда вон!.. — со злостью отвечает муж.

Дальше пошли. Идут и идут они — вдруг вой слышат: «Оо-оу! Оо-оу! Аа-ау! Аа-ау! О-оо!..» — издалека будто... То ли волки это воют, то ли кто другой — только страшно воют... Спрашивает женщина мужа:

— Кто это воет так?

— Не знаю! — со злостью отвечает муж.

А когда уже к яме приближались, видно стало, как голова гусеницы огромной то тут, то там из ямы показывается... Ближе подходить стали — ох и вой страшный! Тут муж и сказал:

— Ты вперед иди.

А женщина говорит:

— Еще вот немного пройдем...

Еще немного прошли — кинула вперед себя торбаса женщина... Ну и бросился к ним муж:

— Что за диво! Кто сшил это?

— Я сшила, кто же еще сошьет такие.

Потом посмотрела вверх женщина, видит — ниточка паутины сверху спускается... Ухватилась она за нее и вот уже высоко поднялась. Закричал тогда человек снизу:

— Эй, куда ты, спустись! Обряд совершить надо!

— Нет, не спущусь! Ты же прикончить меня задумал!

— Да нет, нет!

— А те, что в яме, зачем?

— Да так, живут там!

— Ну нет! Это те, что меня прикончить, сожрать меня должны были! — крикнула ему женщина сверху, а сама уже на паутинке повисла.

Потом стала вверх подниматься. А человек тот в яму со злости бросился. Еще на лету схватила его зубами та гусеница огромная... А женщина все дальше и дальше вверх поднималась.

Не стало человека того. Напрасно растил он на погибель ей чудовищ тех...

...Вот уже приближаться стала к верхнему миру женщина, поднялась она туда, где верхний народ живет¹. А там келе крючками нижних людей выуживали сверху². Много их было там, келе этих. Незаметно женщина появилась там, наверху, потому и не видели келе прибывшую снизу...

Добралась она туда, смотрит — шатры стоят, много шатров. Пошла к шатрам. Подходить стала, видит, а там одни женщины собрались, много женщин. А это жены келе были там, оказывается. Как увидели прибывшую, так и загалдели, заговорили все разом:

— Нечего тебе тут околачиваться, нечего, нечего! Убирайся отсюда, пока жива! Вот вернутся мужья наши и, если кто без улова придет, изобьют нас до смерти! А если и ты еще тут будешь, сожрут они тебя — уж очень голодные явятся!

— Вот как! Куда же деваться мне?

Тогда одна женщина-келе сказала:

— Вон там, подальше, видишь, шатер стоит огромный. Тиркинпынэу живет там — Солнечная Старуха. Только войти в шатер этот трудно. Вход туда открывается и закрывается уж очень быстро, сразу не войдешь. Но там у входа шкурка горноста висит. Как подойдешь к самому входу в шатер этот, шкурку ту возьми... А только распахнется вход, горностаевой шкуркой взмахни и бросайся сразу туда — тогда и войдешь в тот шатер. А уж здесь у нас тебе живой не быть — сожрут окаянные!

— Все так и сделаю! Вот уж спасибо тебе!

— Ну, уходи теперь, а то вот-вот удильщики наши явятся!

¹ По-чукотски «гыргóтрамкын» — верхний народ, то есть обитатели «верхнего мира», расположенного, по древним представлениям чукчей, на небе, как на твердой поверхности.

² По древним мифологическим представлениям чукчей, келе, обитавшие в «верхнем мире», питались вполне телесными человеческими душами («увирит»), которых выуживали крючками с земли, вырывая их из человеческого тела и умерщвляя таким образом самих людей.

— Ладно, пойду!

Отправилась к тому шатру женщина. Пришла туда. Видит: шатер большой перед ней — вот уж огромный шатер! Вокруг шатра кости разные лежат... Испугалась женщина. Думает: «Как же мне быть теперь?» А прямо перед ней уж очень быстро открывается и закрывается тут же вход в шатер этот огромный... И кругом тихо-тихо, ни звука.

Взяла женщина шкурку горностаевую, что у входа висела. Долго стояла там, думала, что дальше делать... Потом горностаевой шкуркой взмахнула, в распахнувшийся вход бросилась и — проскочила! Вот и вошла в шатер...

...А там — Солнечная Старуха, Тиркинпынэу, и еще женщина при ней, помощница ее. Обрадовалась женщина эта, Солнечной Старухи помощница, когда увидела ту, что вошла:

— Вот так диво, женщина снизу, с холодной стороны, пришла к нам, вот только вошла!

— В самом деле?

— Да вот только вошла!

А Солнечная Старуха вниз лицом лежит... Спрашивает она пришедшую, а сама так и лежит вниз лицом, не поворачивается:

— Вот как, к нам пришла?

— Да вот пришла...

— Откуда же ты?

— Из нижнего народа я.

— Вот как! А зачем пришла сюда?

— Да там, внизу, уж очень плохо жилось мне.

Тогда велела пришедшей Солнечная Старуха рассказать все. Стала рассказывать женщина. Все рассказала она: и как из шатра родительского вышла и заблудилась в пургу, что потом было и как снизу сюда добралась.

Когда рассказала все, говорит ей Солнечная Старуха:

— Вот уж действительно плохо тебе жилось! Так и быть, помогу я тебе, пожалуй...

Поговорили они — вдруг слышат крик страшный: «Кто пришел сюда, чей запах?!» Ничего не отвечают из шатра, молчат все. И вот уж вокруг шатра топот... Очень испугалась пришедшая. Тут орать стал каляйнин:

— Отдайте мне эту, что снизу пришла!!!

— Не отдадим! — крикнула помощница Солнечной Старухи. — Не бойся, — сказала она женщине пришедшей, — не войдет он сюда.

— Отдавайте скорей!!!

— Не отдадим! Убирайся прочь!

— Вот как! Отдавать не хотите!

Забегал он вокруг шатра, а потом и на шатер полез, проклятый. И вот голову сует уже, морду свою в шатер сверху, в дымовое отверстие, да как заорет вдруг: «Так не отдадите мне ее?!» А сам в шатер рвется сверху, голову просунул, никак пролезть не может!

Тут помощница и сама испугалась. Говорит она Солнечной Старухе:

— Вон морду свою мерзкую просунул, лезет уже, проклятуций!

— Пусть лезет, — Солнечная Старуха отвечает, а сама все так же вниз лицом лежит...

Думает про себя пришедшая снизу: «Чего это она все лицом вниз лежит?»

...А тот келе уже наполовину в шатер влез сверху и пасть свою разинул страшную...

Подняла тогда лицо свое Солнечная Старуха, глянула на него и — сразу пеплом рассыпался вниз каляйнин этот... Спалила его Тиркинпынэу, даже косточки от него не осталось — весь в пепел превратился. От жадности большой сторел каляйнин.

Обрадовались женщины, что начисто сторел проклятый. Стали жить дальше.

И вот спрашивает пришелицу Тиркинпынэу — Солнечная Старуха:

— Может, хочешь в ящики поглядеть?

— В какие ящики?

— Э-э, да она совсем не знает их! Покажи ей ящики, пусть поглядит, — сказала помощнице своей Тиркинпынэу.

— А в какой ящик смотреть начнем?

— Все равно в какой.

— Ладно!

А там кругом, у стенок шатра, ящики стояли, много ящиков разных. Одни маленькие, другие большие — ну, самые разные были.

Открыла один ящик¹ помощница, стали они смотреть в него. Глядит пришедшая, а там внизу, у нижнего народа, зима стоит...

¹ Имеются в виду отверстия в небесной тверди, прикрытые ящиками, через которые можно не только смотреть вниз, но и спуститься обратно на землю.

И как бы прежнюю жизнь разную увидела она там. И еще всяких зверей увидела: медведей, волков, лисиц и другое зверье...

Вот уж как интересно все это было! Да и сам шатер огромный, где Тиркинпынэу жила, очень хорош был — опрятно было кругом и светло. И сама была опрятна очень, и все внутри было таким. А снаружи, вокруг шатра, лес был, кости разные лежали, и много диковинного было кругом!

...Смотрят так они в один ящик, потом в другой начинают смотреть. А когда уже посмотрели в те ящики, где давнюю жизнь видно было, стали в другие смотреть — как теперь живут. Увидела даже пришедшая, как родные ее живут теперь...

Открыли они один ящик, а там, внизу, люди оленей забивают, на оленьих упряжках и в бегах состязаются, борются и всякое другое увидели¹.

Посмотрели они все это — другой ящик открыли, большой, а там — оленеводы с большими стадами забой оленей празднуют летом... Долго смотрели на них. Уж очень солнце там припекало, жарко было, а люди эти богатые все праздник совершали обрядовый.

...И вдруг сказала помощнице своей Солнечная Старуха:

- Полей водой их!
- Одной водой?
- Одной водой!

Стала женщина воду лить на тех, на нижних, в ящик стала лить... Смотрят туда, а там дождь хлынул на людей этих оленьих, что убой оленей празднуют. Как пустились бежать люди — ведь в одежде праздничной все! Изю всех сил бегут к шатрам и там в старую одежду переодеваются. Потом опять празднуют дальше.

Говорит тут женщина из нижнего народа:

— Вот так и у нас бывает, так же вот во время праздника дождь начинает вдруг лить.

Кончили смотреть на тех людей. Потом еще ящик открыли. Глядят, а там тоже летний забой празднуют. Но люди там другие какие-то — будто и не люди вовсе: одни люди-собаки, другие люди-волки, а иные — как журавли, зайцы и всякие там еще люди такие, в зверином обличье...²

¹ По всей вероятности, речь идет о зимнем празднике встречи солнца в январе.

² Полулюди-полуживотные, своего рода кентавры разного обличья, — типичные персонажи чукотской мифологии, ведущие человеческий образ жизни.

И вот эти люди-собаки, люди-волки и разные другие люди-звери и люди-птицы — тоже как люди оленные жили: бедным людям-собакам и другим всяким меньше давали мяса, обделяли их и работать заставляли. Самую тяжелую работу давали. А сами хозяева стад — люди-волки, не работали вовсе. Стада у них огромные были, но сами не пасли они оленей своих, только бедные пасли их стада. А когда забивал олене и хозяин стада, то бедным нечего было забивать, не было у них оленей.

Празднуют там внизу летний забой оленей все людишки эти звероподобные, как вдруг говорит опять Солнечная Старуха помощнице своей:

- Теперь со снегом полей вниз!
- Ладно, полью!

Очень расторопной и умелой была помощница у Солнечной Старухи, быстро и ловко все делала. Стала она лить воду со снегом туда вниз... Смотрят, что там будет внизу, а там людишки эти как побежали тоже кто куда, как закричали на все голоса: «Ой, ой, что это?! Это же снег мокрый повалил, а ведь лето!.. Эй, скорей одежду сменить надо!» Вот уж оралы людишки эти внизу, на все голоса свои звериные! Тут хозяева стад богатых все переодеваться бросились, чтобы новую одежду на старую сменить, забегали все, засуетились. А снег мокрый все валит и валит, а потом вдруг опять ясно стало... Заорали тут снова богачишки эти звериные, ничего понять не могут, кричат все разом: «Что за диво, что за диво! Почему такое — лето ведь, а тут снег повалил и опять ясно стало?! Почему меняется так?!» И вот снова они бегут праздничную одежду надевать. Потом кончили убой оленей праздновать. Стадо на пастбище ушло, а за ним и пастухи отправились.

Снова велит Тиркинпынэу помощнице своей:

- А теперь опять одной водой полей!
- Ладно!

Полила она водой одной. Ну и сильный же дождь полил там! Побежали сразу назад людишки эти, что за оленями пошли, — одежду от дождя надеть. А тут спять ясно стало, перестал дождь лить...

Кончили они в этот ящик смотреть, и спрашивает тогда Солнечная Старуха женщину, снизу пришедшую:

- Ну а ты, видно, не можешь остаться здесь?
- Да уж, видно, не смогу. Думаю только, как быть мне...
- Ладно, не думай, помогу я тебе.

Потом помощнице сказала:

— Теперь другой покажи ящик!

Открыла помощница ящик. Посмотрели они туда, и вдруг заплакала женщина...

Спрашивает ее Тиркинпынэу:

— А почему плачешь?

— Да ведь там родные мои, — женщина отвечает.

А родители ее уж очень бедно жили. Смотрит она с помощницей туда вниз, на свою землю, а там лето стоит. Снова говорит ей Солнечная Старуха:

— Не плачь, помогу я тебе!

Перестала плакать женщина. Стала смотреть, как живут теперь родители ее после того, как оставила она их, когда из шатра вышла в пургу. Видит, как плохо живут теперь родители, хотя и с многооленными рядом живут. Сильно голодают они...

Снова заплакала женщина, на своих родных глядя, — жалко ведь их. А теперь и помочь им некому — дочь их, помощница единственная, в пургу потерялась.

...А там внизу, видит она, люди уже оленей забивают, праздновать собираются. И родители ее тоже ведь праздновать должны, да только не радуются празднику они, как соседи их, многооленные, — бедные ведь они...

И вот говорит ей Солнечная Старуха:

— Пора уж тебе к своим возвращаться, наверно!

— Вот как, в самом деле?

Ох и обрадовалась же она! А помощница загоревала, что уходит женщина, уж очень полюбила она ее, подружилась. Вот и плачет уже помощница...

Ну а женщина радуется! Потом кончила она смотреть, как родные ее живут там, и стала наставлять ее Солнечная Старуха, говорить ей стала:

— Ну, а теперь на свою землю возвращайся. И как вернешься к своим, так сразу собаку свою любимую в жертву мне принеми. Только еще не входя в шатер, сделай это. Теперь вот родители твои плохо живут, бедствуют. А как сделаешь то, что сказала, — лучше станут они жить. Потом, не раздумывая долго, сразу от соседей своих отделяйтесь. Подальше кочуйте, там и живите. Но вот только соседям своим, многооленным, ничего не говори, не рассказывай им ничего, слышишь! А бедным людям, малооленным, можешь рассказать. Все расскажи им про то, как была ты здесь у меня, что видела, — все расскажи.

Потом сказала Тиркинпынэу:

— Ну вот, уже пора, отправляйся!

Горюет помощница, что уходит женщина, — уж очень подружилась с ней.

А женщина в ящик тот, где родных видела, спустилась и прямо вниз попала — на свою землю, к родным своим...

...Вот уж обрадовались родители! И мальчишечка ее сам бежит к ней радостный, а ведь совсем еще маленьким оставлен был. А родители уже состарились очень. Только вот муж ее таким же, как и она, молодым остался... Муж и растил мальчишечку, да еще дед с бабкой.

Говорят ей родители:

— А мы уж думали, что и кости твои давно истлели!

Стала рассказывать женщина... Вот уж слушали ее родные! Обо всем, что было с ней, рассказала. И сказала еще она родным своим про то, как наставляла ее Тиркинпынэу — Солнечная Старуха и что велела Тиркинпынэу от соседей многооленных отделяться и подальше откочевать.

...Вот уже и кочевать собрались. А на завтра от соседей своих отделились и покочевали. Подальше откочевали — там и жить остались. Потом стадо их оленье все больше и больше становилось... Так вот скоро они совсем многооленными стали.

И тогда женщина та, дочь стариков, всех бедных, малооленных людей к себе собрала, и все они там хорошо начали жить.

Вот как помогла женщине этой Тиркинпынэу! А место ее — там, наверху, где лицом вниз лежала она, — было как раз для лица ее, чтобы вниз, на людей, смотреть могла Тиркинпынэу — Солнечная Старуха¹.

¹ В древнем мифологическом представлении чукчей подразумевается, что через это отверстие Тиркинпынэу, то есть солнце в образе всевидящей и всемогущей «Старухи», светит людям, постоянно смотрит вниз, чтобы видеть, как живут люди в «нижнем мире», то есть на земле, чтобы помочь тем, кому плохо. Люди должны почитать Тиркинпынэу, приносить ей в жертву лучших собак и не нарушать ее наставлений.

Было когда-то стойбище одно маленькое в тундре. Оленьи люди там жили. И в стойбище том, в самом заднем шатре, шаман жил. Всех, кто мимо проезжал ночью, всегда видеть он мог и даже, говорят, самих келе мог видеть. К тому же шаман держал собаку у себя, потому как умная была собака, очень умная.

Как-то однажды ночью пришлось шаману этому с двумя келе встретиться, с такими, что смертельное колотье¹ на людей напускают и разделявают потом человека, как тушу оленя, чтобы сожрать. А те двое давно искали встречи с этим сильным шаманом по колотью...

...Уже спали все в стойбище, и собачка умная спала возле шамана, хозяина своего, у самого изголовья спала. И вот будит она хозяина, говорит ему так осторожно, потихоньку:

— Хозяин, вон келе уже подходят к нам...

Быстро и бесшумно оделся шаман и из шатра вышел. А двое на оленях уже подкрадываются и прямо к крайнему шатру подбираются... Потом с нарт сошли и оленей за собой ведут.

Вот тогда только и вышел шаман им навстречу. Однако келе эти совсем не видели шамана, зато шаман хорошо их видел.

¹ По-чукотски «эгрыкэльэт» — духи колотья (от чукотского названия этой болезни — «эгрээр»).

Воткнул он ножик костяной на их пути, перед ними, а потом сзади обошел их. Идут они так, крадучись, и прямо к его шатру. И вдруг замерли на ходу, будто в капкан попали...¹ Думают: «Что же это застряли мы, что держит нас? Уж, верно, шаман здесь живет, потому и застряли мы вдруг, как в капкане».

Крикнул им тут шаман:

— Куда вы?

— Да мы вот людей кончать идем!

— А зачем?

— Да голодны мы очень, не ели давно!

— А почему меня не спросили, чтобы людей кончать, почему сами идете?

— Да вот, думали мы, где же это живет он. Тут он, наверно, думали мы, да только и нет будто, не живет здесь... Уж очень сильно мы есть хотим, вот бы дал ты поесть нам!

— Ладно уж, дам. А если вы когда в другое стойбище пойдете людей кончать, то уж прежде меня спрашивайте!

— Спросим! Теперь-то уж непременно тебя спрашивать будем сначала!

— Только смотрите, молодых не трогайте! Слышите?

— Да мы понимаем!

— А теперь вон там, в самом переднем шатре, старичок один спит, совсем уж старенький. Вот его и кончайте!

— Ладно!

Двинулись на добычу келе, обошли шатер шамана, а он спать пошел.

...В полной тишине крепко спали все в переднем шатре. И тут келе эти проклятые напустили вдруг колотье сильнейшее на старичка того... Сильно кричать стал старичок!

Растерялись тут все в шатре. Говорят: «Шамана надо позвать!» Пошли за шаманом, а он спал уже. Разбудили. Пошел к ним шаман, увидел там, что келе уже кончают и разделявают старичка, словно тушу оленя. Только шаман и мог видеть это. Посмотрел на старичка он и говорит хозяевам:

— Не смогу я поправить его, не вылечить мне!

А старичок кончается уже... Назавтра похоронили. И стали жить дальше люди в стойбище этом. Долго так жили.

...Но вот как-то ночью, когда в стойбище спали все, опять будит та собака хозяина своего, шамана:

¹ Магическое действие, при помощи которого шаман остановил келе и выудил их застыть на месте.

— Проснись! Вон теперь уже в другом стойбище людей кончат колотьем собираются келе, те самые!

Оделся быстро шаман, призвал свою куропатку-келе¹, что служила ему, сел на нее и полетел.

...Прилетел он в то стойбище, а там единственный сын у родителей — молодой совсем — от колотья кончился. Смотрит шаман, и только он один видит тех келе, а они, подлые, уже разделяют юношу того, на части режут... Незаметно вошел в шатер шаман, а там хозяева плачут. К тому же ведь и старые они уже — без сына остались теперь. Спрашивает их шаман:

— Почему плачете?

— Да ведь вот единственный сын от колотья кончился!

Очень заторопился тогда шаман, сказал хозяевам:

— Ну что ж, дайте-ка мне мешочек побыстрей!

Дали ему. А ночь ведь еще была. Вышел шаман из шатра, смотрит, а там уже келе эти на нарту юношу мертвого погрузили и даже на части разрезали... Настиг их шаман тут и кричать на них начал:

— Кто вам людей кончать позволил? Я же говорил вам, что прежде меня вы спрашивать должны, а вы не послушались, подлые, слушать меня не хотите! Ну, а теперь плохо вам будет — не спасетесь вам уже никак! А ну, побыстрее нарту развязывайте!

Сильно перепугались келе! Спешат развязать нарту, где мертвец уже разрезанный лежит...

— В этот мешок кладите все!

Все в мешок положили...

— Кровь, что вниз натекла с него, всю в мешок соберите!

Всю кровь, застывшую уже, собрали до последнего комочка, ни одного комочка не оставили. А потом крикнул им шаман:

— А ну, убирайтесь теперь, да побыстрей!

Погнали тут келе оленей своих, помчались... Один так прямо с места рванул с перепугу и — помчались олени! А другой так даже впереди оказался... И передний этот так быстро мчался, что олени его прямо по кустам понесли. А там, в кустах, пополам разорвали его олени — на дерево наскочили! А другой, что позади мчался, так страшно хохотать стал, что охрип совсем. И скрылись они наконец, исчезли...

Вернулся в шатер к хозяевам шаман. Говорит им:

— Ну а теперь мясо будем варить, поесть надо нам.

Стала мясо варить хозяйка. А когда в шатер входил шаман, мешок в руках держал. И сына мертвого в пологе к выходу головой положил...

Сварилось мясо. К еде приступили. Уж очень сильно горевали родители.

И вот вдруг разбудил шаман их сына мертвого... Говорит:

— Только другого имени не надо — пусть прежнее останется!

Совсем уже проснулся юноша, что мертвым был... Сильно обрадовались родители, но сразу не поверили даже, спрашивают шамана:

— В самом деле ожил он?

Сказал им тогда шаман:

— Ну вот и оживил я сына вашего, а ведь кончился было он. Теперь плату давайте — две туши оленьи большие и трех живых оленей, только ездовых.

Согласились они. Отдали ему две туши оленьи, самые крупные, и еще трех оленей ездовых.

Вернулся в свое стойбище шаман.

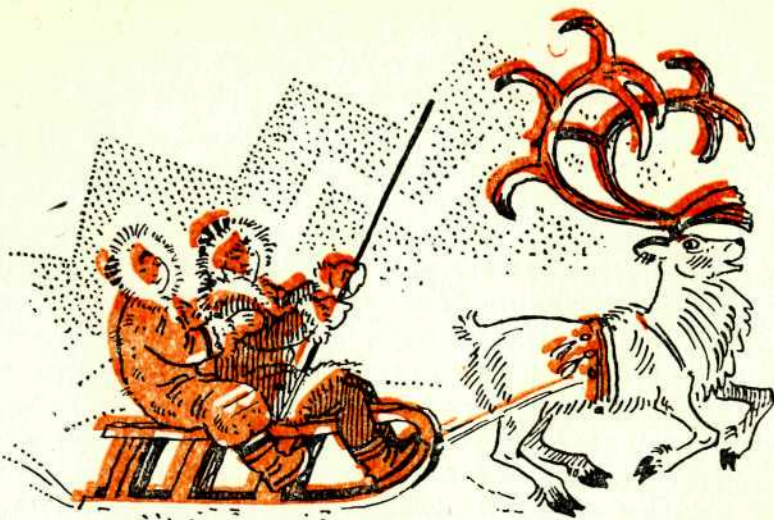
¹ «Куропатка-келе» — из той категории духов-келе, которые, по древним мифологическим представлениям чукчей, принимали облик разных животных или птиц и служили шаманам. В данном случае куропатка-келе служит шаману средством передвижения.

¹ По древнему чукотскому обычаю, детям и взрослым, перенесшим тяжелую и опасную болезнь, давали новое имя, чтобы обмануть келе, напускающих болезнь, и отвлечь таким путем новую беду от человека.

Одна-
единственная
дочь

(Сказка)

Старуха, старик да их дочь жили в тундре когда-то, оленными они были. Дочь их постоянно в стаде находилась, оленей стерегла.

И вот, когда в стаде была, заболела там девушка, дочь их единственная. Отец с матерью в шатре ждут ее, говорят меж собой: «Когда же это придет она из стада?»

А она уже сильно разболелась, оказывается. И вот там, в стаде, и умерла... А стадо ушло, оставили олени в тундре девушку мертвую, и только один белый олень большой остался с ней, с мертвой. Охранять стал ее олень этот белый.

Наконец отцу уже немоготу стало дочь ждать, пошел он в стадо. И вот увидел дочь, мертвую уже, и только белый олень ее охраняет...

Хотел было старик увезти дочь, тронул ее, а она уже тлеть начала. Стал бранить старик белого оленя, говорит ему:

— Почему недоглядел, что умерла? Вот за нартой схожу, а ты сам теперь вези ее хоронить, раз недоглядел.

И сразу за нартой пошел старик. Как пришел в шатер, спрашивает его старуха:

— Где же она?

— Умерла, уже тлеть начала! — отвечает старик.

Заплакала тут старуха. Говорит ей старик:

— Нарту я отвезу туда. Скоро вернусь, а ты мясо вари пока!

Пошел старик в тундру с нартой. Притащил нарту туда — по-прежнему олень мертвую охраняет. Подошел старик и на нарту дочь мертвую уложил. Белого оленя в нарту запряг. Потом сказал старик оленю:

— Вот сам теперь вези ее хоронить, раз недоглядел, как умерла она.

Отправился олень далеко в тундру, везет на нарте мертвую. А старик к шатру своему пошел. Пришел и говорит старухе:

— Отправил я Вавака, прямо в тундру отправил.

Вавак — это имя оленя.

Долго возил олень девушку мертвую, по разным стойбищам возил — дважды луна сменилась. Наконец к одному стойбищу подвез. Дети там возле стойбища играли. Увидели оленя с нартой — сразу к шатрам кинулись. В шатер прибежали, говорят:

— Там олень кого-то на нарте привез, и запах такой, человек будто!

Шаман тамошний сказал детям из полога:

— Снимите с нарты, сюда несите!

— Нет, нет, не будем, сам неси!

Вышел шаман из шатра, подошел к нарте. Спрашивает шаман оленя:

— Откуда пришел?

Отвечает ему олень:

— Да из дальних мест! Две луны провели мы в пути, пока к тебе вез!

Распряг оленя шаман, говорит ему:

— Тут за горой стадо ходит. Иди туда, в стадо! Когда надо будет, позову тебя.

Потом девушку мертвую в полог свой внес. Как в полог внес, на колени к себе положил и крикнул своим, кто в шатре был:

— А ну, бубен просуньте мне в полог.

Просунули шаману бубен в полог. И вот начал он шаманить, в бубен бить и петь. Весь день и всю ночь бил...

...А на завтра, на рассвете, девушка села вдруг и заговорила:

— Ну и крепко же спала я!..

А человек, шаман этот, говорит ей:

— Пришла наконец!

Сказала девушка:

— Вот и пришла я сюда наконец!

Взял эту девушку шаман в жены. А потом к родителям ее отправились, и с ними вместе белый олень Вавак.

и зверей
ных
ывают
ф)

В очень давние времена, говорят, совсем не было ружей, никаких не было орудий для охоты на зверя. И вот человек один думать стал. Потом сказал жене:

— Думаю я, надоело нам одной рыбой кормиться. Много ведь зверей есть больших, вкусных. А вот как добывать их будем и чем? На какого зверя орудие будем делать?

Говорит ему жена:

— Ну, я-то уже придумала орудия для всех зверей — морских и тундровых. А ты?

Отвечает ей муж:

— Да я вот только для морских зверей собираюсь придумать.

Говорит жена:

— А я знаю, как на всяких зверей орудия сделать.

— Ну-ну, расскажи, какие орудия придумала ты.

— А вот какие придумала я. Слушай хорошенько! Расскажу я, чем морского зверя добывать: тюленей сетью кожаной добывать надо, лахтаков гарпуном с наконечником бить.

— Ну, давай попробуем сделать!

Сделали они орудия эти все. Сетью стал тюленя добывать человек, гарпуном с наконечником лахтака бить, а копьём медведя белого. И копьём же бил медведя бурого.

Вот такие орудия для охоты на зверя сделал человек в давние времена.

Медведь
и мальч

(Сказка)

Это в большом стойбище было, летом. Как-то раз ребяташки со всего стойбища за ягодами идти собрались. А с ними и женщина одна беременная тоже собралась за ягодами идти. Вот и пошли они все в тундру, туда, где места ягодные были.

Собирают там ягоду ребята — ох, и много их пошло! И вдруг мальчик один как бросится бежать да как закричит: «Ой, медведь во-он!!!»

Ну, ребяташки тут глядят во все стороны, смотрят кругом и видят — медведь идет и прямо на них... Так и бросились сразу дети бежать со всех ног к стойбищу своему. А те, кто не поспевал, позади оставались, младшие отставали — и мальчики, и девочки. Плачут эти малыши, режут на все голоса, и все же не ждут их старшие, бегут без оглядки.

Осталась позади и женщина беременная, не могла бежать, отстала. Там и схватил сразу медведь женщину эту. А как схватил, так и разорвал живот несчастной... Тут же и прикончил ее. Внутренности все вытащил, ребеночка тоже, а ведь живой еще был ребеночек... Сожрал медведь женщину, а ребеночка взял и к себе в жилище унес.

Стал медведь оленьих важенок бить отелившихся, когда домашних, а когда и диких — их молоком ребеночка вскармливал.

Наконец подрастать стал ребеночек. Уже понемногу ходить начал. Так и подрос в медвежьей берлоге. Стал уже медведь и наружу его выводить. Потом, наконец, и говорить начал мальчишечка, разговаривать стали они с медведем...

Однажды спрашивает его медведь:

— Что же ты есть можешь, пищу какую?

— Мясо диких оленей и домашних тоже или что другое еще.

— Ну, тогда оленей диких надо искать мне, еду тебе добывать надо!

— Что ж, придется!

И начал медведь диких оленей добывать. Всегда помногу диких оленей бил. Ну и ел мяса вдоволь мальчишечка! И рос быстро — уже мальчиком стал, в тундру сам ходил... А потом и в разум вошел, понимать начал.

Как-то ушел медведь диких оленей добывать. Опять один остался в берлоге мальчишечка. Потом вдруг песец появился... Говорит ему мальчик:

— О, пришел!

— Да вот пришел!

— Откуда пришел?

— Да из жилища своего!

Стал песец спрашивать:

— А ты почему здесь, в медвежьей берлоге, находишься?

— Да потому что здешний я.

— Вот как, здешний ты, значит! А где же отец твой?

— Да не знаю я этого.

— А вот я знаю...

— В самом деле? Где же он есть?

— У себя в жилище он.

— В самом деле? А где же его жилище?

— Да там, далеко, где люди живут.

— Ну и диво, там, где люди, значит! А я почему здесь?

— А я вот знаю, почему ты здесь находишься.

— Вот как!..

— А где твоя мать?

— Не знаю я, не знаю тоже и мать свою...

— Ну и диво! А я вот, однако, знаю. А каково тебе здесь?

— Да хорошо мне тут!

— А кормишься как?

— Да тоже хорошо, очень хорошо!

— Вот как! Ну тогда расскажу я тебе, как все было...

— Ну, расскажи! — обрадовался мальчик.

— Так вот, твои родители, мать с отцом, в большом стойбище жили, много шатров там было. И детей в стойбище том большом было много. Как-то раз летом все ребятишки за ягодами пошли в тундру, все вместе пошли. А тут еще и солнце припекало сильно. С ними вместе и твоя мать пошла, беременная, за ягодами пошла. Одни ведь дети в тундру пошли, только еще твоя мать и пошла с ними. А отец твой в стаде был тогда, оленей пас в тундре. ...И вот собирают они там ягоду. Вдруг слышат, мальчик один закричал: «Ой, смотрите, медведь идет сюда!» И тут дети смотреть стали по сторонам, а как медведя увидели, так и бросились со всех ног к стойбищу своему. Кто побыстрее — вперед убежали, а младшие позади оставались. И мать твоя тоже из сил выбилась, отстала, тут и схватил ее медведь... Сразу же там живот разорвал ей и все внутренности вытащил, тут ее и прикончил. Там вот сразу и сожрал медведь твою мать, а тебя-то вытащил он тогда из живота матери. Как пожирать кончил, тут же взял тебя и к себе пошел, в жилище свое. Ну, а здесь потом он и вырастил тебя. Вот ведь как было!

— Ну и диво! Вот уж спасибо тебе!

Когда рассказывал песец, мальчик даже рот раскрыл, да так и слушал с разинутым ртом. Уж очень ему мать свою жалко стало, да и страшно было все это...

Потом опять стал говорить песец мальчику:

— А вот как дальше жить тебе — скажу теперь!

— Ну скажи, — мальчик ответил.

— Теперь вот ты здесь, в берлоге, живешь и к своим вернуться не можешь, потому что растит медведь тебя, чтобы съест потом, когда вырастешь.

— Ой, страшно как! — очень уж испугался мальчик.

— А ты лучше вот как сделай: сразу же теперь и иди к своим — родичи твои тут недалеко живут. Только поторопись, смотри!

...Ну и рассердился мальчик на медведя! Шесть лет он прожил тут, у медведя, шестилетним стал уже. И совсем ведь не знал, что у него родители были, оказывается, и отец есть...

— Как придешь к своим, то непременно оленя большого пусть забьют мне, тушу пусть надрежут по спине и в тундре оставят — там уж найду я.

— Ладно, непременно забьют, вот спасибо тебе, помог ты мне! Так ведь и прикончил бы меня медведь, а теперь вот радуюсь я!

Потом песец сказал:

— Ну что ж, идем — я в свое жилище, а ты — в свое!

Вот и пошли они, каждый в свою сторону. Ну и бежал к своим мальчишечка, со всех ног бежал! Прибежал, наконец, в стойбище к людям... Окружили его люди, спрашивают:

— Откуда ты?

Начал рассказывать мальчик. Про все рассказал, что песец говорил: про мать и отца рассказал, про то, как у медведя жил. Тут только поняли люди... Медведь это мальчика вырастил, оканчивается!

Вот уж радовались все, и отец его радовался тоже. Уж очень похож был на отца мальчик!

Потом и оленя большого забили песцу за помощь.

Все.

Миф
о женщине
и тюлене

Мужчина и женщина жили.

Однажды человек этот в море на охоту отправился. Когда ушел муж, вышла жена из шатра и к морю пошла на лед, к лунке, оленьи сухожилия вынесла промывать. Вдруг тюлень из лунки выскочил, женщину за край одежды схватил и в воду утащил...

Вернулся с схоты муж, а жены нет... Всю ночь шаланил человек, в бубен бил, — нет, не смог найти.

Назавтра, когда вышел из шатра человек, песца увидел. Спрашивает песец человека:

— Случилось что у тебя?

Сказал человек:

Жена у меня пропала.

Говорит тогда песец:

— Завтра вместе поищем лунку на льду — там она с тюленем. Жену твою тюлень себе в жены взял.

Вернулся человек в шатер и тюленью сеть, самую крепкую, изготовил.

Назавтра отправились они с песцом в море, к лункам, тюленью сеть ставить. Каждую лунку обнюхивал песец. Остановился потом у одной, обнюхал ее — сильно пахло оттуда! Говорит песец:

— Здесь ставь!

Поставил там сеть человек. Сказал тогда песец:

— Если попадет в сеть самка тюленья, сними шкуру с нее. Потом собаку освежуй, еще у живой сердце вынь и на эту самку тюленью положи, а сам выйди. Пусть там побудет.

Пошел назавтра человек сеть смотреть. А там уже большая самка тюленья попала...

Приволок он ее в шатер, шкуру с нее снял, потом собаку внес, сердце еще у живой вынул, освежевал и на тюленью самку положил. Сам наружу вышел. А потом, когда снова вошел, вдруг окликает его жена.

Говорит человек:

— Что за диво! Куда же это ходила ты?

Сказала женщина:

— Меня тюлень к себе утащил.

Лживый шаман

Рассказывают, как в одном стойбище заболела девушка молодая. А уж какая добрая девушка, да работающая какая! Отец, мать и братья младшие горевали сильно, жалели очень ее...

(Предание)

А там, недалеко, будто жил шаман один в стойбище маленьком. Вот отец девушки и говорит своим:

— Горе-то какое, что делать будем? А ведь здесь недалеко, в стойбище маленьком, шаман живет, позвать его можно.

Жена сказала:

— Ой, позови, приведи его. Может, вылечит ее!

А братишки младшие плачут, сестру жалко им. Пошел отец к шаману. Пришел в это стойбище маленькое. Встречают его:

— О, пришел!

— Да вот пришел!

— Наверно, надо что тебе?

— Да так и есть, очень надо! Говорят, шаман здесь живет! Где же шатер его?

— Да вон там, поближе к заднему шатру!

Пошел туда. Вошел в шатер, где шаман жил. Слышит, как из полога спрашивают:

— Пришел кто?

— Да вот пришел!

— А-а-а, гость вон пришел, чай готовьте!

Стали чайник кипятить для гостя. А пока чайник закипал, разговор начали. Спрашивать стал хозяин гостя:

— Откуда пришел?

— Да из дому пришел.

— Уж верно, надо что тебе?

— Да вот беда — дочь у нас заболела сильно.

— Вот как?!

— Потому и пришел тебя позвать.

— Ага, ну что ж, схожу к вам и больную вылечить постараюсь!

Как чай пить кончили, так и отправились.

Пришли. Сразу к больной подошел шаман:

— Где болит у тебя?

— Да вот здесь, спина...

Как только стемнело, сразу в бубен стал бить шаман. Вот уж духов-келе он и звал, и говорил с ними, и кричал что-то, и в бубен бил сильно! А больную перед собой положил, над ней в бубен бил и духов звал...

Назавтра очень рано проснулся шаман, темно еще было. Разбудил больную и в темноте снова стал в бубен бить над ней, по-всякому шаманил... А потом, когда уже не одна ночь так прошла, говорит шаман:

— Ну, мне уходить уже надо! А дочь ваша за два дня поправится, через два дня здорова будет!

Потом еще сказал шаман:

— Вот, вылечил я ее, только плату осталось с вас получить.

Говорят ему хозяева:

— Дадим мы плату, дадим!

Наконец уходить собрался шаман. И отдал ему хозяева важенку, самую крупную и жирную, да еще и оленя упряжного.

А тут совсем немного времени прошло, и олени гонки на легковых нартах начались, со всех стойбищ собрались люди на олени гонки. А девушка эта еще сильнее заболела, совсем плохо ей стало! И вот как раз, когда еще гонки олени шли, умерла девушка... Оказывается, и не вылечил ее вовсе шаман...

И на олени гонки шаман этот не приехал. Так и скрылся куда-то совсем. Может, укочевал куда подальше...

Ну как, ведь и верно, что лживые эти шаманы, очень лживые?!

Шаман-
обманщик

(Предание)

Давно это было. Сам о себе говорил он:

— Я сильный шаман. Если заболит кто, за мной посылайте!

Постоянно всем твердил он:

— На другой же день приходите за мной! С мясом все приходите! Смотрите! Если хоть один без мяса явится, кто-нибудь умрет в его семье.

На другой же день стали приходиться. Все с мясом идут.

Как-то у одного сын заболел. Назавтра за шаманом пошел.

Говорит:

— Вот беда, сын заболел.

Спрашивает шаман:

— А заплатите мне?

— Заплатим, заплатим!

Назавтра пошел к ним шаман, а больному хуже стало. Шаман в бубен стал бить. Пока в бубен бил, скончался сын. Тут отец говорит:

— Ой, смотри, умер ведь!

Шаман спрашивает:

— Умер?

— Да умер уже, говорю!

— А я скажу, почему мальчик умер, послушайте! Еще не призвал я духа своего шаманского, еще не явился он. Потому и умер мальчик. Если бы явился, не умер бы.

Хозяин спросил шамана:

— А теперь сына не можешь вернуть?

— Не могу.

Спрашивает хозяин:

— А платить я тебе должен?

— А как же, должен, должен! Если не дашь ничего, второй сын умрет, — отвечает шаман.

— Ну что ж, тогда дам! — сказал хозяин.

И дал шаману пять оленей, двух собак, три шкуры волчьи. Шаман к себе отправился.

Потом у того человека второй сын заболел. Опять пошел он за шаманом. Пришел тот, в бубен стал бить. Потом сказал:

— Завтра поправится. Плату давай!

— Ладно, дам.

Еще больше прежнего дал ему. Ушел шаман. А когда ушел — умер второй сын... Отец сказал:

— Вот беда! Нет сыновей больше!

А потом и дочь заболела. Снова к шаману пошел, говорит:

— Вот теперь дочь заболела.

Снова пришел шаман. Опять в бубен стал бить, сказал потом:

— Поправится она.

Отец говорит ему:

— А если поправится должна, уходи тогда.

— Сейчас уйду, только плату давай!

Тут и сказал ему хозяин:

— Ничего я тебе не дам, все только обманываешь ты!

А шаман говорит:

— Ну тогда вы все перемерете тут!

Разозлился шаман. Так и ушел ни с чем.

И ведь никто не умер. С тех пор шамана того плохим человеком считать стали. Говорили люди:

— Этот шаман большой обманщик, лжет все и только разбогатеть хочет.

Все возненавидели его.

Вот так прежде шаманы старались разбогатеть.

Миф
о четырех
братьях

Мать умерла, потом и отец. Дикого оленя били летом братья. Когда оленину варили, в котле оставляли мясо вареное и жир. А как с охоты приходят — жир тронут уже и мяса меньше в котле...

Сказал тогда старший брат:

— Кто же мясо поедает? Как на охоту пойдем, пусть останется один. Подстережем того, кто приходит, когда нет нас.

Ушли братья дикого оленя добывать, а один, четвертый, остался. Самому младшему остаться велели. В шатре у входа спрятался человек.

...Уже полдень настал. Вдруг у наружной стены тень мелькнула... Притаился человек, ждет. Думает: «Этот и приходит, наверно».

Вдруг скелет вошел — женщина это, оказывается, да только скелет... Бросился человек на нее! Бороться схватились! Заговорил вдруг скелет:

— Лучше в жены возьми меня! Ведь совсем одни вы, братья, живете, плохо вам одним! Хоть помогать буду.

Вот уж наварил тогда дружок наш сленины побольше и скелет этот мясом обложил, а сверху и жиром еще! Потом сказала женщина:

— Теперь отвернись, а как скажу, так сразу ко мне поворачивайся!

Отвернулся человек — говорит ему женщина:

— Ну, теперь посмотри на меня.

Как глянул на нее — ох, какую женщину увидел! Сказал человек:

— Возьму тебя в жены!

Взял ее в жены.

Еще не пришли охотники, а женщина стала уже мясо варить. Пришли с охоты те трое. Вышла к ним женщина из шатра. Вот обрадовались братья! В шатер вошли. Самый старший захотел себе ее в жены взять. А младший, тот, что первый ее увидел, рассердился...

Снова втроем на охоту братья пошли, а младший остался. В пологе женщина шкуру ногами мала. Влез в полог младший, говорит ей:

— Лучше моей женой будь!

— Нет, не буду! Отстань ты! — женщина крикнула.

Доску для кройки шкур схватила да как замахнет на него — навзничь вдруг упал человек... Насмерть пришибла, оказывается!

Быстро в шкуры завернула, ремнями связала, из шатра вытащила и наверху, где шкуры лежали¹, спрятала.

Пришли братья с охоты, спрашивают женщину:

— А где младший наш?

Отвечает женщина:

— Да прямо следом за вами пошел.

Теперь другой брат остался — самый старший. Стал тесать под навесом, где шкуры лежали. Вдруг на голову капнуло что-то. Вытер, посмотрел — кровь... Думает про себя: «Откуда это?» Снова тесать стал — опять капнула кровь. Тогда шкуры наверху разобрал и там брата младшего увидел... Прикончила, значит, его женщина эта! Молча обратно в шкуры его завернул, там и оставил.

Другие братья пришли когда, сказал им тихо:

— А ведь, наверно, женщина эта прикончила его.

¹ Имеется в виду деревянный навес для хранения шкур.

Назавтра все трое на охоту ушли. В тундре яму большую выкопали. Весь день потом червей собирали. И в яму эту бросали. Стали там черви быстро расти. Вот уже как собаки, большие стали...

На другой день сидит женщина в шатре, на изголовнике, шьет. И вдруг на руке паучка маленького увидела. Сказала женщина:

— Что это бегают они тут?

А паучок заговорил вдруг:

— Да вот тебя пожалел, потому и пришел. Слушай, что скажу: выкопали для тебя в тундре яму глубокую. А завтра как скажут: «Диких оленей много идет, стук копыт слышен, сходим туда!» — так сразу и отвечай им: «Погодите, оденусь вот! А пока перчатки эти обрядовые примерьте!»¹

И ведь верно, назавтра, как пришли с охоты, говорят ей:

— Диких оленей много идет, сходим туда!

Отвечает им женщина:

— Погодите, оденусь вот! А пока перчатки эти обрядовые примерьте!

...Потом смотрят они, а женщина вдруг вверх поднимается... Бросились к ней, схватить хотели — не смогли достать! Высоко поднялась.

А это паучок вверх ее поднял, оказывается...

¹ Перчатки из самодельной оленьей замши, имитировавшие лапу зверя или птицы и употреблявшиеся в прошлом чукотскими охотниками для совершения обрядов и обрядовой пляски, а также для ловли оленей арканом во время обрядовых праздников.

Вэгретэм — это имя человека одного. Уж очень скупой он был и всегда один жил. Никакого жилья близко не было, потому что боялся Вэгретэм, как бы не приехали вдруг гости откуда. Вот чего боялся он, потому как скупой был очень. Однако двух жен имел. Был он еще молодой совсем, но вот усы росли уже, и потому старше выглядел он.

Как-то одну жену он с собой в стадо взял. Весна ранняя уже наступала, и важеньки телиться начали. И там, около озера, где стадо паслось, костер они разожгли. А это у подножья горы было, и стадо на склоне горы паслось. Стали они мясо варить на том самом месте, где раньше стойбище было и праздник рогов справлялся. Там, где прежде шатры стояли, много рогов оленьих осталось.

Муж лежит, а жена мясо варит. Пошла жена дров поискать, по склону горы поднялась. Набрала женщина дров и вниз к мужу спускаться стала. Идет она и в снег проваливается, а солнце сильно пригревает. Вдруг нога в снег провалилась, да глубоко так! Никак вот не вытащить ногу! Там, под снегом, схватил ее

за ногу кто-то... Изю всех сил потянула женщина ногу и с ногой медведя вдруг вытащила из-под снега — так прямо с ногой и вытащила... Как увидела женщина медведя, так сразу бежать бросилась вниз, к мужу. А кричала-то как:

— Ой-ой, смотри, что это там, под снегом!!!

Как вскочит тут муж спросонок:

— Где?! Что?!

— Да вот он!..

И как начал дружок Вэгретэм в медведя того оленьими рогами кидать, так прямо в лоб и попал ему рогами старыми. Так напугал медведя, что тут же убежал медведишка. Потом к себе отправились они, в шатер свой вернулись.

Вот уже и таять начало, снег стал сходить. Совсем никаких соседей не было кругом, да и каждый год без соседей жил Вэгретэм. Река уже разлилась. Весна наступила.

На летнее пастбище собрался Вэгретэм. Забил оленей на мясо про запас, женам оставил, а потом погнал стадо на летнее пастбище и сам со стадом ушел. Совсем одних жен оставил. А одна жена беременной была.

Рыбу они летом ловили, женщины эти... И вот однажды ночью шум какой-то услышали они со стороны навеса высокого, где мясо вялилось. А мяса там много было. Назавтра осмотрели женщины навес, а там уже мяса сильно поубавилось, сожрано будто!

Как-то опять легли они спать, когда стемнело, а проснулись — уже совсем не осталось мяса, все сожрано!.. Вот уж испугались женщины!

В другой раз ночью кто-то стенку шатра рвал — только треск шел. Оказывается, медведи это... Со страху не знали что делать женщины. Наконец совсем без мяса остались они — все растащили медведи.

А однажды, когда стемнело, у самого шатра стали медведи мясо искать, сильно скреблись под стенкой — ничего не нашли. И вдруг один медведь в шатер забрался и к пологу полез, за ним другие. Оборвали медведи полог, схватили женщину беременную и выволокли ее из шатра. Сильно кричала она...

Утро наступило. Другая женщина теперь совсем одна осталась. Подумала она и место на перекладинах шатра, над самым входом, устроила себе. Ягодных веточек насобираала и наверх туда забралась. Спряталась там.

Стемнело уже. И вот опять влезли в шатер медведи, а она там сидит наверху, притаилась. Снова начали искать поживу медве-

ди — ничего не могут найти. А один уже обратно к выходу полез. Тут женщина веточку ягодную зажгла и кинула в медведя, когда он из шатра вылезать стал. На спину ему пламя упало — и загорелся сразу, запылал весь медведишка этот... Бросился он удирать, выскочил из шатра, но скорчило его огнем, и свалился медведишка тут же.

А другой и не видел совсем, как горел дружок его. Кончил свои поиски, не нашел мяса и стал из шатра вылезать этот медведь. Снова зажгла женщина веточку, побольше уже пламя было — подожгла и этого. Подальше там свалился зверь. И этот медведишка жадный тоже сгорел.

А тут, наконец, и Вэгретэм вернулся с летнего пастбища со стадом своим. Вот уж бранить стала его жена:

— Зачем пришел? Чего тебе надо еще?

— К себе же вернулся. А где другая жена?

— Медведи сожрали. Одни ведь тут живем из-за скупости твоей. Я сама еле спаслась. Беда нам с тобой!

Стали жить дальше. Осень наступила. Покочевали потом. На стоянку у евражских нор остановились. А на том месте как раз покойник лежал...¹

Вэгретэм к тому же еще и дурным был — все не так делал. Установили они шатер. Толстую палку взял Вэгретэм и пошел туда, где покойник был, а там только череп круглый лежит. Ударил он по черепу и разбил его...² Потом в шатер вернулся.

Темнеть стало. Ушел на ночь к стаду Вэгретэм, а стадо недалеко от шатра паслось. Женщина одна в шатре осталась.

Совсем стемнело. Женщина не спала еще. Вдруг зашумело что-то у входа в шатер. Прислушалась женщина. Снова зашумело. На шатер кто-то забрался, оказывается... В дымовое отверстие голову просунул и говорит оттуда:

— Хозяин есть тут? Кто мою голову разбил?!

А голосище скрипучий... По самые плечи просунулся и опять кричит:

— Хозяин есть?! А-а, молчите!

Вывалился из дымового отверстия, прямо на полог рухнул сверху...

— Где хозяин? А-а, нет никого!

Передний край полога поднял, внутрь заглянул. Сильно пере-

¹ По древнему способу захоронения чукчи оставляли покойников в тундре, прямо на земле.

² То есть совершил действие, запрещенное древним обычаем.

пугалась женщина, так и застыла на месте... Начал спрашивать тут каляйнин этот:

— Где голова моя? Кто разбил ее? Ну, говори!

Стала женщина говорить:

— Не я это сделала! Мой муж это сделал, потому как дурной он совсем, да еще и скупой очень, плохой он!

Поносила так мужа женщина, а потом и говорит каляйнину:

— Вот уж пропаду я совсем, если живой меня здесь оставишь!..

Сказал каляйнин:

— Ну что ж, идем к нам! У нас хорошо тебе будет.

А это и не каляйнин был вовсе, а покойник тот... Так и увел он женщину из шатра.

Назавтра, когда уже светать стало, вернулся в шатер Вэгретэм. Пришел, а жены нет в шатре. Стал повсюду искать ее — не мог найти. Тогда на горку пошел — там она лежит. Глянул, а она мертвая уже... Не забрал он ее оттуда, а сразу бегом к шатру кинулся. Быстро шатер разобрал и покочевал на оленях подальше от этого места Вэгретэм.

Долго он кочевал так. Остановился уже, когда темнеть начало. Быстро шатер поставил, торопился очень. И тут вдруг крик слышит сзади, с той стороны, откуда прикочевал он:

— Вэгретэ-эм! Вэгретэ-эм! Где ты-ы-ы?!

Показались вдруг два человека, но только ремнями обвязанные¹. Долго гнались они за Вэгретэмом, преследовали его...

— Вот и настигли мы тебя, скупец Вэгретэм!

А сами толстые палки в руках держат. Подбежали и тут же прикончили Вэгретэма. Зачем скупым был!

¹ В прошлом чукчи обвязывали ремнями покойников при захоронении. В данном случае это «покойники», явившиеся наказать человека, который из-за своей скупости селится подальше от людей и даже возле захоронения, то есть в запретном месте.

Этот Нанкитэмтэн всегда только при стаде оленьем жил. Не было шатра у него, не было жены — совсем один жил при стаде. И уж очень бедно жил: ни ножа, ни аркана, ни котла, ни копыя не было у него. Только стадо большое.

И вот Нанкитэмтэн — Подтягивающий Живот — это имя его — уж очень сильно наедался, когда голодным был. Тогда он, как темнеть начинало, оленя забивал, прямо на бегу оленя хватал. А уж быстрым каким был Нанкитэмтэн и ловким! Прямо на бегу хватал он оленя, руками душил его и ноги ломал. Костями ног оленьих тушу разделывал. Потом желудок олений очищал, водой наполнял и на камень плоский укладывал.

Так и варил мясо Нанкитэмтэн в оленьем желудке на камне плоском¹. Всю тушу оленью так по частям и варил. Потом ямку рыл — для живота место делал. На живот ложился и есть начинал. Всю тушу за раз съедал! Живот у него раздувался сильно, большим становился. Потом вставал и ремнем подтягивал живот.

¹ Варка мяса в оленьем желудке или поджаривание на раскаленных камнях — древний способ, которым пользовались чукотские пастухи, уходившие со стадом на летние пастбища.

А если долго без еды был он — сильно уменьшался живот. Когда опять наедался, то снова раздувался живот. Потому и подтягивать приходилось. Вот так и жил дружок Нанкитэмтэн.

И вот однажды, когда уже темнеть стало, снова забил он оленя. Когда мясо варил, свет от костра далеко видно было. А стадо поблизости лежало. Вдруг грозный клич раздался: «Ав-ач! Ав-ач!»

Сразу же заспешил Нанкитэмтэн. Быстро из старой одежды два чучела сделал, ягодными веточками их набил, из оленьих легких лица сделал. Потом посадил подальше эти два чучела с лицами из легких оленьих.

Уже подходить стали — оказывается, враги это. А стадо по-прежнему там же лежало. Пошел тогда прятаться в кусты Нанкитэмтэн.

Вот уж стреляли они из луков в чучел сидящих! Стрелами из луков били по чучелам, но никак не могли свалить их, думали, что люди это. Никак убить не могли. Подошли, наконец, к ним и видят — чучела это, ягодными веточками набитые...

И вот подошли враги к тому месту, где Нанкитэмтэн жил. Говорят между собой: «Где же это хозяин здешний?» Друг друга спрашивают. А потом говорят: «Да, наверно, нет хозяина. Ну и большеющее же стадо какое, а без хозяина! Тогда себе возьмем, раз нет хозяина. Завтра же угоним стадо!»

И решили они завтра же стадо угнать.

Вот успокоились уже враги и за еду принялись. Как есть кончили, тут же спать завалились. Оружие свое все в одном месте в кучу сложили, а сами уснули крепко.

И вот тогда Нанкитэмтэн подкрался к спящим. Крепко спали враги, руки раскинув. Оружие их, в кучу сложенное, все в чашу перенес Нанкитэмтэн, а одно копые себе взял.

Потом к спящим подобрался с копьем в руках. Сильно храпела вражья ватага. Грозно крикнул он им:

— Ав-ач, вражья сила!

Ну и повскакала вражья сила! Кинулись спросонок копыя искать, а нет их, найти не могут. Тут-то и стал бить копьем врагов растерявшихся Нанкитэмтэн! Всех там перебил.

Так дружок Нанкитэмтэн и добыл себе оружие. А враги теперь отомстить ему собираются за то, что их отряд перебил.

...Темнеть уже начинало, когда вдруг снова раздался крик — это из-за перевала враги показались. Большой отряд шел с горы. Грозно кричали враги:

— Ав-ач, Нанкитэмтэн!

А Нанкитэмтэн, дружок, очень спокоен был, не испугался нисколько, к битве уже готовился, снаряжался не торопясь.

И вот набежали враги сразу, много их было. Окружили они Нанкитэмтэна со всех сторон. А Нанкитэмтэн как стал тут копьём своим размахивать! И копьём так размахивая, вдруг вверх поднялся Нанкитэмтэн...¹

Много, очень много врагов, большой был отрядище! Но пробился окруженный врагами Нанкитэмтэн! Вот тут-то и начали они сражаться, на копьях биться! И вот опять перебил Нанкитэмтэн вражеский отряд...

Очень сильным стал теперь Нанкитэмтэн и очень ловким. Так и дальше жил. Хоть и снова нападали на него враги потом, не раз нападали, но никак не могли убить.

Однажды на гору пошел в дозор Нанкитэмтэн и вдруг женщину под горой увидел. Спрашивает Нанкитэмтэн женщину:

— О, что делаешь тут?

— Да ничего.

— Откуда же ты?

— Да нет у меня жилища.

— Вот как? Жилища нет. А где родители твои или же братья?

— Да никого нет у меня, совсем одна я.

— Вот как? Нет никого. А где, однако, живешь ты?

— А в тундре живу.

— Да ну? Вот как! В тундре живешь. А чем же кормишься ты?

— Растения собираю или же рыбу ловлю. Так и кормлюсь.

— Да ну? Вот как!

Нанкитэмтэну очень жалко стало женщину, говорит он ей:

— Теперь вместе жить будем, потому что и у меня нет никого. Раз у тебя тоже нет никого, тогда вместе жить станем.

Очень обрадовалась женщина. Потом к стаду они пошли.

Так и стали жить там. Уже и шатер поставили. Вот и сына родила жена. Мальчика родившегося назвали Умильгу. А потом, когда уже семь лет было Умильгу, еще один мальчик родился.

Мальчики эти подросли и уже в тундру ходили вдвоем. Далеко в тундру ходили сыновья Нанкитэмтэна, а отец теперь всегда при стаде оленьем оставался.

¹ Герои чукотского эпоса — «сильнейшие», как их называли по преданиям, так ловко и с такой быстротой умели размахивать копьём, что только от одних взмахов копьё поднимались в воздух и сверху били врагов.

И вот Умильгу почти юношей стал, а младший брат — уже подросток. Младшего брата звали Тутылькут. Оказывается, силу набирали они, сильными стать хотели.

Потом, как подрос Тутылькут, уже юношей стал, говорит ему Умильгу однажды:

— Ну теперь порознь упражняться будем, чтобы ловкими стать.

— А почему так? — спрашивает Тутылькут.

— Потому что легче так.

— Ладно!

И тогда порознь упражняться стали. Ох и подолгу в тундре пропадали, совсем редко теперь к своему шатру, к родителям своим, возвращались.

И вот как-то раз сказал Тутылькут старшему брату в тундре:

— А ведь догнал я тебя, наверно, братишка!

— Догнал? Вот как! Догнал, говоришь?

А Умильгу уже очень сильным и ловким стал, вот потому и сказал он младшему брату:

— Ну нет, не мог ты еще догнать меня.

Но Тутылькут опять стал говорить старшему брату:

— Да правда, догнал ведь я тебя. Уж очень хочу побороться с тобой!

— Да не сможешь! Еще мал ты.

— Уж очень хочу я померяться силой с тобой!

— Да нет, нельзя нам еще с тобой силой меряться. Вот потом, когда сильнее станешь, тогда попробуем. Не хвались, лучше дальше упражняться будем.

И пошли они порознь, в разные стороны.

А как снова встретились в другой раз, опять говорит младший брат:

— Очень хочу с тобой силой померяться!

Спрашивает старший:

— А ты ни с кем еще не боролся?

— Да вот только с диким зверем.

— С каким зверем?

— Да с медведем бурым!

— Ну уж слишком слабого противника берешь.

— Разве? А какого же мне еще противника брать?

— А тебя враги не достигали еще?

— Нет. А тебя?

— Да я-то часто с врагами сражаюсь.

- Один?
- А как же еще?
- Однако не убили же они тебя!
- Ну что ж!
- А помногу их бывает?
- Другой раз прямо отрядами настигают меня.
- Ого! Значит, не могу еще бороться с тобой!

И снова разошлись в разные стороны братья.

Долго не встречались они. И вот однажды опять встретились. И опять стал упрашивать младший брат старшего. Говорит ему:

— Ну уж теперь, наверно, догнал я тебя.

Подумал Умильгу: «Ну что ж, пусть померяется силой со мной, не буду больше отказываться».

А братишка младший опять говорит:

— Ну пора, Умильгу! Уж, наверно, теперь догнал я тебя, давай поборемся!

Сказал Умильгу:

— Ну что ж, давай!

И вот начали они бороться...

Почему же так упрашивал старшего брата Тутылькут? Да потому, что несмышленым, глупым он еще был.

Стал бороться с ним старший брат. И правда, сильно окреп Тутылькут, в силу уже вошел. Так упирался, что ноги в землю, как в снег, погружались...

Взял Умильгу его за шею и стал тянуть к себе. Ох и сильно сопротивлялся Тутылькут, братишка младший! Вдруг хрустнуло что-то, и тут же упал младший брат. Оказывается, ногу в суставе вывихнул...

Ох и растерялся Умильгу! Уж очень жаль ему стало братишку глупого.

Потом к шатру принес его из тундры на себе. Спросил отец Умильгу:

— Почему расшибся младший?

Молчит Умильгу. А младший говорит:

— Да сам я так сделал.

— А почему так сделал?

— Да уж очень старшего брата в силе догнать хотелось. Поборолись с ним в тундре и вот ногу вывихнул.

— А почему с братом старшим борешься?

— Да думал я, что достиг уже в силе старшего брата.

Сказал тогда отец:

— Ну делайте, как знаете, уже свой ум имеете.

Потом снова ушел Умильгу в тундру. А младший брат в шатре остался. Долго болел Тутылькут.

Наконец поправился Тутылькут. И сразу же в тундру ушел. Вот уж долго упражнялся Тутылькут, чтобы сильным стать.

И, наконец, снова встретились они со старшим братом. Очень обрадовался старший брат:

— Ну что, поправился уже?!

— Да вот поправился!

Сказал тогда Умильгу младшему брату:

— Ну теперь вместе будем ходить!

— Эге, а почему так?

— А потому что беда, враги ищут нас!

— Да ну? Вот как! Ищут нас? Откуда же это узнали они про нас?

— Недавно восемнадцать врагов убил я, и потому ищут они нас. Только вот одного, предводителя их, сильнейшего, не сможем одолеть, наверно,— уж очень силен¹. Вот его-то и будем искать. А пока на дозорную гору пойдем, посмотрим оттуда.

Отправились на дозорную гору братья. И там в засаду засели у подножья дозорной горы.

Вдруг видят — один вражеский дозорный на гору, как чайка, поднимается, а сам в одежде белой. Дозорный этот совсем юноша, но уже быстрый и легкий в беге. Человек тот побыл там немного и ушел.

Потом еще другой человек на дозорную гору поднялся. Говорит тогда младший брат старшему:

— Пора, может, нападём на этого!

Сказал ему Умильгу:

— Погоди, совсем не тот это!

Тихо разговаривали они. Опять говорит младший брат старшему:

— Пора, что же не нападаем мы?

— Да ведь совсем не тот это!

Наконец, ушел дозорный.

И вот вдруг какой-то большой подходить стал, здоровенный

¹ В данном сказании врагами героя являются коряжские воины, и в частности, их предводитель.

такой мужичина, — ну прямо медведь! Вот уж перепугался братишка младший! Говорит ему Умильгу:

— Ну теперь уж, верно, тот самый пришел, которого ищут я. Сильно напугался младший, говорит старшему:

— Прикончат ведь тебя тут!

— Ну и пусть!

Потом сказал он младшему брату:

— А ты здесь побудь, пока биться мы будем. Если убьет он меня, смотри не вздумай показываться, спрячься здесь получше! Вот как уйдет он, тогда только к отцу отправляйся и расскажи все.

И вот только поднялся на дозорную гору вражеский предводитель, пошел на него Умильгу с копьем. И тут стал говорить ему предводитель вражеский:

— Ого, пришел!

— Да вот пришел!

— Ну что ж, вот и встретились!

— Да, вот и встретились!

Начал тогда спрашивать Умильгу враг этот сильнейший:

— Как зовут твою жену?

— Мою жену зовут Нываннавйт — Вернувшаяся.

— Вот как! Значит, живым вернешься.

— А твою как зовут?

— А мою жену зовут Эвкавнонау — Вытянутые ступни.

— А ты, значит, протянешь ноги.

И сказал тогда Умильгу вражескому предводителю:

— Ну пора, начнем, раз уж встретились!

И начали они тут на копьях биться. Весь день бились. Еще утром начали сражаться. А вершина дозорной горы очень острая была! И весь день бились так на копьях Умильгу и вражеский воин сильнейший!

Но вот, когда уже солнце садилось, вдруг в рукав свой попал древком копья вражеский воин и тут же упал... Потом говорит:

— Ну вот и сразил, одолел ты меня. Добей же теперь! На беду родила меня корякская женщина широкорукавным!¹

И прикончил тогда Умильгу вражеского предводителя копьем.

Этот предводитель вражеский повсюду оленьи стада отнимал, сам был очень силен, да и отряд имел большой, много людей в его отряде было, очень много. Ох и богатым же был этот враг

¹ Коряки, в отличие от чукчей, носили одежду с широкими рукавами.

сильнейший, потому что везде оленей отнимал, а воинов себе силой набирал из бедных людей.

И все-таки одолел его дружок Умильгу. Когда бились они на копьях весь день, так обессилел вражеский предводитель, что даже язычище у него вывалился.

Потом спустился Умильгу вниз к брату. Нашел младшего брата старший и говорит ему:

— Ну вот и прикончил я этого врага-насильника, что у бедных людей повсюду оленей отнимал.

Потом к родителям вернулись братья. Отдохнули они там немного и снова вдвоем в тундру отправились.

* * *

А в ту пору как раз братья двоюродные искали их и вот нашли, наконец. Один их братец двоюродный уж очень ловок и силен был, а звали его Пэркыё.

Был у них и предводитель, называется. А вот его имя — Вэтхаучомылё. Жили они в горах, на самом перевале.

И вот пришли к ним Умильгу и Тутылькут. Сразу узнал Вэтхаучомылё племянников своих. Сказал им:

— О, пришли!

— Пришли вот!

Говорит им Вэтхаучомылё:

— Здесь побудьте у нас, а то ведь ищут враги тебя, Умильгу! Скоро уже придут сюда отомстить тебе.

— Ладно! — сказал Умильгу.

И тогда к сражению подготовилась та дружина¹ Пэркыё.

— Долго же, однако, не идут эти враги мстить, — говорит, наконец, Умильгу предводителю дружины Пэркыё, — тогда я сам пока на дозорную гору схожу посмотреть.

— Ну что ж, сходи посмотри, может, и идут уже, — сказал Пэркыё.

Ушел Умильгу на дозорную гору. И там, с дозорной горы, смотреть стал.

И вдруг как раз, когда солнце садилось, караван кочевой из упряжек оленьих вдали показался, да длинный какой... Спрятался тогда дружок Умильгу, а уже темнеть начинало. И вот у са-

¹ В переводе с чукотского это «отряд товарищей», то есть отряд, состоящий из воинов, объединенных родственными связями в совместной борьбе с коряками за оленьи стада.

мой дозорной горы темнота застигла врагов. Там и шатры раскинули они.

А потом, как уже совсем стемнело, пошел Умильгу к вражеским шатрам. Тихо подкрадывался к шатрам Умильгу. Незаметно подкрался, наконец, к самым шатрам подобрался, да так, что и не чуяли ничего враги. И вот подслушивать стал он под самой стенкой шатра. Говорят там в шатре: «Ну что ж, пора! Сегодня ночью врасплох захватим людей Умильгу!»

Отомстить они собирались Умильгу за то, что одолел и прикончил он самого сильного их предводителя.

«А теперь они там все спать завалились, эти люди Умильгу!» — громко гогорили в шатре собравшиеся, много их было. Когда говорить престали, ушел потихоньку Умильгу к своим. Сказал им:

— Так вот, сегодня ночью напасть на нас собираются враги!

— Вот как, вот что задумали! А где засели они?

— Здесь, внизу, у нашего ущелья затаились. Слышал, как говорили, что сегодня придут сюда.

Тогда сказал своим людям Вэтхаучомылё:

— А ну быстрее собак ездовых притащите! Одни у шатров пусть засядут с собаками, другие там пониже должны укрыться и тоже с собаками! А остальные пусть еще дальше засядут!

По обе стороны ущелья засели они с собаками.

И вот видят, караван в темноте идет. Ох и длинный караванище шел на подъем в ущелье!

Как мимо внизу засевших стал проходить караван, так сразу собак пустили на них те, что внизу засели. Ну и бросились собаки свирепые на караван! Ринулся караванище прямо вперед! И начали тогда отовсюду собак пускать. С громким лаем бросились собаки на оленей и на людей!

Сбился тут в кучу караван, и почти все войны вражеские сами копьями закололись, только немногие остались в живых. Взяли их победители в свою дружину.

И стали они жить дальше. Всегда они в тундру ходили, по-прежнему состязались в беге.

Сказание
о Кунлею
и его отряде

И вот, наконец, как рассказывают, поселились все вместе они, люди эти оленные. Одним стойбищем большим поселились кочевья эти. Много, очень много шатров поставили рядом. А стадо оленье у них такое большое стало, что само, без пастухов, паслось — очень уж много оленей там было!..¹

И ведь долго стояли рядом кочевья оленные, долго так вместе жили все эти люди — много людей оленных! Да вот был там один, имя его Мотлинто — Кровопускатель. Человек тот к большой беде приведет...

Однажды, когда стемнело уже, пошел меж шатров Мотлинто этот самый и у каждого шатра к голосам прислушивался. Вот у шатерчика одного маленького, у самого бедного шатерчика вдруг прислушиваться стал... А в шатерчике этом двое детей маленьких да отец их. Ели они перед сном, похлебку из крови оленьей ели... Отец детишек этих бедных малоолненным был. Постоял тут Мотлинто и вдруг обратно к себе в шатер пошел... В шатер вошел и сказал:

¹ В этом сказании отражен тот период XVIII века из истории межплеменных чукотско-корякских войн за оленьи стада, когда уже наступали перемирия. Здесь, в начале повествования, речь идет о том, как группы враждовавших племен замирились и поселились рядом одним большим стойбищем.

— Говорят, вот-вот оленей своих из стада отбивать люди станут... А ну скорей разберем шатер и на ту сторону, за горы, подалее скроемся!

Поспешно разобрали они шатер и от того стада большого часть оленей отбили. Быстро отбили оленей, почти самцов одних. И сразу же покочевали на ту сторону, за горы, туда, где стойбище мало совсем. Сам Мотлинто остался еще, спрятался здесь, чтоб не видел его никто... А как полночь наступила, вот уж стал дружок этот Мотлинто орать у шатров изо всех сил:

— Эй, эй! Слышите?! Эй! Люди оленей своих отбивать собираются, отбивать, говорят, надо скорей! Вон соседи эти наши, рядом живущие, поговаривают уже: «Хорошо бы, — говорят, — побольше оленей теперь захватить!»

А на самом деле ничего ведь не было этого — все врал Мотлинто, обманывал людей своих Кровопускатель этот!

Как поднялось тут все стойбище от криков Мотлинто, как всполошились тут люди оленные! Из шатров выскакивают, бегут со всех сторон, кто с копьем, кто с луком... Страшное пошло побоище — насмерть люди бились! Вот уж быстро расхватили то стадо большое, отбивали оленей всяких — кто сколько смог расхватывали! Немало людей побили — кого в стаде, кого у шатра...

Вот уже и шатров здесь не стало — быстро, очень быстро опустело стойбище это большое... А от стада того огромного так даже и одного оленя не оставили — всех расхватили, всех угнали. Однако один-единственный шатер остался все же на этом месте, где стойбище было большое. Как острый утес крутой стоит шатер тот, стоит как каменный, сильно, очень сильно укреплен — ни свалить, ни сломать его... А там, оказывается, люди укрылись, двое их там — старик с дочерью.

И тут враги вооруженные появляются вдруг — много врагов... Длинный ремень моржовый закидывают они на шатер этот сверху, чтоб свалить его... Захлестнули шатер длинным ремнем моржовым, тянут ремень враги, что есть силы тянут, но крепко стоит шатер — не свалить им его никак...

Тогда кричать стали они:

— Ну погоди! Никуда ты от нас не уйдешь, дружочек! Жаждой ведь замучаем тебя!

А старичок отвечает:

— Вдоволь мяса и воды у меня, не взять вам меня измором!

Перестали осаждать, надоело им. Еще крикнули старику:

— Все равно по-нашему будет, подохнешь тут!

— А вот и не будет по-вашему, ничего не выйдет у вас! У нас ведь еще и братья двоюродные в тундре похаживают, да только не найти вам их никогда!

Заговорили враги тогда меж собой:

— Ого, вот оно что! У них еще и братья, оказывается, есть. Да только где ж это они могут быть? — друг у друга спрашивают.

Ушли они, наконец, враги эти, братьев тех искать отправились. А старик с дочерью так и живут здесь одни... Но вот однажды, как темнеть уже стало, говорит старик дочери:

— Ну что ж, уходить нам теперь надо!

— А куда пойдем? — дочь спрашивает.

Ничего на это не ответил старичок, только еще раз сказал ей:

— Пора уже, идем скорей!

И вот вышли они, когда стемнело уже, так в темноту и вышли. Тихо было совсем, но сильно снег шел, большими хлопьями падал, и ничего не видно было впереди...

Долго так они шли, куда глаза глядят, а старик впереди был, все впереди шел. Так и не знала дочь, куда идут они. И вдруг пропал впереди идущий, что-то случилось с ним. Проглядела дочь, не могла понять, куда девался он. А когда стала смотреть, поняла, что со скалы он свалился. Спустилась дочь вниз, нашла старика, смотрит, а у него все кости перебиты... Говорит ей старичок:

— Иди вон в ту сторону, так вот и иди прямо, пока не увидишь там стойбище кереков¹. И как придешь туда, расскажи керекам, что с нами было, про все расскажи... А уж они к себе возьмут тебя, будешь жить у них хоть до самой старости... Ох-хо-хо, худо мне совсем, плох я, видно, уже не жить мне!..

Как сказал это старичок, так и умер тут же... Очень плох он был, расшибся сильно, все кости перебиты.

Так вот и осталась одна эта девушка — отец-то ведь умер. И пошла она теперь одна, пошла, как отец ее наставлял. Долго шла она так, очень долго, и не знала ведь еще пути, куда шла теперь, так наугад и шла...

Но вдруг человека увидела впереди, будто вышел откуда... И только увидела, как тут же скрылся человек тот, в шатер, видно, свой скрылся сразу, так быстро в шатер вскочил... Подумала тут девушка: «Откуда же взялся человек этот, что быстро так скрылся куда-то?»

¹ Керек и — родственное чукчам и корякам племя, обитавшее на побережье Берингова моря в южных районах Чукотки.

Пошла она тогда прямо к тому месту, где человека видела, хотя и побаивалась очень. А как подошла туда, поняла, наконец, что кереки это, стойбище их тут, оказывается...

...Долго расспрашивали кереки девушку эту. Стала она им рассказывать. Все рассказала, что было, — и как жили они с другими людьми оленными вместе, когда кочевья рядом стояли и стойбище было большое... И о братьях своих двоюродных рассказала тоже, только не знает она, где они.

Говорят ей тогда кереки:

— А мы твоих братьев знаем. Бывает, что и к нам заезжают они, когда мимо едут.

А потом спрятали у себя девушку люди эти.

И вот однажды ночью олени нарты вдруг закричали у стойбища кереков... А это Кунлелю со своими людьми, оказывается. Вот и сам он, Кунлелю, к шатрам идет. Спрашивает хозяев:

— Врагов не видели здесь нигде?

— О, да это ты никак?

— Да, я это!

— Да ну? Нет, этих самых не было еще пока. А вот сестра ваша здесь.

— О? Где же она?

— Да здесь она, у нас, только спрятана глубоко.

— Вот как! Посмотреть бы хоть на нее там... Уж очень хочется увидеть ее!

Спустились тогда они вниз все, в тайник, что вырыт был под землей в шатре...

Ой-е-ей! Вот так диво! А ведь и правда, хорошо там жилось ей, хоть и под землей. Да еще и под самым пологом было вырыто жилище это в шатре кереков. А светло как там было от жирников! Уже и с мужем жила она здесь. Вот уж красивый был муж у нее!

Говорит ей тут Кунлелю:

— Ну что ж, сестра, нам пора уже. Живи здесь себе спокойно.

А ведь это враги сестру его разыскивали тогда, потому и спрятали ее кереки.

Вот уж обрадовалась сестра! Ведь даже сестрой родной назвал ее Кунлелю на радостях, а она и не была ему вовсе родной сестрой, а только двоюродной.

Ушел Кунлелю со своими людьми, дальше они отправились. Много раз пришлось Кунлелю сражаться с врагами, где толь-

ко ни бился он с ними... Потому вот и ищут Кунлелю враги, потому и приходится биться снова. Оттого вот и оленей много у него, очень много стало оленей, большое уже стадо теперь у Кунлелю.

А ведь когда-то Кунлелю один по тундре скитался, ничего не было у него, очень бедным был прежде Кунлелю. И постоянно в тундре скитаясь, сильным и ловким он стал и даже силой шаманской сам овладел...

...Вот мчались на оленях как-то Кунлелю и люди его, от погоны вражеской скрываясь, нарочно мчались, чтоб врагов своих обмануть. Как вдруг видят — человек какой-то на дороге лежит... Подняли его, а он уже совсем было замерзнуть стал. В стойбище к себе привезли, там отогрели. И человек тот, в тундре найденный, настоящим сиротой оказался. Это и был Уккэмкэй — Посудинка, как звали его. Он в отряде Кунлелю шаманил потом, врагов помогал искать. Вот из таких, в тундре найденных сирот, и собирал свой отряд Кунлелю — Одноусый.

...И вдруг однажды, только темнеть стало, снова скачут олени упряжки к керекам... Ох и много же их! Враги это скачут, вражья стая летит на них, оказывается... Прямо к стойбищу кереков мчатся, окаянные! Подскакали к шатрам, спрашивать стали:

— Где люди Кунлелю?! Не видели?!

— А что это за люди Кунлелю? Скажите хоть нам...

— Будто не знаете! Врете вы все!

— Да мы и правда не знаем никаких людей Кунлелю, — говорят им кереки.

— А чьи же это следы мимо вас идут?!

— Вот уж не знаем!

— А где же тогда сестра Кунлелю этого?!

— Да не знаем мы ничего! Никого не знаем из людей Кунлелю!

Так вот ничего и не сказали кереки о людях Кунлелю, а ведь у них, у кереков, сестра Кунлелю скрывалась, сестра двоюродная.

Умчалась вражья ватага. И ведь прямо по следам упряжек Кунлелю понеслась!

...Далеко еще было видно вражеские упряжки эти олени, много упряжек!

Думает Кунлелю, что делать им. А товарищи и говорят ему: — Уходить надо скорей, Кунлелю, скрываться быстрее надо!

Отвечает им Кунлелю:

— Подождем еще! Не будем уходить. Пусть догоняют.

Сам же думает, спрашивает себя: «Как быть, однако? Что будем делать с ними?»

Да и товарищей у Кунлелю мало совсем. Вот их имена: Ирэпикыт — Мчашийся Рыбий Хвост, мастер езды на оленях, разведывающий дорогу в походах; Вэтхэукутывье — Речистый, Птытутычгин — Старая Камля, Чэграй — Храбрец, Эттыконай — Собачештаный, Рикуккэй — Лисишка и Уккэмкэй — Посудинка, тот самый, в тундре найденный, как и другие, в тундре найденные тоже.

Сказал, наконец, Кунлелю товарищам своим:

— Пока что оленей привязывайте к передним нартам сзади! Так вот и будем двигаться дальше — упряжка за упряжкой, с привязанными к нартам оленями!

И начали они оленей своих к каждой передней нарте сзади привязывать. А враги вон уже близко совсем...

Стал тогда Кунлелю одежду с себя снимать, до пояса обнажился Кунлелю. И тихо ведь было кругом, очень тихо, а ветра совсем никакого, ни малейшего ветерка.

Как обнажился Кунлелю, так голову запрокинул назад и сразу завыл, как волк... Кончил выть — одеваться начал.

Пока кухлянку надевал — тучи вдруг появились, уж очень быстро пришли... Пояс стал затягивать — снег повалил; шапку как стал надевать — ветер задул вдруг и завихрило сразу. А уж когда рукавицы натягивал — от снежных вихрей будто тьма наступила, ничего не видно стало...

Тогда только оделся Кунлелю, подготовился, как надо было, а как оделся совсем, к упряжкам пошел и на свою нарту сел. Уже глаза застилало от снежных вихрей, ничего не было видно, и все же в путь они тронулись, так вот и едут в пургу на своих упряжках оленьих... А впереди Ирэпикыт едет, всегда он передний у них, этот Мчашийся Рыбий Хвост.

Долго так шли боевые упряжки в пургу, нарта за нартой шли, только Ирэпикыт впереди был. Стемнело наконец, ночь уже наступила. Остановился отряд Кунлелю. А тут и пурга стала затихать, небо прояснилось, снова тихо стало кругом...

Говорит Кунлелю товарищам своим:

— Ну вот, товарищи мои, сон свалил наших врагов, дрыхнут

беспробудно они там, позади нас, на нартах своих, прямо на дороге храпят — устали, видно, за нами гоняться...

— А ведь и верно, так, видно, оно и есть! — отвечают товарищи его.

Еще сказал им Кунлелю:

— А ну-ка обратно вернемся теперь, прямо по следу нартов своих, назад теперь поворачивайте!

— Ну что ж, ладно, раз надо так! — отвечают товарищи его.

Вот повернули назад они, по своим следам обратно двинулись упряжки оленьи. А как двинулись, тихо совсем говорит товарищам Кунлелю:

— Эй, братцы, слушайте меня! Подкрадываться будем потихоньку мы к ним — дрыхнут ведь там они!..

Понимают братцы, хорошо понимают они, что тихо подкрадываться надо. А как дальше проехали еще, снова говорит Кунлелю людям своим:

— Вот что! Здесь привязывать надо оленей на длинные ремни, а сами пешими подбираться будем к спящим этим. Оружие надо бы все взять с собой — может, притворятся они спящими там, а сами и не спят вовсе. Но пока одни только копыя возьмем!

А товарищи Кунлелю — вот уж действительно бесстрашные все воины! Хорошо подготовились они к схватке с врагами. И вот подкрадываться начали люди Кунлелю к тем спящим — много их было там. Уже подобрался к ним, а те ведь действительно спят, храпят всюю, — вражья сила!.. Опять говорит Кунлелю тихо совсем товарищам своим:

— Вытащить надо копыя и луки, что на нартах у них, унести подальше надо! Потом, как спрячем оружие, всех перебьем спящих, тут же на нартах прикончим их!

Начали люди Кунлелю оружие с вражеских нартов вытаскивать. Крепко спят враги, храпит вражья сила... Кончили прятать оружие. Тогда приказал Кунлелю людям своим:

— Ну вот, а теперь приканчивать надо всех!

И стали они колоть врагов этих спящих, так и приканчивали их копыями прямо на нартах...

Как повскакала тут со сна вражья сила на нартах своих!.. Много их было там! Одни вперед с нартов кидались и прямо на копыя попадали спросонок... Другие, пробуждаясь в страхе, оружие свое на нартах искали, но никак не могли найти. Вот уж бил врагов отряд Кунлелю, бесстрашные воины его, товарищи его

верные! Тех, кто бежал, из луков били, стрелами доставали... Почти всех перебили там воины Кунлелю, почти всех прикончили, как и раньше бывало не раз. Совсем мало людей в отряде Кунлелю, совсем мало, однако ведь сумел перехитрить врагов своих многочисленных дружочек Кунлелю!..

Всех оленей, что были там, к стойбищу своему погнали стадом воины Кунлелю. А людей тех, что в живых остались, стадо гнать заставили, пленниками стали люди эти, погонщиками стада.

Так вот, силой отбивая везде, где только схватки бывали, оленей у врагов,— постоянно увеличивали стадо свое большое воины Кунлелю, много, очень много теперь оленей у них! А потому ищут Кунлелю враги его, везде ищут, уж очень они отомстить хотят. Но неуловим дружок Кунлелю — Одноусый!..

...Однако ведь и замирились, наконец, люди оленные, перестали было враждовать...

Тогда вот и спрашивает однажды людей своих Кунлелю:

— Кто же это, что за человек так перессорил, так обманул людей оленных, что вместе жили стойбищем одним большим, кто сделал это?

И тут вдруг воин один из его отряда крикнул:

— А я знаю, кто это сделал! Мотлинто это сделал. Мотлинто — Кровопускатель!

Очень рассердился Кунлелю! Сказал он тогда:

— Вот уж кого надо искать нам теперь! Только где же он есть, где скрывается тот Мотлинто, Кровопускатель этот самый?!

И тут же приказывает Кунлелю Уккэмкэю — Посудинке, что шаманить умел:

— Эй, Посудинка! А ну, попробуй узнать, как нам искать Мотлинто — Кровопускателя, где он есть?

— Ну что ж, раз надо, попробуем узнать, как искать его! — Посудинка отвечает.

Потом подумал Уккэмкэй — Посудинка и говорит им всем:

— Ну вот что! Тогда найдите самого большого белого оленя ездового и забейте его, а потом и важенку одну большую тоже! И сразу обряд совершать надо!..

— Ладно! — товарищи отвечают.

Забили они оленей таких, как сказал Уккэмкэй. Стали обряд совершать. И тут Уккэмкэй в бубен забил, будто видит он что-то

там, далеко в тундре... Бьет в бубен Уккэмкэй, а сам говорит нараспев:

— Теперь вот кочуем сначала вон туда, далеко, к большой горе высокой, что одна стоит... А там, на самой вершине этой горы высокой, увидим мы лося... А там опять обряд совершим — вот тогда, может, и найдем мы Мотлинто этого, тогда, может, и узнаем, где он есть, этот Мотлинто... А уж если лося этого большого убить удастся нам,— вот тогда только и найдем мы Мотлинто!..

Потом кончили они обряд совершать, перестал Уккэмкэй в бубен бить.

Вот и отправились они кочевым караваном туда, где не бывали еще никогда, к какой-то горе высокой, что одна там стоит... Впереди Ирэпикыт едет, Мчащийся Рыбий Хвост, на своей упряжке оленьей, а олени у него белые, быстрые олени у него. Путь выбирал он, вперед смотрел, всю дорогу передним был... И вдруг остановился Ирэпикыт, говорит товарищам, что сзади ехали:

— Вон какая-то гора большая виднеется там! Может, та самая и есть?..

И тут Уккэмкэй стал говорить:

— А ведь и верно, та самая, может, и есть... И верно, вот уж действительно та самая!.. Ну что ж, тогда прямо к ней и будем путь держать — какая же еще гора там может быть!..

Опять двинулись в путь упряжки олени, дальше едут люди Кунлелю, прямо в ту сторону, куда показал им Ирэпикыт — Мчащийся Рыбий Хвост.

Долго так ехали, долго тянулся караван кочевой! И вдруг действительно гора впереди показалась, большая гора, а на вершине горы будто утес острый чернеет,— оказывается, лось это, большой лось на самой вершине горы...

Там, внизу, и остановились они, у самого подножья этой горы большой. Потом трое из них пошли туда, на гору стали подниматься эти трое — Ирэпикыт, Уккэмкэй и сам Кунлелю. К лосю подкрадываться стали они незаметно. Долго подбирались они к лосю...

И вот, наконец, близко совсем подобралась к вершине горы... А там лось этот огромный лежит себе на вершине, будто утес острый торчит... Натянули тут свои луки все трое, прицелились хорошенько и как пустили разом стрелы, так и попали в лося, так и прикончили его. Вниз скатывать стали по склону горы тушу эту

огромную, так и докатили до стоянки своей. А там женщины освеживали и разделили тушу...

Потом Уккэмкэй опять стал говорить товарищам своим:

— Ну вот тут уж надо непременно узнать, где нам теперь искать Мотлинто этого, попробую узнать, попробую!..

И как начал сразу в бубен бить Посудинка, как начал... Но так, будто шутя бьет, забавляется вроде, балуется просто...

Тогда сказал ему Кунлелю:

— Что это ты забавляешься тут, Посудинка, баловством занимаешься! А ну-ка побыстрее узнавай, где нам этого Мотлинто искать!

Послушался Уккэмкэй, снова в бубен забил, уже по-другому бьет и говорит нараспев:

— Вот теперь-то уж прямо в сторону Мотлинто покоем, прямо в ту сторону, где Мотлинто этот скрывается... Прямо в ту сторону двигаться надо нам. Только вот опять же никак не найти нам сразу его, опять же ведь трудно сразу найти... Вон туда, далеко кочевать будем, в ту сторону двигаться будем... Вот там, по эту сторону гор, есть такие, что, как горностаи, под землей в норах живут, глубоко под землей их жилища скрыты. Это вот его, Мотлинто, сторожевые, дозорные его там живут... Вот их и надо нам теперь найти, вот их-то и будем искать... А уже как найдем жилища их подземные, стойбище дозорных этих, так схватить надо будет там человека какого ихнего, да и выведать у него хорошенько, где этот Мотлинто, где искать его, наконец... Но только ведь глубоко под землей их жилища скрыты, под землей, как в норах эти дозорные живут, а потому не увидим мы ничего сверху, трудно, очень трудно будет найти их...

Кончил говорить Уккэмкэй, перестал в бубен бить. Тогда сказал Кунлелю:

— Стало быть, теперь скоро уже найдем мы Мотлинто!

Разобрали они шатры свои, на нарты сложили, запрягли оленей и дальше двинулись кочевым караваном. Долго кочевали они опять... Трое впереди каравана едут на своих упряжках оленьих — Ирэпикит, за ним Кунлелю, а позади Уккэмкэй — Посудинка.

Ирэпикит опять, как и прежде, разведывал путь, по сторонам поглядывал, за дорогой следил Мчащийся Рыбий Хвост... Вот увидел он впереди что-то и сказал товарищам:

— Там впереди, далеко еще, будто выскочил кто-то и тут же скрылся быстро, вроде как обратно заскочил куда-то!

А Уккэмкэй и говорит сзади:

— Это, может, те самые и есть, дозорные, что под землей живут.

— А ну поскачем быстрее туда! — крикнул Кунлелю.

Помчались они, впереди — Ирэпикит... А как домчались туда, видят, а там, и верно, вход под землю какой-то, прямо как в горностаевую нору дыра...

Приказывает товарищам своим Кунлелю — Одноусый:

— Вы пока здесь подальше в засаду прячьтесь, а я того, кто выскочит оттуда, схватить постараюсь!

А сам тут притаился Кунлелю, поближе к входу подземному, не видно его с упряжкой на белом снегу... Олени-то ведь совсем белые у него. Правый олень в упряжке — крупная важенька ездовая из породы диких оленей, вот уж быстроногая и сильная важенька эта, да еще и с длинными острыми отростками рогов спереди. Да и сам Кунлелю в белом весь: и камлейка, и штаны, и рукавицы — все белое, вся одежда на нем белая, да и нарты, и упряжь на оленях — все светлое, не видно на снегу...

И вдруг юноша какой-то, молоденький совсем, начал вылезать из этой норы... Сначала только голову высунул и долго смотрел по сторонам, потом и сам весь наверх вылез. Быстро на ноги вскочил и не видит он Кунлелю, что притаился тут... Только выскочил юноша этот молоденький, как рванулся к нему Кунлелю сразу, правой вождой зацепил, да и свалил тут же на передок нарты своей... Так прямо на нарту и кинул юношу этого. А потом схватил и к товарищам своим отвез. Там спрашивать стали его:

— Где Мотлинто? Отвечай!

Ничего он не отвечает — испугался сильно дружок. Уговорили все же они этого схваченного, пообещали по-хорошему с ним обойтись, живым оставить. А потом опять спрашивать стали. Заговорил наконец... Сказал им пленник этот молоденький:

— Мотлинто вон там, в той стороне живет, только никому не добраться до него теперь...

— Ого, вот как! Не добраться, значит! А почему же это?

— А потому, что он ограждение вокруг жилища своего устроил, из одних камней больших сложил сначала стену каменную вокруг жилища своего, как скалу крутую... Высокую скалу вокруг жилища сделал, чтоб никто пробраться к нему не смог. Прямо как скала крутая, ограждение это вокруг жилища его. А те-

перь вот зимой всю эту стену каменную водой залил, и вот обледенело все это так, что не подступиться туда, не взобраться никак...

Так закончил свой рассказ пленник этот. Говорит ему Кунлелю:

— Вот уж спасибо тебе!

Потом сказал Кунлелю людям своим:

— А ну-ка попробую вот этих, что с ним вместе живут здесь, расспросить тоже!

Пошел туда к ним Кунлелю. Вот уж перепугались они там до смерти... Спрашивает их Кунлелю:

— Где Мотлинто со своей родней?

А они отвечают:

— Ни за что не скажем мы про Мотлинто, ничего не скажем!

— А ну говорите, да побыстрей!

Рассердился тут Кунлелю, сильно рассердился. А они так ничего и не говорят... Тогда еще спросил их Кунлелю:

— Вы что, люди Мотлинто?

— А как же, конечно! — закричали все.

— Так ничего и не скажете, где Мотлинто?

— Ни за что не скажем, ни за что! И тебя самого твоим врагам выдадим, все про тебя скажем, если убьете Мотлинто!..

Как сказали они такое, совсем тут рассвирепел Кунлелю, наверх выскочил из их норы, копьё схватил и обратно к ним прыгнул... Всех перебил он там, всех до одного... Потом выбрался оттуда наверх.

Юноше тому молоденькому, пленнику их, говорит Кунлелю:

— Ну а ты у нас поживи. Иди к нартам нашим, там тебя оденут получше.

Пошел юноша туда, где упряжки стояли, а ведь на нем верхней кухлянки не было, уже и мерзнуть стал дружок. Пришел он к их нартам, к упряжкам оленьим, его Ирэпикыт туда привел, с ним вместе был. Вот уж одели его там — в самую хорошую одежду! А потом опять в путь отправились, в ту сторону покатывали, где Мотлинто скрывался...

Вот уже и темнеть стало. И вдруг там, впереди, большую скалу обледенелую увидели они... И правда ведь, такая и есть она, как пленник рассказывал. Поближе подъехали и смотрят вверх. А в темноте почти не видно уже скалу эту ледяную, отвесную...

Стал тут думать дружок Кунлелю, спрашивает себя: «Как же нам взобраться туда?» Потом приказывает Ирэпикыту:

— А ну-ка осмотри кругом эту скалу!

— Еду!

Отправился Ирэпикыт на упряжке своей кругом скалы и с другой стороны вернулся... Говорит предводителю отряда:

— Вся кругом такая же, как и здесь!

Выпряг тогда Кунлелю белого оленя правого, важенку свою ездовую. Длинные отростки рогов у важенки спереди, острые рога у нее...

Длинный ремень крепкий размотал Кунлелю и важенку эту свою кругом обвязал покрепче, прямо как шлеей затянул ее. Потом как дернет за конец ремня, так важноточка эта славная и взвилась вверх, по ледяной скале той крутой, как ветер летела она вверх по скале ледяной скачками большими.

И ведь только отростками рогов упиралась она спереди в ту скалу ледяную, скользкую — свои рога острые в лед вонзала, когда наверх скачками летела... И только задними ногами упиралась в лед, подтягивала ноги сразу, и скользили они у нее легко и быстро... Передние же ноги так даже не касались льда... И вот уже на самый верх скалы той крутой выскочил белый олень, взобралась-таки наверх важенка эта, сильная и быстрая, — и тут засмеялся даже от радости хозяин ее, дружок Кунлелю.

И вот тогда уже, ухватившись покрепче за длинный конец ремня, быстро и ловко взобрался и сам Кунлелю наверх, а важноточка славная эта уперлась копытами там наверху — хозяйина придерживала на ремне... Так вот и вытянула наверх хозяйина своего важенка белая. Вот уж доволен был Кунлелю, радовался он. И на радостях там, наверху, даже лицом прижался к морде важенки своей...

А потом поднял на ремне Кунлелю и людей своих, товарищей своих верных. Скатились они по льду вниз, уже по ту сторону скалы этой крутой, — так к шатру Мотлинто прямо и скатились...

Вот уж большой шатер там у Мотлинто — Кровопускателя этого, — очень большой шатер, оказывается, да и укреплен как! Только вот ночь уже наступила, совсем темно было, когда подобрались они там к самому шатру этому большому, настигли, наконец, Кровопускателя!

Опрокинул тогда Кунлелю нарту свою легковую и стал по ползьям стучать нарочно... И тут вдруг слышат они — пробудился у себя в шатре Мотлинто этот самый...

— Кто это там, свои, что ли?! — кричит он из полога.

Отвечает ему Кунлелю снаружи:

— Эй, ты! Вылезай-ка лучше сюда, да побыстрей! Долго еще ждать нам тебя тут?! Настигли тебя, наконец, выходи!

— Ладно, подождите! Вот только детей одену!

И тут как закричали вдруг, как заплакали громко дети его, будто сделал он что с ними... А это он копьем закалывал сыновей своих, оказывается...

Еще раз крикнул ему Кунлелю снаружи:

— Эй, ты! Вылезай скорей, тебе говорят! Надоело уже ждать тебя тут!

— Да подождите вы! Вот только жена оденется!

А на самом деле приканчивал он жену свою после того, как сыновей прикончил... Вот так и перебил он их всех, всю свою семью уничтожил...

А сам он, Мотлинто этот, Кровопускатель, вверх подпрыгнул, покрышку шатровую у дымового отверстия копьем разодрал, да и выскочил так наружу, на землю спрыгнул с копьем в руках...

И сразу тут Кунлелю, дружок, с копьем на него бросился...

Долго бились они там на копьях, страшно бились!

Но вот слетел наконечник железный с копья у Мотлинто! Одним дровком пытался еще биться Мотлинто. Но одолел его все же Кунлелю, дружок! И тогда руки ему отсек Кунлелю, без рук его оставил...

А потом спрашивает его Кунлелю:

— Ты зачем людей обманул оленных, что поселились вместе, а сам сбежал потом?!

Молчит Мотлинто — Кровопускатель...

А близко тут от него шатры вражеские стоят, богатых хозяев оленных это шатры. С ними заодно был Кровопускатель, с врагами этими, кормился у них Мотлинто. Большие, очень большие стада у хозяев этих, а пастухами в стадах у них самые бедные людишки работали, безоленные совсем. Хорошо жил при богатых хозяевах этих Мотлинто, никаких забот не знал Кровопускатель! Да ведь и кормился он постоянно у них, у врагов этих богатых!

Ну и приказал тогда Кунлелю людям своим:

— Поднимите его туда, наверх, к нашей стоянке отведите! А потом заставьте его стадо свое пригнать к нам, пусть сам стадо пригонит!

И тут уже Кунлелю к вражеским шатрам направился. Подошел к шатрам Кунлелю и спрашивает хозяев:

— Вы что, многооленные, богатые, что ли?!

— Нет, нет! Вот уж нет! — отвечают они, кричат ему из шатра.

И вдруг как начали они стрелять, как стали вдруг стрелами бить в Кунлелю из луков. Прямо так из шатра и бьют в него... А Кунлелю как у входа стоял, так сразу вход в шатер и закрыл, придерживает вход, подпирает снаружи. А они там в шатре все стреляют, вот уж стрелами бьют из всех луков своих!..

Но тут стрел не стало у них — все расстреляли, нечем больше стрелять...

Тогда и говорит им Кунлелю:

— Ну, а теперь я попробую вас прикончить, раз уж меня вы никак одолеть не смогли, хоть и много вас!

Снял он с себя пояс и из-под кухлянки наконечники стрел вытряхнул... Словно камнями была кухлянка набита наконечниками стрел, что били в него. Так и вывалил он их на землю из кухлянки!

Взял в руки копьё свое Кунлелю. И как начал он тут один врагов этих бить, всю орду эту вражью, хозяев этих богатых, на смерть копьём приканчивал! А ведь много их было там!

Вот уж крови здесь натекло! Как вода текла кровь... Всех перебил Кунлелю, никого в живых не оставил, много врагов одолел...

Потом, как кончилось это все, уходить стал отсюда. К стоянке своей сразу пошел, туда, где люди его ждали, товарищи его. Пришел к стоянке своей Кунлелю, сказал товарищам:

— Этого Мотлинто заставьте стадо гнать! Пусть так вот, без рук, и гонит!

Вст так и нашел Кунлелю Мотлинто этого, Кровопускателя, нашел ведь все же, как ни скрывался тот!

И заставили его, этого Мотлинто безрукого, стадо гнать. А чтоб кровь не шла, перевязали руки ему. Так и ходил он, будто под кухлянкой руки держал.

Хромой, да сильный

(Предание)

Говорят, это большое стойбище было, много шатров там стояло. Сторожевой отряд в стойбище том находился¹. И женщин там очень много было.

Жил там один человек хромой, хотя и сильный очень. Не сражался он вместе с товарищами, потому что хромым был и ходил медленно. Звали его Пыглин.

И когда весь отряд в поход уходил, одни только женщины в стойбище оставались да тот Пыглин. Из мужчин он один там оставался.

И каждый раз, когда уходил сражаться отряд, он один и оставался там. К тому же и толстоват он был немного.

Однажды опять все в поход отправились, и снова Пыглин один с женщинами в стойбище остался.

Вдруг слышит, женщины у шатров закричали, громко кричат:

— Ой-ой, смотрите! Вон врагов идет сколько, да много их как! Ой, что делать нам?!

¹ В этом предании речь идет о сторожевом дозорном отряде чукотских воинов, временно находившихся вблизи тех мест, где кочевали оленные коряки. Это могло происходить в период межплеменной борьбы чукчей с коряками за оленьи стада (XVIII век).

Совсем растерялись женщины от страха, и кричали они изо всех сил:

— Ой, пропали мы! Что делать нам?!

Говорит им Пыглин, спокойно говорит, не торопясь:

— Ну довольно вам, замолчите!

— Ой, да уже подходят они! Что делать нам?!

— Пусть подходят, — отвечает Пыглин.

Пстом сказал он кричавшим женщинам:

— Эй, вы! А ну со всех шатров шести из треног соберите! По одному шести оставляйте в треногах шатровых. И один, самый толстый шест, поперечный, тащите сюда. Ну, бегите! Живей, живей!

— Ладно, ладно!

Вот уж бросились бежать женщины к шатрам! Быстро стали треноги разбирать во всех шатрах. По одному шести в каждом шатре оставляли. И один самый толстый, поперечный шест, притащили. Много собрали шестов.

Говорит им Пыглин:

— А ну, теперь вон туда, в шатер, подальше прячьтесь да побыстреей!

Быстро попрятались женщины в шатер к Пыглину, у задней стенки в кучу сбились. Натянул тогда Пыглин тетиву на толстый шест поперечный. И стал он врагов ждать в шатре своем.

Подходят они уже... Грозный клич слышен:

— Ав-ач! Ав-ач!

Быстро, очень быстро приближаются враги! Как налетела тут вражья орда! По всем шатрам рыскать стали:

— Где же люди?! Да есть ли хозяева тут?!

По всем шатрам людей ищут. Наконец в самом заднем шатре людей обнаружили:

— Эй, сюда! Этот с людьми!

Сказал тогда их предводитель:

— Ремень подлиннее тащите сюда! Шатер этот свалить надо!

— Эй, сюда скорей! Свалим шатер ремнем!

Набежали тут враги со всех сторон. Уже и за ремень берутся, тянуть начинают. Но никак свалить не могут шатер — сильно укреплен! Со всех сторон укреплен шатер, камнями кругом обвешан!

И вот тех, ремень тянувших, что снаружи, прямо напротив входа оказывались, стал бить из шатра наш Пыглин шестью-стрелами! Всех валил, всех бил Пыглин!

А врагов много, очень много — со всех сторон к шатру бегут! Но ловок Пыглин — бьет он их стрелами из шестов шатровых, на смерть бьет! Ну и умен Пыглин — из толстого шеста поперечного лук сделал, а другими шестами бьет из лука, как стрелами!

А тут вдруг все люди, что с передней стороны шатер ремнем тянули, прямо напротив входа оказались... Как стал тут бить по ним Пыглин — всех свалил. И те, что с другой стороны ремень тянули, сразу с ног повалились да как стали орать:

— Что же это?! Где там люди, что тянут с другого конца?!

А сами вскочили и бегут все туда, где вход в шатер этот. А там их прямо из шатра бьет Пыглин, всех бьет, кто напротив входа оказывается...

И в битве этой все меньше и меньше людей оставалось.

А как только началась битва, женщины в шатре стрелы из шестов готовили — шесты треножные надрезали.

Вышел наконец из шатра хромой Пыглин. И тут же, как вышел, все стрелял и стрелял по врагам шестами-стрелами! И вот уже мало совсем их осталось, врагов орущих, сильно поредел отряд вражеский.

Убегавших в страхе врагов орущих стрелами настигал Пыглин. Уничтожил он вражеский отряд, только немногие бегством спаслись: может, восемь всего или пять — мало совсем, очень мало!

Кончилась битва Пыглина. Вот уж радовались женщины все! Крикнул им Пыглин:

— А ну выскакивайте поживей, уже кончилась битва моя, удрали вон враги недобитые, что оставались еще!

Тут только женщины от страха опомнились, наконец, запрыгали все от радости!

Потом, когда отряд этого стойбища из похода вернулся, рассказали женщины о том, что было, и о Пыглине.

И Пыглин рассказал им о битве с врагами, сказал, как из лука, что из поперечного шеста сделал, шестами-стрелами из треног шатровых уничтожил он вражью орду. Говорил Пыглин:

— Налетел тут вдруг отряд вражеский. Одному удалось мне справиться с ними, хоть и много их было.

Хвалили его воины, говорили ему:

— Вот спасибо тебе, бесстрашный ты!

Сильно помог он, а ведь один, хромой к тому же, сумел уничтожить вражеский отряд.

Миф о человеке орле

Жил оленивод один в тундре. Не было у него сыновей. И постоянно сам он пас оленей своих.

Вот пошел он однажды в стадо на ночь. Вдруг стон услышал и думает: «Что за диво, что же это послышалось мне? А ну-ка схожу, посмотрю!»

Пошел он прямо на стон и вдруг орла с поломанным крылом увидел... Подошел к нему и унес его в свой шатер.

С той поры долго болел орел. Человек постоянно оленей забивал, чтобы поправился орел.

Наконец понемногу стал говорить орел. Сказал он человеку:

— Ну, теперь довольно уже забивать оленей!

А человек говорит:

— Ну, нет! Вот вылечу тебя, тогда и перестану забивать.

А стадо все меньше и меньше становилось.

Вот уж заметно уменьшилось стадо. Когда весна началась и от стада его совсем мало осталось оленей, уже поправляться стал орел.

Лето наступило — ни одного оленя не осталось, и орел уже совсем поправился. Говорит он человеку:

— Вот и съел я твое стадо. Полетим к нам теперь. Потом обратно сюда вернуться помогу тебе.

Когда собрались в путь, сказал орел:
— На спину мне садись!
Сел человек на спину орла. Долго, очень долго летели они!
Наконец подлетать стали к тому месту, где орел жил. Прилетели.
Обрадовались было братья орла, заговорили:
— Давай прикончим его и съедем!
Рассердился орел, сказал:
— Вот уж нет! Он меня спас, а вы прикончить его хотите!
Долго пробыл там человек.
Наконец однажды говорит орел:
— Пора, повезу обратно тебя!
Дал он человеку ящичек небольшой и сказал:
— Когда вернешься — открой его.
Потом отправились они. Принес обратно орел человека, а сам улетел.
Ящичек открыл человек, а оттуда стадо оленей появилось...

Предание
о приморском
юноше
и оленей
девушке

Приморские эти — отец, мать и сын их — втроем жили. Никак сына женить не мог отец — не хотел сын.

Наконец сказал сын отцу:

— Не буду я здесь жену брать!

Спрашивает тогда отец:

— А откуда же брать будешь?

Отвечает сын:

— Оленнюю девушку нашел я. Вот ее и возьму в жены.

Говорит отец:

— Не сможешь ведь! Медлительный ты — не удастся тебе взять ее в жены!

Но сын сказал:

— А вот и смогу! Возьму ее в жены!

— Ну что ж, приводи ее тогда!

— Ладно! — отвечает сын.

А потом и говорит матери:

— Торбаса мне сшей, десять пар, и мясом наполни их, все торбаса мясом наполни!

— Ладно! — сказала мать.

Сшила мать торбаса, мясом их наполнила.

Говорит тогда сын:

— Ну что ж, отправляться мне надо!

Мать спросила только:

— Когда вернешься?

— Два месяца пройдет, тогда и вернусь.

— Что ж, ладно! Хоть не расстраивай меня, чтоб не волновалась я за тебя! — говорит ему мать.

Ушел сын.

А в ходьбе он быстрый был. Быстро, очень быстро шел юноша. Торбаса в ходьбе изнаются — другие надевает. Мясо, что в них положено было, съедает и спать ложится. Проснувшись, дальше идет. Стемнеет — спать ложится. Еще торбаса изнаются — другие надевает, а мясо съедает. Так вот и шел юноша...

Наконец десятую пару обуви надел, последнюю пару надел...

И вдруг стойбище увидел: десять шатров в стойбище том. Ох и большое же там стадо было, много оленей!

Спрятался юноша до наступления темноты. А когда уже стемнело совсем, к шатру пошел. К самому крайнему шатру подошел потихоньку. Ухо приложил к крышке шатровой и прислушаться стал...

А там, в шатре, отец говорит дочери:

— Замуж выходи!

Отвечает дочь:

— За кого же выйду я здесь? Нет, ни за кого не пойду здесь, ни за что не пойду!

Говорит отец:

— Вот как! А за кого же собираешься замуж выйти?

Отвечает девушка:

— А за приморского!

Спрашивает отец:

— А сможешь ли?

Говорит девушка:

— Смогу, смогу!

— Ну что ж! Посмотрим! — отец отвечает.

...Оказывается, юноша этот приморский, что у шатра стоял, давно уже ходил сюда, к девушке этой оленной. Давно, оказывается, встречались они и разговаривали...

И вот говорит ей отец:

— Ну тогда ищи мужа себе! Сегодня же найди!

— Найду, найду!

...Услышал юноша, у шатра стоявший, что сказала девушка, подумал про себя: «Ну что ж, войду в шатер тогда...»

Подошел он к входу в шатер, похлопал по крышке шатровой.

— Кто это? — спрашивают из полога.

— Да вот, пришел!..

Говорит отец дочери:

— Слышишь?! Пусть войдет!

Вскрикнула девушка:

— Ой!!

Вышла она из полога, увидела юношу. За руки взялись они. В полог вошли.

Посмотрел отец на юношу. Обрадовался отец. Говорит:

— Ну и хороший какой!

Мясо сварила девушка. Хорошей оленины наварила. Стали есть. Как поели, говорит отец:

— Раз уж не смог я замуж дочь свою выдать здесь, за оленного, раз уж нашла человека хорошего, — так идите тогда, поскорей уходите, пока люди в стойбище не проснулись. Сразу же, пока темно, отправляйтесь! А то увидят тебя — убьют ведь!

...Ушли они, пока еще темно было.

Много раз ночевали в пути. Девушку даже на себе нес юноша...

Наконец пришли они к его стойбищу. Увидел отец юноши девушку эту и говорит:

— Вот так диво! Ну и красивую же девушку ты нашел, вот уж спасибо тебе! Никогда еще не видел такой красивой девушки!

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Беликов. О чем рассказывают чукотские народные предания, мифы и сказки	3
Миф о большой гагаре	21
В Нэтэне это было (Предание)	22
Миф о человеке и белых медведях	24
Сказка о вороне и волке	28
Лиса и медведь (Сказка)	30
Старичок и каляйнин (Сказка)	35
Миф о дочери, к утесу подвешенной	39
Сирота и волки (Сказка)	41
Сказание о Рорате	46
Миф о вороне и человеке	52
Миф о лебеде и орле	53
Сказание о двух братьях с сестрой	57
Состязание в колдовстве (Сказка)	66
Предание о Чивтыгине из Утэна	70
Предание об охотнике Кивлине	73
В глубину моря ушедший (Сказка)	78
Сирота и горностаи (Сказка)	80
Сказка о вороне	83
Ворон и лиса (Сказка)	88
Сказание об Эйпыги и его братьях	90
Предание о сироте	93
Сирота и эрмэчин (Сказка)	97

СОДЕРЖАНИЕ

Миф о девушке, моржом ставшей	99
Сказание о брате с сестрой	102
Сказание о сильном Вытрытве	108
Сказка об олене Опасные Рожки	116
Предание о волчьем племени	126
Смелый сирота из Мечигмена (Предание)	132
Предание о нагих людях, на скалах живших	134
В пургу заблудившийся (Миф)	136
Сказание о Тиркинпынэу — Солнечной Старухе	138
Как шаман колотье лечил (Сказка)	150
Одна-единственная дочь (Сказка)	154
Чем зверей разных добывают (Миф)	156
Медведь и мальчик (Сказка)	157
Миф о женщине и тюлене	161
Лживый шаман (Предание)	163
Шаман-обманщик (Предание)	165
Миф о четырех братьях	167
Предание о скупом Вэгретэме	170
Сказание о Нанкитэмтэне и его сыновьях	174
Сказание о Кунлелю и его отряде	183
Хромой, да сильный (Предание)	198
Миф о человеке и орле	201
Предание о приморском юноше и оленней девушке	203

Беликов Л. В.

Б43 Чукотские народные сказки, мифы и предания /Записал и пер. Л. В. Беликов; оформ. Д. А. Брюханова.— Магадан: Кн. изд-во, 1982, 207 с., ил.

7500 экз.— 1 р. 90 к.

7500 экз.— 1 р. 50 к.

В сборник вошли записанные на Чукотке в 30—40-е годы Л. В. Беликовым, известным специалистом по чукотскому фольклору, и переведенные им же с чукотского языка сказки, мифы и предания, ныне составляющие золотой фонд литературы маленького северного народа.

Б $\frac{47.2.66-045}{M-149(03)-82}$ —14-82

84 Чук.

ЧУКОТСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ, МИФЫ И ПРЕДАНИЯ

Записал и перевел с чукотского

Лев Васильевич Беликов

Редакторы Л. А. Савельева, Л. Г. Тынель
Художественный редактор Ю. А. Коровкин
Технический редактор В. В. Плоская
Корректор Е. Л. Меламуд

ИБ 00235

Сдано в набор 04.08.82 г. Подписано к печати 17.12.82 г. АХ—01537. Формат 70×90/16. Бум. офс. и мел. Школьная гарн. Высокая печать. Объем 15,21 усл. п. л., 31,37 усл. кр.-отт., 11,7 уч.-изд. л. Заказ 577. 15 0000. Цена: на мелованной бумаге 1 р. 90 к., на офсетной — 1 р. 50 к.

Магаданское книжное издательство, 685000, Магадан, пр. Ленина, 2.

Магаданская областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома, 685000, Магадан, пр. Горького, 9